ВАЛЕНТИН БАДРАК

7 пар, очаровавших мир

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга откроет вам путь к применению успешных практик в построении семейных отношений. Она поможет сформировать оптимальную стратегию отношений с противоположным полом, ориентированную на создание семьи.

- Валентин Бадран
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - Николай и Елена Рерих
  - Михаил и Раиса Горбачевы
  - Марк и Белла Шагал
  - Артур Конан Дойль и Джин Лекки
  - Ярослав Мудрый и Ирина
  - Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар
  - Карло Понти и Софи Лорен

Валентин Бадран
7 пар, очаровавших мир
(Опыт выдающихся личностей нашей цивилизации)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Николай и Елена Рерих, Михаил и Раиса Горбачевы,
Марк и Белла Шагал, Артур Конан Дойль и Джин Лекки,
Ярослав Мудрый и Ирина, Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар,
Карло Понти и Софи Лорен…

Несмотря на то что сумасшедшая, неустанно жмущая на педаль газа, цивилизация неуклонно и со свойственным ей цинизмом разрушает вековые устои, хищнически подкрадываясь к самому сокровенному – любви, извечная борьба инстинктов жизни со стремлением к смерти приводит человека к осознанию необходимости найти спасение от хаоса в семье. С установлением новых идеалов в виде осознанного одиночества или однополой любви человечество несет крупные потери, однако миллионы людей по-прежнему стремятся создать прочный союз и отыскать свою «половинку».

История существования человека доказывает, что, с одной стороны, имеет место устойчивое подсознательное стремление к формированию жизненного уклада в семье, а с другой – современный мир пронизан не внушающими оптимизма тенденциями. Семья, имея прежнюю ценность, перестает играть прежнюю роль на практике. Хотя ни крайний эгоцентризм мужчин, ни невероятное расширение с развитием пресловутой эмансипации социальных прав женщин не исключают стремления к противоположному полу. Это стремление все больше становится эпизодическим, без проникновения в мир друг друга, без эмоционального единения и, в принципе, без души. Такая поверхностная форма отношений ведет к бездуховности, а рождающиеся от подобных краткосрочных отчужденных союзов дети и во взрослой жизни остаются эмоционально черствыми, как усохший хлеб. И если эта тенденция с течением времени, не дай бог, наберет силу, человек неминуемо вплотную приблизится к вырождению.

Поведенческие реакции человека, от самого первого младенческого крика до последнего, завершающего акта жизни, являются цепью причинно-следственных связей, результатом сложного комплекса многослойных отношений человека со всем остальным миром. Это вытекает из неоспоримых законов Жизни. Каждый получает именно то, к чему идет, с силой отдачи, равной силе внутреннего стремления и намерений. Поэтому очевидно, что успешные пары – это не дар Божий, не мистическое совпадение душ-половинок, а подготовленная долгим формированием миропонимания психика, обуславливающая

психологическую предопределенность и психологическую готовность каждого из двоих к обретению счастья, помноженные на продуманную, выпестованную терпеливым трудом, тактом и уважением деятельность. А также развитая способность к сопереживанию, чуткости, эмоциональной вовлеченности в жизнь партнера. Это можно обозначить как способность «чувствовать друг друга», которая достигается не иначе, как вследствие реализации определенной, пусть и бессознательной стратегии. Порой кажется, что пары плывут по жизни, как игрушечные кораблики, преодолевающие стремнины горной реки: кому повезет, а для кого препятствия становятся местом, откуда каждый из двоих продолжает свой путь в одиночестве, надеясь построить новое, более крепкое суденышко взамен разбитого и покинутого. Жизнь – не компьютерная игра и не поддается программированию, и для большинства остается загадкой, отчего одна пара сохраняет равновесие и спокойствие, а другая, даже при внушительной поддержке извне, топит свой несчастный кораблик, а вместе с ним и свое выскользнувшее из рук счастье. Работа над книгой убедила автора в том, что выбор спутника жизни нередко становится мощным стимулом для личностного развития и духовного роста, открывает новые возможности для раскрытия личности, обогащения ее важными духовными ценностями. Порой лишь посредством создания семьи человек получает свой шанс двигаться дальше, в глубины сознания, чтобы, как ныряльщик, ищущий редкий жемчуг, отыскать новые величественные и необъятные формы бытия, в которых проявляются совершенно неведомые, бесценные грани выражающейся натуры.

Несколько слов о героях этой книги. Хотя можно отыскать множество счастливых пар, обитающих среди обыденного и наслаждающихся тривиальными ценностями, их незамысловатое счастье едва заметно для окружающих. Нередко с простодушной наивностью полевых цветов оно пробивается сквозь душные и по-военному стройные ряды сорняков. Это неземное ощущение подвластно каждому желающему – любви можно и нужно учиться, не озираясь по сторонам. И все же для исследования семейной жизни под микроскопом, для беспристрастной попытки наглядно продемонстрировать важные общие черты счастливой семьи, необходимы известные имена, личности, которые человечество хорошо знает. Всегда полезнее учиться на примерах неординарных персонажей, ибо их удачная личная жизнь может стать судьбоносным ориентиром для каждого.

Пристальный взгляд на известные пары обнаружил изумительный парадокс: все истинно счастливые пары состояли

из самодостаточных, развитых, самобытных, раскрывшихся, уверенных в себе личностей, сформировавших свое счастье путем мудрого сложения, как в игре, где хитроумно складываются пазлы. Действительно, работа над созданием счастливой семьи сродни труду, направленному на построение успешной личности, поэтому не бывает счастливых пар, составленных из личностей ленивых, недоразвитых и деструктивных. Наши семь примеров являют собой некую линейку разнообразия, на которой каждая пара сумела установить свою, отчетливую и только ей подвластную величину. Их роднит только одно – внутренне ощущение счастья и такое же внутреннее согласие, схожее с состоянием гипнотической гармонии. Во всем остальном они различаются.

Николай и Елена Рерих – пара-миссия, с ведущим женским началом, утверждающая важнейший принцип: семья не является самоцелью, но двойная миссия делает ее легендарной. Тут и роль семейных традиций, и взаимное дополнение друг друга, и успешно построенные отношения с остальным миром, на который они осознанно влияли.

Михаил и Раиса Горбачевы показали успешное совместное стремление к крупной цели, с виртуозно сыгранными ролями. Это иная форма миссии, в которой жизнь семьи подчинялась движению к власти. Но власть, даже верховная власть в империи, не затмевала отношений между мужчиной и женщиной.

Марк и Белла Шагал – одухотворенная, небесная любовь уравновешенных партнеров, утверждающих творческое начало и свободу. И опять семья – не главная цель, а форма организации жизни. Сосредоточенность, энергетическая защита, взаимная поддержка – вот основные принципы этой любви.

Артур Конан Дойль и Джин Леки – это верховенство традиций и привитых в детстве консервативных догм. Рыцарь и дева, освященные религиозными принципами, прошли рука об руку, несмотря на то, что жизнь не всегда была милостива к этой семье.

Ярослав Мудрый и Ирина – это классика матримониального брака. Эта семья сумела утвердить консервативные ценности брака, силу женщины в создании своего мужчины, весомость стараний и компромиссов. А еще понимание, что религия – не догма, но инструмент, шестеренка в механизме, на котором работает семья.

Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар – это противоречивый и сугубо французский союз. В какой-то степени, альтернативная форма отношений, приемлемая далеко не для каждой пары. Но исторически она показала себя действенной, жизнеспособной. И

поскольку сами участники союза не отступились от своих принципов, эта форма имеет право на утверждение некого заменителя гармонии.

Карло Понти и Софи Лорен – это необычное решение обычных проблем. Пара, выросшая из заурядного союза до чарующей гармонии. Пара, терпением и прощением утвердившая традиции брака и его силу, доминирование над всеми остальными формами взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Их браки не идеальны, поскольку то, что мы считаем идеалом, существует лишь в нашем воображении. Их браки стали счастливыми союзами, потому что в их воображении именно так выглядело счастье. А это то, чему стоит поучиться.

Николай и Елена Рерих

Сорок лет – немалый срок. В таком далеком плавании могут быть встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои Елене, Жене моей, Другине, Спутнице, Вдохновительнице. Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения мои должны выносить два имени – мужское и женское…

Николай Рерих

Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины.

Елена Рерих

Кажется, они пришли с необыкновенной, какой-то жреческой миссией. Пройти путь праведный и благородный вместе от самой первой встречи и до последнего удара сердца, путь вечного поиска Истины. Чтобы доказать, что великая любовь является единственно важным озарением души и что она… возможна. Жгучая жажда жизни наделила их и редкой счастливой любовью. Они сумели пронести огонь этого океанического чувства, не только не растеряв углей за сорок шесть лет совместной жизни, но и превратив этот огонь в исполинское горнило чувств, в излучающий неимоверное тепло костер, не затухающий под порывами ветров и бегом неумолимого времени. Про них твердили, что они были допущены к какой-то неуловимой тайне, надежно скрытой неведомыми силами от непосвященных и недостойных. Он был вечным искателем, она – его неизменной Ладой, самоотверженной и направляющей духовной опорой, неутомимым ангелом-хранителем, данным свыше, чтобы с отвагой отметать любые сомнения.

Старшему ребенку в семье преуспевающего нотариуса Петербургского окружного суда Константина Рериха Николаю была предоставлена впечатляющая, никем и ничем не ограниченная свобода действий. Развитию его воображения и свойственной глубоким интровертам впечатлительности способствовало и постоянное чтение детских книжек, причем мальчика более всего привлекали исторические сказания. Еще одним превосходным стимулом к познанию нового оказалась и действительно прогрессивная для тех времен частная гимназия Карла Мая, в которой все обучение было построено по принципу познавательной игры, там учеников поощряли и ободряли во всех начинаниях. Высокий художественный стиль и превосходное образование являлись органичным и естественным климатом для взращивания нового творца. Эти качества самым непосредственным образом отразятся на его отношении к семье, настроенном на волну спокойного и вдумчивого решения возникающих проблем при наличии незыблемых принципов и практически неограниченной свободы во всем остальном.

Появление у Николая качественно иных, не схожих с отцовскими представлений о мироздании и своей роли в нем связано с целым рядом факторов и событий. Нестесняющий домашний быт и неизменное поощрение исканий со стороны ближайшего окружения предопределили непринужденность при ненавязчивом вовлечении в мир книжных переживаний. В нем рано проявились важное и неотъемлемое качество будущего таланта – религиозная впечатлительность, которая непременно будет присутствовать в семейном укладе и создавать теплую ауру особой духовности.

Похоже, первая мысль о путешествиях посетила Николая еще в детстве, когда он с почти религиозным восторгом и каким-то смутным благоговением рассматривал величественную бронзовую фигуру «первого русского плавателя вокруг света» Ивана Крузенштерна, расположенную вблизи дома на Васильевском острове. Николаю было лишь девять лет, когда в имении побывал известный археолог Ивановский, поведавший зачарованно слушавшему его мальчику о древних могильниках в окрестностях «Извары». Конечно, сыграли свою роль и рассказы о ставшем всемирно известным Генрихе Шлимане. С годами все чаще веселым играм со сверстниками Николай предпочитал упоительное пребывание наедине со своими размышлениями. Рано развитое богатое воображение разыгрывало невероятные исторические сцены, он пытливо и восторженно впитывал неповторимые моменты пролетевших столетий, с которых осторожно смахивал пыль тайны. Полет мысли открывал ему

такие вещи, которые и не снились никому из его семьи или беззаботных окружающих. Его потрясала, выворачивала наизнанку тишина, в которой он уже в юношеские годы усмотрел первопричину гармонии и возможность незаметно слиться со всемогущей и всеобъемлющей Природой. Да, он другой! Не такой, как отец, размышляющий о каких-то законодательных тонкостях.

Трудно переоценить и влияние на молодого Рериха тех, кто оказывался в гостях у известного столичного юриста. Выдающийся химик Менделеев, признанный авторитет в области правоведения Кавелин, неординарные ученые-востоковеды Голстунский и Познеев – все они являли собой прежде всего примеры необыкновенной увлеченности и сосредоточенности на своем предмете. И юноша, копируя колоритных мужей, доходит до отрешенного фанатизма, под «микроскопом» изучая свои личные отношениях с Природой. С необычайным, даже, можно сказать, болезненным для ученика прилежанием он изучает птиц, одержимо собирает коллекцию перьев и минералов, с не характерным для юноши рвением оттачивает слог, в семнадцать лет уже печатается в журнале «Русский охотник». Похоже, в это время гимназиста посещают первые мысли о своей миссии, ему явно не по душе занятие отца. Юный Рерих все больше рисует, несмотря на растущее недовольство семьи. Это неукоснительное стремление к самореализации придает ему особый отпечаток серьезности, рано наделяет чертами подлинного чародея, этим самым подкупающим штрихом портрета будущего жениха, мужа, отца.

Но когда пришло время выбирать жизненный путь, непреклонный отец настоял на поступлении в университет. А уж если у сына такое непреодолимое стремление к живописи, пусть он совмещает «серьезное дело» со своим неуемным хобби. Николай принял родительское предложение, поступив одновременно и на юридический факультет, и в Академию художеств, где в то время царили творческие идеи плеяды известных мастеров: Репина, Шишкина, Васнецова, Сурикова, Архипа Куинджи, в мастерскую которого он перебрался по достижении двадцатилетия. На деле вышло, что жесткое условие еще более усилило в молодом человеке акцент на достижениях, сформировав раннюю сосредоточенность на высоком результате. Только для себя различимым пунктиром он наметил направления нового поиска, устремившись в такую высь, о которой даже не подозревали его родные. Несмотря на бешеный ритм жизни с одновременным посещением двух учебных заведений, Рерих еще ухитрялся заниматься самообразованием: он осознавал, что

настоящий живописец и мыслитель не может обойтись без глубинных знаний Природы. Путь самопознания и конструирования собственной личности как нельзя лучше прослеживается в дневниковых записях честолюбивого юноши, жаждущего признания и доказательств своей духовной самодостаточности. Кажется, прежде всего он намеревался доказать отцу, что волен сам выбирать свою судьбу, поскольку трудом и достижениями подтвердил, что его собственный путь весомее, содержательнее и насыщеннее, чем путь отца, лишенный творчества, а значит, возможности оставить глубокий след для потомков.

Отец стал для молодого Рериха первым раздражителем и стимулом для творчества, порывам которого он останется предан всю жизнь. Замаскированное противостояние с непреклонным родителем, тихое и тщательно скрываемое от внешнего мира, стало сильным импульсом к самостоятельности. Кощунственно ограниченный отцом в карманных расходах (чтобы не хватало на необходимые для живописи краски), студент Рерих сам должен был позаботиться о дополнительном заработке.

С каждой новой маленькой победой молодой человек укреплялся в мысли стать настоящим живописцем, затронуть своим творчеством такие струны человеческой души, которые пробудят чуткость к красоте и величию Природы и станут новым импульсом к самосовершенствованию. Последнему он придавал колоссальное значение, с юных лет начав лепить из себя творца, способного заглянуть за горизонт суетного бытия. Сохранились свидетельства о созданном им «Проекте правил кружка академистов императорской Академии художеств, посвящающих себя самоусовершенствованию». Среди дополнительных направлений оказываются философия, естествознание, история, психология, эстетика, археология, мифология… Стремление к высочайшим достижениям подчинило всю личную жизнь молодого человека идее саморазвития. Можно с высокой долей уверенности говорить о сублимации либидо, когда сексуальная энергия под воздействием воли направлялась в русло творческого роста. Естественно, эротической сдержанности способствовал и набор нравственных правил, исповедуемых и насаждаемых интеллигенцией, элитарно-аристократической средой, из которой вышел Николай Рерих. Его внутренняя система оказалась в определенной степени настроена на поиск для себя социально значимой роли, предусматривающей творческую самореализацию. Он не только не собирался плыть против течения, пытаясь самоутвердиться в обществе путем продвижения сомнительных или просто резонансных ценностей, но и

намеревался поднять существующие духовные ценности до нового, еще более высокого уровня. Этот нюанс крайне важен, поскольку подход к общественным ценностям, формирование для себя системы ориентиров напрямую связаны с отношением к семейной жизни. Ведь семья в его среде была неотъемлемой частью этих духовных ценностей, возможно, краеугольным камнем всего общественного фундамента, и потому в подсознании Рериха контуры его будущих достижений опирались как раз на семью как первую ценность общественно значимого человека, творца, несущего в мир нечто новое и необычайно важное для развития духовного в человеке. Другими словами, уже сформировавшемуся к двадцати годам Рериху был совершенно понятен образ будущей жены, он был готов к нему и поэтому так быстро принял в сердце встреченную им Елену.

Елена, будущая Лада, дочь достаточно известного архитектора Шапошникова, принадлежала к еще более утонченному миру русских аристократов, ставящих превыше всего духовное развитие личности. Древний русский род, героические предки, в том числе олицетворявший победу над Наполеоном фельдмаршал Михаил Кутузов (Елена приходилась фельдмаршалу двоюродной правнучкой), глубокие традиции – все это наложило отпечаток непреклонной необходимости следовать вековым правилам, соответствовать аристократически возвышенному образу потомков высокородных князей. Кроме того, в родственниках Елены значился и гений – композитор Мусоргский, чью память в семье свято чтили и чей образ служил ориентиром формирующемуся новому поколению. Весь этот могучий код своего рода, фундаментальную печать элиты общества, скрупулезно насаждаемую старшими систему ценностей девочка пропустила через себя, сделав неотъемлемой частью своей личной культуры. Иначе и быть не могло: само воспитание в такой своеобразной среде обязывало каждую девочку к почтению, послушанию и покорности, превращая ее к моменту вступления в брак в жизнестойкую и активную цементирующую глину, предназначенную для укрепления того остова, которым должен выступать в союзе мужчина. Для девушки такое соответствие выражалось прежде всего в манерах, элегантности и благовоспитанности, формировании изысканного вкуса, любви к музыке, литературе и искусству, а также в терпеливости, спокойствии и умиротворении – осознанном отображении понимания своей, исконно женской, роли. Елену, как и подавляющее большинство девочек того времени, с первых дней прихода в мир тщательно готовили к будущему материнству и горделивому приятию звания чьей-то супруги. Но она появилась

на свет в эпоху зарождения женской самоактуализации, выросла живой и энергичной, легкой на подъем, даже стремящейся к активной жизни.

Безликое прозябание в роскошных покоях вызывало в ней чувство негодования и отвращение, как все неполноценное, незрелое, неспособное к развитию.

Сам Николай Рерих, оценивая впоследствии роль воспитания в родовом гнезде своей избранницы, заметил: «Традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству». Таким образом, формирование личности Елены происходило как бы в тепличном, замкнутом и недосягаемом для грязи и деструктивных раздражителей пространстве. В такой обстановке она едва ли могла вырасти иной, ее одухотворенность и женственность были заложены воспитанием, однако из множества других девушек своего времени и круга ее выделяла еще и необычайная, совершенно неженская отвага, незримая духовная сила и удивительная пытливость ума. Стремление раскрыть лучшие качества личности было, несомненно, ее собственной заслугой и личным достижением. Ее не ко времени богатый внутренний мир не мог уместиться в рамках существующих традиций, он искал выхода в широкое свободное пространство и, неожиданно столкнувшись с таким же чутким, импульсивным и ищущим разумом молодого Рериха, уже не мог не вступить с ним в незримую связь, чтобы, слившись воедино, вместе искать, открывать и создавать новые грани бытия. В душе этой загадочной девушки странным и непостижимым образом слились метаморфозы «женского» аристократического воспитания и «мужские» требования тревожного времени, вызывающие на свет Божий новых женщин-подруг, женщин-искательниц, женщин-отступниц. Родители и среда учили ее беречь очаг и высоко нести честь рода, время стимулировало *быть кем-то,* обрести собственное выразительное лицо. Кажется, не случайно в воспоминаниях сына Рерихов, Юрия, наряду с упоминанием о музыкальном образовании и артистичности проскальзывает намек на «революционность» настроя матери в юности. На рубеже столетий мир начал меняться динамичнее и женщина стала по-иному чувствовать себя в обществе, шире смотреть на свою роль. Эти социальные изменения, задев Елену, тесно переплелись с вбитыми в сознание прежними догмами о миссии женщин, смиренных и благородных, эстетичных и религиозно-духовных, заставляющих в течение всей жизни оставаться в тени.

Светлана Кайдаш-Лакшина, намереваясь панорамно представить пространство, окружавшее молодую Елену, предположительно говорит о влиянии на формирование ее

мировоззрения таких новых для российского буржуазного общества событий, как книги Веры Желиховской и явление миру ее выдающейся сестры Елены Блаватской, умершей в пору взросления нашей героини. В это же время в Россию приходят вести о кончине другой известной соотечественницы – математика Софьи Ковалевской. Прошло еще несколько лет, и Россию всколыхнула еще одна смерть легендарной русской женщины – путешественницы Александры Потаниной, названной «новой породой женщин в Европе». С. Кайдаш-Лакшина упоминает даже Софью Шлиман, которая сопровождала на раскопках своего знаменитого мужа. Доподлинно неизвестно, насколько все эти женщины могли повлиять на взрослеющую Елену, но дух новаторства в женском образе должен был проникнуть туда, где воспитывалась российская аристократия. Если бы не чарующая женственность и обволакивающее обаяние молодой красавицы, можно было бы даже говорить о наличии в Елене Шапошниковой признаков комплекса мужественности. Конечно, вряд ли молодая девушка всерьез размышляла обо всем этом, но все же манящая привлекательность самоактуализации женщины не могла ускользнуть от ее чуткого восприятия. Обнаружив у себя любопытные экстрасенсорные способности, Елена поначалу, скорее вследствие моды, увлеклась мистическим спиритизмом. Но этот Божий дар, бессистемно развиваемый в периоды безудержного веселья юности, среди прочего, позволил ей почувствовать свою внутреннюю женскую силу, выделиться, продемонстрировать привлекательность не только физическую, но и духовную, несоизмеримо более могущественную, чем просто утонченные формы развившейся женственности. Мистика придала ее образу ореол обаяния и неиссякаемой женской силы, той, что движет всем сущим. В возрасте, когда девушка оценивает каждого встреченного на пути мужчину, неожиданно явившийся на ее пути молодой Рерих, не исключено к удивлению самой Елены, вписался в мысленно уже очерченный трафарет будущего избранника.

Семейное моделирование по Рерихам

Можно по-разному воспринимать встречу этих двух сердец, но в их жизненном сюжете самым важным штрихом всегда будет оставаться неодолимое и даже какое-то сверхъестественное стремление друг к другу, то, что многие с восхищением отнесли бы к области интуиции или потусторонних сил. Но это прозрение для обоих вовсе не жест так называемого тонкого мира, а

следствие глубокой психологической готовности к духовному единению и результат бессознательного поиска спутника жизни. Первая же встреча позволила каждому из них убедиться в притягательной глубине внутреннего мира другого, мгновенно оценить всю неподдельную серьезность намерений сделать дальнейшую жизнь волшебным шествием в пространстве любви, неуемным движением в запредельные просторы за чем-то большим, далеко выходящим за рамки обыденного. Когда до фанатизма увлеченный раскопками Рерих появился в имении князя Путятина, где впервые встретился с гостившей там Еленой, он уже был внутренне готов к отношениям с женщиной, хотя и не искал их с отчаянным рвением алчущего любви молодого человека. В то время Николай Рерих уже был слишком поглощен собой: обретающий известность художник, картину которого купил сам Павел Третьяков, находился в томительном творческом поиске и вырабатывал свою, отличную от всех существующих, формулу самовыражения. За спиной была знаковая встреча с великим Толстым и вселяющее уверенность напутствие апостола русской литературы на долгую творческую дорогу, выраженное в проницательной рекомендации «править выше того места, куда нужно, иначе снесет», так же как и в представленной старцу картине. Тогда молодой Николай Рерих был еще наивным и витающим в облаках интеллигентом, несколько флегматичным, хотя и деятельным, претендентом на место в среде русской творческой элиты, но в то же время пугливым и несформированным мужчиной. Поздние воспоминания Елены свидетельствуют, что к моменту отъезда Рериха из имения князя Путятина она уже была его невестой. Невероятная для дореволюционной России стремительность принятия ключевого жизненного решения! Между тем все объясняется довольно просто: к моменту встречи молодые люди уже неосознанно очертили для себя основные качества избранника. И в момент знакомства произошла реакция, подобная химической, когда неожиданно встретившиеся элементы образуют новое благородное соединение.

Для одухотворенного и религиозного мира российской интеллигенции брак являлся, по сути, делом священным. Истоки этого уходят в далекие времена Владимира-крестителя, начавшего формировать духовное восприятие элиты славянского общества Древней Руси. Ни гнусные поступки Ивана Грозного, ни безудержно-двусмысленные порывы Петра Первого не сломили заложенной христианством веры в праведность брачного союза, переросшей в трогательно-трепетное отношение к защите интересов своего рода и родовой памяти. Для понимания состава

того навечно цементирующего раствора, связавшего Николая и Елену, стоит уделить внимание сложившимся в паре взаимоотношениям. Для Николая, воспитанного целомудренным и даже несколько инфантильным в отношениях с противоположным полом, открытие Елены оказалось двойным сюрпризом. Она не только обладала притягательной харизмой, ранней мудростью и искусительным обаянием, но и явно стала ведущей в их интимных отношениях, открывая избраннику и прелесть эроса, и тайную радость томительных переживаний любовной страсти, и океанические просторы женской духовной силы. Поглощенный бесконечными коллекциями, археологией, живописью, самопознанием и самообразованием, он оказался совершенно не знакомым и почти неподготовленным к той части отношений с женщиной, которую каждому мужчине предстоит открыть самостоятельно. Но внутренний мир этого невероятно сосредоточенного, не по годам серьезного молодого мужчины уже был зрелым и достаточно богатым, чтобы усвоить новые волнующие события и настроиться на новые волны. Кажется, немного застенчивый, но способный преодолевать себя молодой человек, которого еще недавно называли в студенческой среде красной девицей и Белоснежкой, покорил ее обескураживающей искренностью и чистотой побуждений, она же овладела его сознанием благодаря исключительной силе женственности, помноженной на всеохватывающую широту своего духовного мира. От нее исходили дурманящие флюиды уверенной в себе представительницы восхитительного пола, интуитивно владеющей всем диапазоном воздействия на мужчину: от эмоционального всплеска непредсказуемой самки до усмиряющей и направляющей своей спокойной силой женщины-колдуньи и надежной женщины-матери.

Юная Елена отличалась поведением от своего будущего мужа. Глубоко внутри домашняя и уютная, она в пику застенчивости Николая артистично демонстрировала способность увлекать окружающих и игриво, не без налета театральности, руководить ими. В ней не было фальши сумасбродных светских кокеток, она скорее представлялась обществу манящей, порой блистающей на балах звездочкой, которая тайно мечтает о теплом семейном гнездышке, встрече с единственным человеком, чем-то похожим на ее уравновешенного и знающего себе цену отца.

Крайне бережное отношение к роду и семейным ценностям сыграло далеко не последнюю роль в формировании мировоззрения этих двух объединившихся в вечном союзе людей. И Николай, и Елена выказывали почтенное смирение перед

родительскими решениями, относясь к семейно-родовым традициям как к некоему не требующему дополнительных объяснений культу. Вспомните, как легко Николай поддался правилам патриархального уклада, когда отец настоял на его юридическом образовании. Отказавшись от исторического факультета в пользу юридического (при двойной образовательной нагрузке), он принял семейное решение как распоряжение высшей инстанции или заявление Верховного суда, и этот факт крайне важен при рассмотрении его собственной семейной модели. Точно так же и Елена готова была поступиться тайными желаниями формирующейся женщины в пользу образцовой супруги, каковую старательно лепило из нее окружение. Александр Сенкевич, к примеру, указывает, что после замужества Елена «легко увлекалась той светской жизнью, которая ее окружала». Письма находящегося в археологических разъездах свежеиспеченного супруга полны тревоги и вместе с тем указывают на исключительную роль на семейном корабле, уже тогда отводимую Николаем своей избраннице. «…Знай, Ладушка, если Ты свернешь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет. Тебя я люблю только как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю, где та граница скверного, до которой дойду я. Ты держишь меня в руках, и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом или эгоистом самым скверным – Твоя воля!» Приводимый Сенкевичем отрывок письма в книге о Елене Рерих трудно переоценить. Это письмо является свидетельством осторожных попыток Рериха закрепить мысль о том, что духовные ценности (а среди них, безусловно, и сама семья) станут основой их дальнейшей совместной жизни. Тут прослеживается и тайное желание молодого супруга наделить свою избранницу функциями матери, которая бы распространяла свою заботу не только на потомство, но и на него самого. Внешне подвижный и проворный Николай в детстве был слишком впечатлительным и неустойчивым внутренне, крайне нуждался в материнской опеке и вообще поддержке извне, к которым он привык в рафинированной аристократической среде.

Трудно ли было Елене безоговорочно принять эту концепцию? Похоже, что нет, потому что она сама, несмотря на мотыльковую воздушность периода бурлящей юности, стояла на очень твердых нравственных позициях и вовсе не собиралась «обманывать» мужа или «сворачивать в сторону». Говорили, что Елене и до появления в ее жизни Николая делали заманчивые предложения, но неспешность и обстоятельность ее выбора как раз и были связаны с психологической установкой на

неповторимый образ, который должен быть избран раз и навсегда. Она никогда не забывала о своем происхождении и великом множестве взаимосвязанных моральных принципов, носителем которых оказалась ее семья. Поэтому те несколько томительных лет до бракосочетания, когда девушку, не без интереса относящуюся к балам и легкому флирту, продолжали «вывозить в свет», оказались гораздо более серьезным испытанием для Николая, чем для нее. А вышеупомянутое письмо Рериха являлось скорее признанием собственных сомнений, нежели сомнений в жене. Кстати, к моменту бракосочетания ему уже было двадцать семь, что также является многозначительным нюансом. Испытал ли он к моменту женитьбы близость с женщиной? Возможно, и нет. В этом также следует искать одну из причин его мужской неуверенности и поиска защиты в духовном измерении. Но в этом проявилась и его сильная сторона: первая близость с Еленой, так же как и для нее, скорее всего стала для Николая не только открытием новых граней друг друга, но и базой для формирования замкнутого, автономного мира, самодостаточной атмосферы, в которой духовное неизменно доминировало, а сексуальная сфера являлась его логичным продолжением. Быт же, в силу доминирования в их внутренних установках целеустремленности и сосредоточенности на более высоких целях, вовсе не тревожил ни Николая, ни Елену.

И еще один фактор сыграл значительную роль в деле формирования крепкой семьи: принадлежность обоих супругов к масонской ложе. Масонство в виде некой системы неизменных фундаментальных правил дало те изначальные ориентиры, которые органично вписались в психологические установки и Николая, и Елены. На связи Николая Рериха с «вольными каменщиками» настаивают и Арнольд Шоц, и цитирующий его современный исследователь Игорь Минутко; о масонском же мировоззрении Елены Шапошниковой обстоятельно говорит Александр Сенкевич. Вполне можно предположить, что молодые люди, вышедшие из таких высокодуховных семей, не могли не проникнуться уважением к тем нравственным идеалам и символам, которые предлагала эта респектабельная организация. В значительной степени масонству, таинственному и недостижимому для непосвященных, они обязаны закрытостью, замкнутостью своих внутренних миров. Несмотря на внешнюю общительность и готовность к взаимодействию с окружающим миром, молодые люди не спешили вывернуть наизнанку свою душу перед друзьями. Для Николая студенческая среда вообще была чуждой, а Елену можно было бы назвать скрытной и склонной к постоянным размышлениям. Соединившись, они

сохранили и даже усилили защитную скорлупу, отделяющую семью от всего мира. Кроме того, кажется, из идеологии масонства проистекает и само растущее в течение совместной жизни Рерихов желание создать собственную организацию с выкристаллизованной оригинальной философией, которая вещала бы всему миру об обновленном культе духовных ценностей, о деле всей жизни семьи, последовательно превращающейся в легенду. Крайне важно, что эти ценностные маяки оказались общими для обоих супругов, что вскоре стало фундаментом для двойной миссии и реализации невероятной по замыслу и масштабам идеи. Таким образом, масонство стимулировало и их интерес друг к другу, и уверенность в соблюдении в будущей совместной жизни определенных моральных рамок, и, в конце концов, интерес к формированию идеи, направленной на развитие духовного мира своих современников.

Семья стала той благодатной средой, где каждый получил новый толчок к духовному развитию, к которому стремился изначально. Уже через два года после создания союза Николай и Елена совершили свое первое совместное путешествие, ставшее начальным звеном в бесконечной серии попыток отыскать ключ от врат Вселенной. Пожалуй, ничто так не объединяет и не способствует пониманию, как совместные поиски чего-то, кажущегося невыразимым, и, в то же время, необходимого для дальнейшей жизни. Потому проникновение в культуру Древней Руси ознаменовалось глубоким осознанием внутреннего мира каждого, началом реализации общей жизненной стратегии, предусматривающей неуклонное движение к высшей ценности – гармонии любви. Они вместе осознанно стремились к этому, и эта неуемная жажда самопознания, радость взаимной поддержки и обмена энергией сформировали общую высшую цель. В силу того что цель эта находилась в плоскости духовного, остальные сферы жизни рассматривались как дополнения второго плана. Переменчивый быт, какой бы он ни был, устраивал обоих влюбленных. Роскошь аристократии, впрочем, без излишнего шика, легко менялась на тихий нетребовательный уют походного жилища, и даже в частых сменах обстановки они умели находить особую прелесть единения. Секрет подобного счастья достаточно прост: их взгляды устремлялись выше горизонта, оба обладали желанием бесконечного познания мира и познания друг друга в этом мире. Глубокие отношения зарождались из совместных усилий в шлифовке кристалла, через который Николай и Елена намеревались смотреть на мир. И хотя нам мало известно о чувственной сфере этих людей, эрос, как кажется, также был

частым гостем в спальне одержимых космическими планами преобразования мира людей.

Впоследствии в поисках «путеводных вех» для человечества, «всеобщего счастья» и загадочной Шамбалы они прошли тысячи горных и пустынных километров, ведя рядом и собственных детей, теряя в борьбе с суровой природой спутников, но первый вояж с молодой женой по городам России все-таки оказался самым примечательным и судьбоносным для становления семьи. И где бы они ни находились, эти мужчина и женщина творили вместе, обогащая друг друга светом, даря друг другу любовь.

Пара, способная к синтезу

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что сам Рерих считал и себя, и свою жену людьми, способными к синтезу, естественно, подтвердив эту позицию своим творчеством. Елена не только прошла с мужем все те тяжелые экспедиционные километры, выдержала суровые испытания в условия горных гималайских перевалов, жизнь в палатках и землянках, но и постоянно трудилась, совершенствуя внутренний мир и пропуская через свое сознание всю полученную информацию об окружающем мире, создавая рельефное представление о пройденном пути. Именно Елена стала автором «Агни-йоги», распространителем Живой Этики и создателем ряда новых форм влияния на современный социум в виде обществ содействия, музеев, форумов. Неслучайно ее называли «Матерью Агни-йоги», а еще позже санскритско-мистическим именем Урусвати (Утренней зарей, или Светом утренней звезды; этим именем впоследствии был назван и основанный Рерихами Институт гималайских исследований). Действительно, именно Елена Рерих оставалась в этой необыкновенной семье главной движущей силой, основным генератором неиссякаемой энергии. Эта неординарная женщина даже вела личную переписку с президентом Соединенных Штатов и вдохновила мужа на рискованный (в силу очевидности блефа) и вместе с тем многозначительный шаг – передачу от таинственных и неведомых «учителей» ларца с землей Гималаев «на могилу Ленину». Конечно же, и знаменитое общественно-политическое заявление Рериха – Пакт мира – было сделано не без ее влияния. Именно от нее исходила идея преломления всех существующих религий и учений, синтетически преобразованных, в единое направление, совершенное и гармоничное учение, отметающее классы, грубые формы власти и любые виды насилия – сложный путь к

совершенству через перерождение личности. Мужчина в этом изумляющем плодотворностью и слаженностью действий союзе был кропотливым, наделенным сильной волей тактиком, тогда как стратегом, взирающим на свет Божий, как астроном сквозь стекла мощного телескопа на звезды, была именно женщина.

Пожалуй, еще более весомым, чем картины и книги, оставленные семьей Рерихов, является живой и притягательный микромир их взаимоотношений. Они приняли друг друга как единственную истину, как способ самовыражения и взаимного дополнения, и их духовное единство и обоюдное стремление к самовыражению породили глубокую заинтересованность друг в друге, серьезное отношение каждого к деятельности партнера. Сосредоточенность на духовном развитии своих личностей и поиск возможностей возрождения и совершенствования человека в широком контексте создали целостность и завершенность семьи, переход любви-страсти молодости в благоговейную, наполненную осознанной нежностью любовь зрелых, духовно богатых людей. Их отношение друг к другу и стало тем чудотворным синтезом, сканированием друг друга и использованием этой, наверное, самой важной для человека, информации, для искренней поддержки, непрестанного ободрения и помощи в реализации идеи. Кажется, к концу жизни эта пара имела единую ауру, единое обволакивающее их энергетическое поле. Это было прямым следствием их неуклонного стремления к совершенству.

Они постоянно были вместе, росли и развивались совместно, незаметно возвышаясь над наполненным ложными ориентирами и призрачными представлениями о счастье миром материальных ценностей. Возвышаясь, они ощущали истовую и непреодолимую потребность отдалиться от этого мира. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, им, духовно развитым, вполне хватало друг друга, они без напряжения довольствовались автономным миром семьи. Для своей семьи они создали эффект подводной лодки, часто погружаясь на недостижимую глубину и выныривая на поверхность, в чуждую их духу среду, лишь для пополнения запасов. Во-вторых, они имели общую, возвышенную и благородную цель, чувствуя и развивая в себе уверенность в собственной миссии. И в-третьих, они таким образом выставляли определенный заслон, защиту от проникновения в святую семейную оболочку, оставляя свой мир семьи закрытым для непосвященных местом, садом для двоих. Может быть, поэтому некоторые современники, которым не хватало интеллекта понять представления Рерихов о мире, пытались изобразить их надменными, неприступными и высокомерными. Хотя, конечно

же, Рерихи были непростыми. Неизвестно, кто из двоих являлся автором уникальных идей по созданию влиятельных островков из ослепленных благородным учением современников. Возможно, почтенное семейство сознательно лукавило, выдавая себя за пророков и посланников полубогов. Обладая способностями медиума, Елена Рерих не могла не анализировать деятельности своей предшественницы – Елены Блаватской. Владея громадными ресурсами в виде сконцентрированных знаний, Рерихи не могли не превратиться в адептов красоты, страстных поклонников праведности и культа Истины. И кажется, им, сосредоточенным на жизни, ушедшим из области самоуничтожения человека человеком, Истина действительно была более понятной, чем всему остальному миру.

Порой отвлеченный взгляд на жизнь Рерихов наводит на мысль о том, что их общественно-политическая деятельность направлялась не столько на развитие интереса к творческим достижениям, сколько на акцентирование совершенности семейного союза. Вслед за ними, один за другим, возникали и развивались созданные в различных точках планеты очаги культуры и непреодолимого тяготения к прекрасному, совершенному. Но в большей степени это были участки «фронта», призванные напоминать об имени Рериха, площадки-рассадники идей Николая и Елены. Сначала появилось «Общество Агни-йоги» для распространения учения Живой Этики, потом Институт объединенных искусств в Нью-Йорке, затем музей Рериха в США, еще позже – собственный журнал «Урусвати» и одноименный Институт гималайских исследований в Кулу. И в значительной степени, как на уровне идей, так и на уровне их реализации, эти проекты явились воплощением «двойной» мудрости. Крайне важным является один знаменательный и судьбоносный для этой семьи штрих: Рерихи духовно росли вместе, вместе преодолели и земное притяжение мира людей, поднявшись над властью, правительствами, правилами материального бытия. Двигаясь тихой поступью, они неожиданно выросли до исполинов в области утверждения ценностей.

В течение всего шествия по жизни они демонстрировали способность изменяться, духовно расти. Все происходит постепенно, и даже избавление от дурных привычек, свойственных окружающим в период взросления и формирования, случается под влиянием осознанной борьбы с собой. К примеру, отказ Николая Рериха от охоты как способа убийства неспособных защититься животных произошел вследствие глубокой трансформации сознания, сложных мыслительных процессов, в которых неизменно присутствовала незримая тень женщины-

путеводительницы, его жены.

Презрев милости власти, уют налаженного быта, прелесть цивилизации, они ринулись выполнять придуманную ими самими таинственную миссию. Они неизменно стремились к ощущению собственной исключительности, неповторимости – только так можно было прикоснуться к вечности. Ведь не случайно еще молодым, гостя в Париже, Рерих написал в своем дневнике: «Лучше пройти каким угодно подземным ущельем и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц». И он своей жизнью продемонстрировал, что «служить для поливки улиц» – не его удел. И хотя одни обвиняли Рериха в сотрудничестве с гнусным коммунистическим режимом, другие, такие как Репин, упрекали в недостаточной художественности и несовершенстве его живописи, жизнь этого человека находилась под зашитой двух величайших и прочнейших в мире щитов: любви и созидательного труда, направленного на совершенствование себя и всего сущего. Елена же в этой самозабвенной борьбе оказалась его лучшим приобретением, самым надежным источником пополнения жизненных сил, вечного и неустанного ободрения, направления на путь великой миссии. Они прошли по жизни рука об руку, счастливые, духовные, осознающие собственную ценность для потомков.

Как многие самоотверженные творцы, Рерих изумляет своей работоспособностью. И кажется, что это могучее и непреодолимое желание творить подстегивалось все более ужасающими изменениями мира. Рерихи словно предвидели надвигающиеся катастрофы, ускользая всей семьей с конфликтной плоскости мирского и переходя на все менее достижимую плоскость жизни отшельников, исследующих белые пятна планеты. Нельзя исключать, что хитроумные Николай и Елена поддерживали интерес к себе благодаря осторожно развиваемому мифу о своей духовной связи с гималайскими учителями. Легендарная Шамбала, как исчезающая и снова появляющаяся планета, манила сильных мира сего. Вернее, манила мудрость учителей, благодаря которой наивные разрушители надеялись стать еще более могущественными. Признанные же экстрасенсорные силы и потрясающая, космическая проницательность Елены Рерих сослужили семье добрую службу. Что же касается невротических ощущений Елены и галлюцинаций, о которых упоминают, к примеру, Елена Обоймина и Ольга Татькова в книге «Русские жены», то вряд ли чья-либо будоражащая сознание способность нащупывать нити тонкого мира, скрытого от большинства, может служить точным определением душевного расстройства. И хотя

семейный врач четы Рерихов в Индии Яловенко писал, что «она больна нервной болезнью, которая называется эпилептическая аура», уравновешенный и осознанный характер взаимоотношений супругов, напротив, свидетельствует о феноменальном душевном здоровье, сосредоточенности и самодостаточности каждого из них.

Да и вообще гораздо более важными являются другие свидетельства о вере Николая Рериха в сверхъестественные способности своей жены и готовности принимать ее советы как руководство к действию. Сам Рерих, человек с высокими аналитическими способностями, похоже, признавал космические возможности своей спутницы, ее более глубокое и в то же время более объемное видение мироздания. Это придает этой семье некое сходство с альпинистами, которые уверенно прошли по краю опасного обрыва, или с саперами, которые покинули минное поле, оставшись невредимыми. Порой трудно не поддаться впечатлению, что эта одухотворенная женщина сыграла роль мистического ангела и провела свою семью по жизни праведной и безопасной дорогой. Но разве не были эти «высшие знания» результатом длительной и напряженной работы двух объединившихся разумов с развитой способностью ясно видеть суть своего пребывания в этом мире?!

Двойная миссия

Как в немногих семьях, которые без преувеличения можно называть выдающимися, у Рерихов женское начало играло первостепенную движущую роль. Елена с ее необыкновенной душой в этом союзе действовала как напалм, прожигая насквозь не только всяческую тревогу, но и саму душу мыслителя. Воспламеняющийся грандиозным факелом от ее неистовой внутренней силы, Николай мог отметать все внутренние сомнения, отвергать все свои слабости и смело двигаться навстречу вечности. Она стала предвестником явления миру нового Гуру, он же крепко держал в руке ее горячую руку, ведя за собой по пути, указанному ею и выверенному вместе. «Держательница мира» – так назвал живописец полотно, посвященное своей жене, подчеркивая одновременно и ее личную заслугу в самореализации их обоих, и ключевую роль женщины в семье, в общности людей, в мире в целом. В его понимании, признании и уважении великой роли женщины заложен один из самых важных принципов успешной семейной архитектуры, предвестник духовного единства и осознанного духовного

развития. В конце концов, вопрос успешности семьи – это вопрос отношений между ее членами, а еще – неодолимая вера в своего спутника. Рерих черпал духовные силы в своей жене, когда приходили минуты отчаяния и бессилия, и ничуть не стеснялся этого. «Без Тебя не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли, в сказке… требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведет мужчину далеко», – писал он жене. И она всегда находила силы для ободрения и поддержки. Мужчина сам поднял значение женщины – в союзе двоих, в обществе, в миропонимании. Это открыло ей путь для благородной и величественной миссии, заключающейся в утверждении новой роли женщины. «Все переживаемые и грядущие бедствия и космические катаклизмы в значительной степени являются следствием порабощения и унижения женщины. Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины», – писала Елена Рерих, и это она оставила в наследство будущим поколениям. Вся ее жизнь оказалась «эпохой женщины», созидающей, почитаемой и любимой, поэтому она хорошо осознала свою миссию.

Никто так хорошо, как эта спокойная женщина с пышными волосами и глубокими, как звезды, глазами, не знал, чего на самом деле жаждет такой многогранный исследователь, каким был Николай Рерих. Она сдерживала его, не давала рассредоточиться, словно связывая в единый пучок все усилия, осторожно, но настойчиво, не позволяя распыляться силы по сторонам. Она осознавала, что, как всякий творец, ее муж желает распространять свое влияние как можно шире, как всякий мужчина-завоеватель, он стремится обладать всем миром. Но именно женская мудрость Елены помогла выработать такую форму общения с миром, которая позволяла минимально ощущать давление цивилизации и максимально воздействовать своей теорией на это пространство, превратив жизнь в миссию. Ведь эта крепкая семья не довольствовалась тихой жизнью в удаленном гнезде на краю мира: очень многие действия Рерихов выдают их желание сохранить информацию о себе, торпедировать все мировое общественное сознание кумулятивной струей своих оригинальных, пусть часто и утопических идей. Музей Рериха в США, открытый при жизни живописца, многочисленные общества Рериха и Институт Урусвати в Индии, уже упоминавшийся Пакт мира, пусть и банальный, но величественный в своей недостижимой простоте, гималайские экспедиции с их сомнительным успехом и сонм полотен с их пусть противоречивой художественностью, но неоспоримой

философией, наконец, мифическое и таинственное «общение» с Махатмами, незримыми учителями из тонкого, непостижимого мира – все это ставит семью Рерихов в один ряд с уже упоминавшейся Еленой Блаватской, отдаляет семью от мирского и понятного всем, дарит исключительность и неповторимость. Каждое их действие, будь оно вырвано из контекста, казалось бы актом неудавшейся рекламы. Сложенные же в единую цепь, их поступки, подтвержденные невероятной работоспособностью Николая Рериха – живописца и литератора, ученого и философа – создают совершенно новую, доселе невиданную формулу взаимоотношений с миром. И кажется, победа Рерихов (а она бесспорна в силу приятия его идей и чувственно-эмоционального восприятия энергетики его полотен) стала возможной благодаря виртуозно созданной ипостаси семьи как философской команды нового толка, как обособленной и абстрагированной от всего остального мира, мало понятной большинству обывателей цитадели мудрости. Рерихи представили миру иное воплощение союза мужчины и женщины, и во многом благодаря этому их остальные идеи оказались воспринятыми с трепетным восторгом, их повторяют шепотом, как молитвы. Потому что до них миру еще не являлась такая семья, которая бы посвятила жизнь двойной мудрости: фокусированию интереса к новым истинам и открытию нового формата брачного союза, в котором муж и жена являются и достойными партнерами, и носителями сакральной тайны – искусства преодоления земного притяжения. И право, неизвестно, какая их миссия – поддержание пламени искусства или возвеличивание любви и семьи – является более весомой. Если исполинскими творческими порывами мир удивляли многие, то созданием идеальной семьи с гармонией микромира внутри – только единицы.

Что ж, у этой семьи в руках оказались все нити творческого и человеческого счастья. Старательно лепя в коллективном воображении фигуры Счастья, Света и Красоты, Рерихи сумели одарить себя главными плодами любви – прекрасными детьми. Сами представлявшие яркую и даровитую русскую интеллигенцию – ту, у которой манеры и ощущения как бы подтверждены генетически, – Рерихи и детей смогли увлечь этой незримой и обволакивающей силой высших знаний, умиротворения и стремления к гармонии во всем. Действительно, Николай и Елена могли бы гордиться потомством, взращенным в походах и вечных скитаниях по миру, воспитанным в духе почитания высших духовных ценностей и, тем не менее, не лишенным самостоятельности. Последнее оказалось предвестником сыновней ответственности за каждый

предпринятый шаг и сознательных ставок на деятельное творчество. Оба сына Рерихов получили блестящее образование, продемонстрировав стремление к обширным знаниям. Конечно, они с молоком матери впитали страсть к самовыражению, а их уверенность в себе во многом была обусловлена атмосферой взросления в такой исключительной семье, когда дети до окончания формирования основных черт характера не сталкиваются с разрушающими духовный фундамент раздражителями. Защитная оболочка, созданная Еленой Рерих для семьи, полностью распространялась и на детей. Она часто находилась с мальчиками за пределами суетного мира, а бесконечные поездки за границу сделали из детей настоящих граждан мира. Вот лишь один из наглядных примеров, приводимых исследовательницей творчества Рерихов Еленой Поляковой: «В 1906 году Николай Константинович ездит по Италии, Елена Ивановна с мальчиками в Швейцарии; старшему сыну четыре года, младшему – около трех. Юрик бойко говорит по-французски, жаль, что нет француженки… Светка [Святослав] тоже выказывает большую способность к французскому языку…» В четырехлетнем возрасте младший сын уже пишет отцу: «Я не писал тебе потому, что я учусь полчаса по-немецки и час по-русски». Образование для русской аристократии было органичным продолжением воспитания, потому дети воспринимали учебу как неотъемлемую часть жизни, как умывание или обед. А проникновенная Елена с жаром приняла роль доброй и блистательной феи, сглаживающей трудности детей и деликатно стимулирующей мужа к новым исканиям.

Дети стали еще одним убедительным доказательством силы любви и правильности избранного пути. И дело тут вовсе не в безупречном образовании, которое родители обеспечили сыновьям. Получив исключительные знания языков все в той же гимназии Карла Мая, Юрий закончил индо-иранское отделение Школы восточных языков Лондонского университета (степень магистра индийской филологии он получил в знаменитой французской Сорбонне), а Святослав после архитектурных курсов Гарварда и Колумбийского университета продолжил путь отца в живописи. Их, как сосуды, доверху насытили идеями величиной с восьмитысячники Крыши мира, доверив целые направления и возможность продолжать дело родителей. Как часто бывает в таких случаях, они выросли только до старательных копий родителей, но гордо пронесли знамя семьи, не опустив головы и не уменьшив авторитет пленительного звучания этого повсеместно известного и в наши дни имени.

К окончанию же своего жизненного путешествия эти

испытавшие счастье мужчина и женщина все чаще бросали взоры не на людей, копошащихся на бескрайних просторах планеты, а ввысь, на застывшие заснеженные вершины, неприступные и нетленные в своей необузданной красоте – непокоренные символы могущества всеобъемлющей тишины, силы, влияния и совершенства Природы.

Связан ли уход из жизни Николая Рериха с тем, что им отказали во въездной визе в СССР, как полагают некоторые интерпретаторы его биографии? Это вопрос важный, но вторичный с точки зрения оценки наследия пионера извилистых троп Истины. В преклонном возрасте Николай Рерих мог заблуждаться относительно изменений на далекой Родине, но скорее всего желание возвратиться, кроме ностальгии по родному краю, связано было еще и с твердо вызревшим намерением оставить свои творения на родной земле, где шансы стать понятым и расшифрованным возрастали в десятки раз. Не вызывает сомнения, что до последней минуты художник думал о преломлении своего творчества сквозь призму будущих лет, его заботило распространение ростков своей философии, передача духовных ценностей тому обществу, из которого он вышел, с которым имел единые корни и говорил на одном языке. Он уже не был чужаком в Гималаях, но большая и разобщенная Индия с открывшейся кровавой индо-пакистанской раной была для него все-таки чуждой землей, оставить которой самое сокровенное престарелый философ не желал. Свой возвышенный, воспламененный идеей дух он хотел перенести на Родину, ибо осознавал, что там, в среде близкой славянской духовности, он будет по достоинству оценен как мыслитель и носитель обновленной веры. Сталина с его НКБД и ГУЛАГом он относил ко временным явлениям. Еще более вероятно, ослепленный собственной целью и сосредоточенный на маяках вечности, он просто не воспринимал чудовищного режима, заигрывал с ним в надежде на содействие развитию рериховского пространства после своего ухода в иной мир. И в конце концов Рерих не ошибся. Это следует хотя бы из того, что и само учение, и напутствия этой неординарной семьи овеяны ветрами славы на славянской земле, признаваемы здесь более, чем где-либо еще на планете. Души Рерихов могли бы с удовлетворенным снисхождением принять отвержение и даже смерть от темных сил, властвующих на Родине, ведь они успели высказаться, ни разу не изменив своему жизненному кредо. Их жизненная стратегия оказалась настолько четко и однозначно выраженной, что могла бы показаться прямой линией, начертанной под линейку. И если это так, то даже имей место сотрудничество с

СССР, его можно было бы оценить как службу близорукого режима Рерихам, а не наоборот.

Некоторые строгие исследователи критиковали Рерихов за утверждение банальных истин, за их патетическое, «нелитературное» изложение, за посредственную художественность полотен живописца, за его не слишком живую, стоящую в тени коммунистического режима философию фантастических истин. Но даже если принять во внимание эти выпады, если не называть предвзятостью нападки на мировоззренческие концепции мыслителя, если считать часть жизни Рерихов рискованной игрой с советским режимом, то и в этом случае мы имеем дело с выдающейся семейной командой, виртуозной обработкой окружающего мира и особенно безликих представителей силы-власти. Жизнь Рерихов и при такой трактовке кажется безупречно сыгранной мелодией, спокойной и гармоничной песнью людей, сконцентрированных на своей миссии нового преподнесения Красоты, пары, иронично взирающей на хаотичное перемещение молекул-людей, не осознающих бредовой бессмысленности своего пребывания на Земле. Восторженные и отрешенные, до безумия влюбленные в красоту искусства, ускользнувшие от преходящих страстей продажного мира, хаоса войн и побоищ, они, несмотря на то, что их обостренная восприимчивость порой кажется непростительной инфантильностью, сумели создать новый символ – божественный, бесподобный и вечный знак величия семьи. В любом случае мы имеем дело с уникальным и, наверное, первым феноменом, когда чудесное полотно ткут не две, а четыре руки. Может быть, именно это и есть новая философия жизни и прославление Вечной Любви?!

Михаил и Раиса Горбачевы

Но все-таки всегда сохранялось, что она мне предана, а я – ей. И лучше всего нам всегда было вдвоем. Даже без детей.

Я потерял самое главное – смысл жизни.

Михаил Горбачев. Из интервью после смерти жены

Решение ты должен принять сам, а я буду с тобой, что бы ни случилось.

Раиса Горбачева после заявления ГКЧП и блокирования президента СССР с семьей на даче в Форосе

Они приковали внимание миллионов не только потому, что раскрылись первыми. В отличие от многих закоснелых личностей монументальной эпохи Советов, чета Горбачевых поражает удивительно богатым внутрисемейным миром, зачаровывающей целостностью, трепетной, абсолютно непоказной любовью в течение отведенных судьбой без нескольких дней сорока шести лет.

Раиса Горбачева оказалась не просто достойной первой леди, но и едва ли не основной участницей побед, которые при пристальном рассмотрении вполне можно было бы назвать совместными. Она выигрышно оттеняла мужа, вместе с тем демонстрировала достаточно броскую индивидуальность и внутреннюю женскую силу. Анализируя и оценивая действия этой женщины, невольно можно прийти к объяснению невероятного, почти мистического движения вверх по карьерной лестнице Михаила Горбачева – за своей спиной он всегда ощущал вездесущую и несгибаемую твердыню, всемогущую волшебницу, незримого и верного друга, ведшего его по жизни, возможно, даже в ущерб своей собственной.

«Половинки»: найти и сложить

Михаил Горбачев, крестьянский сын из бедной ставропольской деревни, никогда не скрывал, что родовые традиции довлели над ним точно так же, как багряные, обильно пропитанные кровью, символы над всей странной, громадной общностью подавленных людей, с саркастической гордостью называемой советским народом. С ранних лет он двигался в затемненном идеологическом тоннеле вместе с самим обществом, стиснутым тисками господствующей извращенной морали, законам которой все неукоснительно следовали под страхом смерти. Мальчик, для которого все пророчество мира ассоциировалось с единственной в доме газетой «Правда», а все наслаждения концентрировались на порции неожиданно завезенного вместе с кино мороженого, сформировал представление о мире как о весьма жесткой конструкции со своеобразной ролью человека в ней. Понятие «выжить» ассоциировалось с понятием «покориться», а крестьянские корни и суровое время взросления – с непоколебимым и жестоким грузинским идолом, с укрепленным в сознании жутким крестом всеобъемлющей войны. Со страхом язычника, преклоняя колени пред туманным обелиском коммунистических грез, он настойчиво искал выход из глухого пространства, похожего на гигантское бомбоубежище, в котором с удивлением обнаружил себя по мере взросления. Ослепляющие картины эпохи создания колхозов, абсурдный калейдоскоп ссылок неугодных, военные похоронки, дикость оккупации, очумелость гонки за результатами комбайнеров и пьяные песни «ударников» – в этих декорациях присутствовала затаенная агония, протест против жизни, фатальная некрофилия, заглушить которые могли лишь две вещи: спиртное да слепая вера в построение коммунизма. Подросток, который не понаслышке знал, как человек сходит с ума от раздирающего на части голода, а мальчиком спал зимой вместе с теленком, чтобы не замерзнуть, отлично осознавал перспективы безальтернативного труда в колхозе («бежать – не убежишь, не давали крестьянам паспорта»). Ему было за что бороться: шанс вырваться из первобытной дикости своего забитого села не просто маячил, а светил слепящим, как солнце, светом. Получить входной билет в другую жизнь можно было только благодаря вузовскому диплому, какой-нибудь знаковой «интеллигентной» профессии. Вот откуда проистекает, казалось бы, причудливый симбиоз: отменное знание крестьянского дела («на слух мог сразу определить неладное в работе комбайна») и слабо увязывающиеся с комбайном Белинский и постановка «Маскарада» Лермонтова в

примитивном драмкружке. Стараясь выделиться любым способом, юный Михаил не брезговал обывательскими козырями («на ходу мог взобраться на комбайн с любой стороны, даже там, где скрежетали режущие аппараты и вращалось мотовидо»). Но мотивацию всех этих форм самовыражения в среде следует искать не столько в безнадежной инфантильности, сколько в яростном упорстве. Горбачев с детства был настроен на то, чтобы вырваться, любым способом выскользнуть из заколдованного круга, созданного в советской деревне времен колхозного «расцвета». Его лидерство являлось не более чем защитным иммунитетом от погребения заживо в скудном паралитическом пространстве животной борьбы за существование. Отчаяние и скорбь за близких сквозят в его воспоминаниях детства, где он, будучи уже экс-президентом СССР, не удержался от цитирования книги своей жены, упомянув, что «там [в родной деревне] идет разговор о двадцати рублях: где их взять, при том, что отец работает круглый год». Сам того не подозревая, Горбачев настроил свой мозг на стойкое выживание в условиях нового ледникового периода. И в этой установке самым подкупающим было то, что наряду с лидерством и самовыдвижением важная роль отводилась семье – опорному пункту в борьбе за новую реальность.

Мать, мужественная до отчаяния и смелая до безрассудства, дала сыну в руки две жизненные нити – животную цепкость и святую веру в себя. Она показала Михаилу пример выживания, вселила в него мысль, что коль он пережил в детстве столь чудовищный хаос, значит, все это не зря, впереди у него великая миссия. Она же убедила сына в том, что учеба – это путь к иной жизни. Отец привил способность к тяжелому труду и оптимистичное отношение к самой жизни; через отца пришло понимание ответственности, уважение к традициям. Несмотря на одиозное время, а может быть, как раз из-за витающей в воздухе опасности объединение мужчины и женщины в семейном союзе являлось чем-то сугубо правильным в жизненном укладе серьезного человека, само собой разумеющимся, неотъемлемой составляющей приторного, с привкусом мертвечины, проживания жизни. Семейная атмосфера душевного покоя наполняла смыслом тупое истязание работой быстро угасающего тела, открывала единственную для истощенного крестьянина возможность наслаждения: видом потомства, призванного убедить, что короткая вспышка жизни и ожесточенная схватка за незатейливое существование предприняты для сохранения на земле своего имени пусть даже на вопиюще короткий период времени. Семья оказывалась единственной зацепкой, и потому отношениями,

пусть порой и несколько грубоватыми, дорожили как главной реликвией, как иконой. В книге о себе Горбачев демонстрирует глубокую осведомленность о жизни и становлении дедов – в этой памяти заключен генетический код его миропонимания; и тут же базовой, цементирующей становится мысль о первостепенном значении семейной ячейки в обществе того времени.

Даже не принимая на веру все исповеди самого Горбачева, стоит признать: он рос напористым и выносливым парнем, не боящимся тяжелой изнурительной работы. Хотя не без потерь: «первые годы частенько носом шла кровь – реакция организма подростка». Кульминационная точка взросления молодого Горбачева – последняя перед поступлением в институт жатва. Снаружи все выглядело красиво: «Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я – орден Трудового Красного Знамени». Была создана стартовая позиция, возможность без потери культового для деревенского сообщества чувства долга двинуться к новому рубежу, совершенно не похожему на доселе преодоленные.

Несмотря на подкупающие описания самим Горбачевым выбора пути после окончания школы, скорее всего, они сделаны для демонстрации отношения к родным местам. В действительности же и школьная серебряная медаль, и правительственная награда, и трудовой стаж, и настрой Горбачева-старшего на упорную учебу после окончания войны имели только одну направленность – красиво оставить мир погребенных заживо, без видимого бегства присоединить свой вагон к иному локомотиву. Это имеет самое прямое отношение к формированию семьи, потому что и выбор места учебы, и установка отставить до окончания учебы всякие амурные дела – все это звенья длинной цепи задач на подступах к весьма высокой, заранее сформированной цели. Действительно, в то время как одноклассники подавали заявления в институты Ставрополя, Краснодара и Ростова, Михаил Горбачев без лишней скромности нацелился на «самый главный университет» страны.

Подобным образом шла к созданию семьи и будущая первая леди СССР Раиса Титаренко. Возможно, формировать установки ей было несколько легче, потому что образ женщины в советском обществе определялся двумя критериями: хорошая работница (активная участница стройки эпохи – коммунизма) и хорошая жена-мать. Социальная позиция человека в обществе считалась незыблемым приоритетом и самым важным достижением, но советский перекос, в принципе, легко объясним: истинные строители коммунизма не могут быть нравственно уродливы. И даже если мужчина и женщина вместе лопатами перемешивают

бетон с почти одинаковой физической нагрузкой, у женщины остается еще одна обязательная функция – показать себя умелой женой и заботливой матерью. Но применительно к Рае Титаренко все складывалось не так уж плохо: ее корни терялись где-то на подходах к высоким эшелонам власти; ей подсказали или она сама сумела разобраться в том, что для женщины в современном ей обществе целесообразнее будет заниматься чем-то абстрактно значимым, таким, что узнаваемо издали по яркой вывеске, но понимается далеко не каждым. Социальная значимость и приобщение к сложной сфере деятельности, где существует известный набор граней и оттенков при представлении своего «вклада в коммунистическое строительство», – вот основа выбора, на поверку оказавшегося идеальным для захудалого времени и гиблого места обитания. Но выбор сферы деятельности позволил совершить еще один важный шаг – оставаться всю жизнь женщиной, несмотря на то, что советское общество являлось уникальным инкубатором по производству бесполой рабочей силы.

Мировоззрение Раисы формировалось в не менее сложных, чем у Михаила, внешних условиях. Ее отец, черниговский путеукладчик, встретил свою любовь в алтайском поселке. Ему тогда было двадцать два, а его юной возлюбленной всего шестнадцать: сирота, привыкшая к тяжелому физическому труду землепашца и ткачихи, она сумела освоить лишь начальное образование, что потом жило в ней навязчивым комплексом несоответствия времени и положению мужа. Тайное стремление к приобретению шарма «образованности», естественно без понимания сути применения знаний, она постаралась передать детям. Как часто бывает у необразованных людей, прошедших с детства суровую школу жизни, женщина как бы противопоставляла интеллектуальному лоску небывалую, даже болезненную гордость, передавшуюся детям, особенно старшей Раисе, в виде неуклонного стремления к самодостаточности. Потому, наверное, Рая имела с детства завышенные амбиции в получении знаний, что проявилось в окончании школы с золотой медалью и выборе в качестве ориентира философского факультета главного в стране высшего учебного заведения – МГУ (медаль открывала двери в любой университет).

У девочки с детства формировался мужской характер. С того времени, как ее отца вернули с фронта и поручили ему строительство железных дорог, преимущественно оборонного назначения и в кратчайшие сроки, она вкусила вместе с родителями все прелести незамысловатой жизни на колесах. Самый главный для каждой девочки период – с девяти до

четырнадцати лет – протекал фактически на военном положении, с бесконечными переездами, жизнью в вагонах-теплушках и бараках, всегда временно.

Смена бесчисленного числа школ и коллективов научили Раису быстро приспосабливаться, мгновенно оценивать обстановку и находить основные точки приложения усилий – чтобы максимально развернуто продемонстрировать свои лучшие качества и достижения в тех или иных школьных предметах. Такое положение вещей требовало взрывного напряжения сил, умения постоянно производить впечатление в меняющихся условиях, проявления не только качеств непревзойденного спринтера на жизненном стадионе, но и редкого таланта непринужденно сходиться с людьми, демонстрировать высокую степень общительности и ориентации на экспрессивное, колоритное поведение. Один из одноклассников Раисы вспоминал, что «она была самой красивой в школе и чересчур активной девочкой». Иначе и быть не могло: только так она могла рассчитывать на достижение успеха в кратчайшие сроки, в точности как ее отец при строительстве новых железнодорожных веток. К преодолению внешних сложностей добавлялись внутренние нагрузки – помощь матери, младшие брат и сестра. Из этих неуемных лет выросли упорство и недюжинная душевная сила, развилась способность держать любой удар судьбы. Не зря потом она больше всего любила метели, гуляла в буран, когда природа рвется из привычных стесняющих рамок в безумном самоискушении проявить необычайную, совершенную буйную силу, неподвластную чьему-либо управлению. Раиса выросла с ощущением своей внутренней гармонии и привлекательности, переросших со временем в неподдельное женское очарование. Вместе с тем родились и нетерпимость к конкурентам, желание по-мужски решать проблемы, оттесняя тех, кто мог бы ее затмить. Ей хотелось блистать одной, причем так, чтобы мужской склад ума, как дополнительный мотор, работал в помощь женской харизме. Позже Горбачев утверждал, что Раиса чувствовала духовную близость с Маргарет Тэтчер, и этим двум женщинам было комфортно общаться. Если это так, то они излучали почти одинаковую силу, но находились на разных полюсах бытия.

Родительская модель отношений оставалась для Раисы непререкаемой. Отец с матерью жили дружно, безоговорочно поддерживая друг друга. В семье Максима Титаренко присутствовали те же неоспоримые долг и ответственность, что и в семье Сергея Горбачева, – сходство консервативных позиций, замешанных на суровых социалистических принципах, породило схожие взгляды у детей. В то же время ей претила материнская

роль – какая-то скорбная, слишком затененная, неказистая. Ко времени студенчества она уже привыкла быть в центре внимания, не только осознавать свою женскую притягательность, но и убедительно пользоваться острым изобретательным умом. Нет, воспитанная по мужскому типу, на роль матери она не может претендовать, не имеет права. Кроме того, ее ощущения раннего взросления были ощущениями скорее мальчика, чем девочки; ей постоянно приходилось решать мужские вопросы, и в том числе тогда, когда ее осознание внутренней силы столкнулось с безнадежной закостенелостью необразованной матери. Став взрослой, Раиса чувствовала себя способной на очень многое, на гораздо большее, чем ее сверстницы, росшие в тепличных условиях больших городов, у которых женственность всегда была тождественна мягкости.

На беговой дорожке Жизни

Итак, долг и ответственность – вот два ключевых убеждения, на которые в самом деле опирались отношения двух породнившихся людей. Семья осознавалась обоими как универсальная и содержательная форма организации жизненного уклада, с учетом неукоснительного следования моногамным принципам и единственно верному правилу, направленному на укрепление монолита. «Конечно, семья дала важнейший нравственный импульс моему становлению как личности и гражданина», – оценивал в зрелом возрасте Михаил Горбачев роль семьи, из которой он вышел. Поэтому ключевые понятия – долг и ответственность, подкрепленные суровым, как казарменная зуботычина, временем, – ставились во главу угла во всем. С этих понятий у данной пары все началось и ими все закончилось. Консервативная последовательность, смешанная с подчеркнутой деликатностью, соблюдалась во всем, и в интимной близости особенно: «Мы полгода ходили рядом, держась за руку. Потом полтора года уже не только за руку держались. Но все-таки мужем и женой стали после свадьбы».

Организовали студенческую свадьбу, на которую в течение лета каторжно-полевого труда на комбайне заработал Михаил. Это стало его первым самостоятельным шагом и многообещающим намеком на то, что мужскую функцию «добытчика» он берет на себя. В этом контексте новый костюм для жениха и новое платье для невесты являлись символом самостоятельности и твердых намерений вести семейный лайнер уверенно и торжественно. Для такого «доказательства»

состоятельности была еще одна причина. Ведь Раиса родительского благословения выйти замуж, да еще за несостоятельного студента из крестьянской семьи, не спросила. А сообщение о самостоятельном решении молодых людей «в последний момент» могло предубежденно настроить ее родителей против юного зятя. Однако демонстрацией ответственности в сложившейся ситуации Горбачев сумел в конце концов вернуть себе расположение родителей жены. Естественно, и в глазах Раисы он выглядел настоящим героем. Однако будущий генеральный секретарь признавал, что с матерью Раисы «сначала не получалось». Даже такой скупой намек всегда взвешенного и крайне сдержанного Горбачева говорит о том, что он поначалу слабо вписывался в сценарный план семьи Титаренко. А вот сама Раиса сумела разглядеть в нем недюжинный потенциал, который намеревалась осторожно раскрыть.

Прежде чем говорить о принципах совместной жизни четы Горбачевых, необходимо сделать небольшое отступление, связанное с их встречей. По словам Михаила Горбачева, на момент их знакомства и развития отношений Раиса переживала «драму на личной почве», причем «в отношения вмешались родители». Она пребывала в депрессии и испытывала глубокое разочарование в отношении мужчин. Хотя детали этого душевного кризиса неизвестны, даже из общего характера сообщения можно сделать вывод об исключительно серьезном подходе девушки к амурным вопросам. Похоже, полутонов в сердечных делах для Раисы не существовало, как, кажется, отвергала она и флирт ради флирта. Она рассматривала отношения с молодым человеком сквозь призму потенциального брака, «примеряя» на него роль будущего мужа. Потому и переживания оказались крайне глубокими, для нее была неприемлема и неприятна даже сама мысль о том, что кто-то пытается воспользоваться отношениями с нею лишь как временным развлечением. Точно так же и Михаил Горбачев, не форсируя события, но и не оставляя Раису, показывал ей и окружающим прежде всего серьезность намерений. Но в этом драматическом эпизоде юности интересен еще один момент – отношение к родителям. Если тогда она позволила родителям вмешаться и скорректировать свой жизненный сценарий, несмотря на мятежную, маниакальную самостоятельность, то впоследствии вынесла из этого урок на всю жизнь, а именно: не допускать к принятию решений никого, кроме одного человека – того, с кем она собиралась связать жизнь. Это весьма ценный нюанс для понимания семейного уклада Горбачевых: с момента

объединения они без колебаний игнорировали весь остальной мир в любых вопросах, касающихся семьи, и, стало быть, стратегических для жизни решений. Семьи, опирающиеся на собственные решения, спокойно отстраняющиеся от родительской опеки, всегда отличались большей живучестью и равновесием, чем допускающие в планирование своей жизни родню.

Если первоначально студент Горбачев был очарован внешней привлекательностью своей избранницы, то очень скоро убедился, что ее главные достоинства спрятаны гораздо глубже. Чем больше он узнавал понравившуюся девушку, чем больше поражался обнаруженным несметным богатствам души, среди которых был язвительный и тонкий, словно отточенное лезвие ножа, ум. Но, кажется, более всего Михаил был покорен неукоснительным стремлением Раисы к самореализации. Если у значительной части встреченных на жизненном пути девушек угадывались легковесность, стремление соизмерить все с «главной женской задачей» – удачно выйти замуж и стать пристойной женой и матерью, то Раиса была несоизмеримо выше этих пресных понятий. Твердая платформа убеждений, на которую она сумела взобраться к середине университетского пути, предусматривала конкретные достижения, которые могли бы не столько придать ее образу некий дополнительный блеск, сколько открыть дверь в иной мир, отличный от привычной послевоенной тоски. Он уловил в ней высокие амбиции, и ему, также смотревшему ввысь с тоской бескрылой птицы, они были не только не чужды, но и удивительно близки. Ее внутренние установки и жизненные принципы также изумляли синхронизацией с его мировоззрением и сформированными для себя правилами. Идея объединения усилий на тропе жизни выросла как раз из осознания сходства дальних целей и способов их достижения. Конечно, речь в их долгих беседах, которые становились все откровеннее, не шла, скажем, о высоких должностях во власти или о каких-либо научных знаниях. Они знакомились в первую очередь с мотивациями друг друга, убеждались в обоюдной целеустремленности, трезвости мышления и душевной чистоплотности. Все остальное вытекало из первичных принципов, и не стань Горбачев генеральным секретарем и президентом, он все равно добился бы весомых, признаваемых в обществе результатов своей деятельности. В начале совместного пути важны были не столько точки приложения сил, сколько готовность к усилиям. Это была прелюдия как раз к той могучей концентрации сил мужчины и женщины, которая приводит к неординарным решениям и феерическим результатам.

Распределение ролей в семье во всех случаях и на всех

ступенях движения крайне важно, и Горбачевы очень тонко это чувствовали. Им это распределение удавалось. Не будет преувеличением сказать, что наиболее скользкий, аварийный участок находился, как и у большинства целеустремленных пар, в начале пути, когда высокий удельный вес трудностей и тревог еще затмевает далекие цели обыденными проблемами, необустроенностью быта и перипетиями становления. Михаил и Раиса достойно преодолели этот отрезок, не в последнюю очередь благодаря установившемуся доверию внутри семьи, полной откровенности и сознательной фильтрации тех, кто был вхож в семью. Таких всегда оказывалось очень мало – исключительно приближенные, не раз проверенные, обязательно деликатные люди. Когда, взвалив на плечи комсомольско-партийную ношу, Михаил начал захлебываться работой, Раиса старалась не отставать – «месила грязь» ставропольских поселков для реализации какого-то социологического исследования, которое многим неискушенным дамам показалось бы комичным и глупым занятием. Но эта, казалось бы, ненужная, но отнюдь не легкая работа, скрупулезное корпение над диссертацией и ее защита, а позже написание книг и организация всевозможных фондов и ассоциаций – все это звенья в беспрерывной цепи самоактуализации, направленные на соответствие своему быстро продвигающемуся по служебной лестнице супругу. Михаил Горбачев всю жизнь удивлялся, откуда в сельской девочке родилась такая проникновенность, тонкость души, как он сам говорил, «эта порода». Все духовное богатство, все ее мироощущения, чистая энергетика и глубокая зачарованность жизнью проистекали из неиссякаемого стремления оставаться самодостаточной при любых внешних обстоятельствах, искать новые формы выражения личности, не допускать замирания, статики в отношениях с миром, всегда, на любом отрезке своей жизни, развиваться. Анализ их совместной жизни наводит на мысль, что именно это не исчезающее, не меркнущее с годами стремление к большему, к экстраординарному Михаил Горбачев ценил в своей супруге больше всего на свете.

Ее вклад в семейное дело всегда был весомым, но даже при всех трудностях жизни на съемных квартирках и в потертой, грязноватой коммуналке главным вектором оставалось развитие личности. Успевание за мужем обеспечило ей и глубокое уважение с его стороны, и социальную автономность, узнавание не только как «жены Горбачева», но и как самостоятельно развивающегося человека. Благодаря этим усилиям она всегда была в курсе тонкостей аппаратной борьбы супруга, стала не его тенью, а скорее ангелом, наделенным своеобразной,

полемической, задорной и очень выразительной логикой. Многие решения, озвученные и реализованные Михаилом Горбачевым, являлись либо плодом ее мозга, либо вынашивались совместно. Она умела учиться непринужденно, на ходу сканируя все разношерстное окружение супруга-партийца, точно оценивая и потенциал, и человеческие качества каждого. В этом прежде всего заключалась ее женская сила общего семейного оружия. Благодаря ей в сверхплотных графиках работы Горбачева находились временные островки для отдыха, моментов расслабления и переключения внимания на другое. Близкое общение с природой, любовь к театру, страсть к всевозможным поездкам и путешествиям – все это усилиями Раисы прижилось в семье с цепкостью растущих на скалах растений.

Как ни удивительны ее стремление к собственному росту, ее неослабеваемая жажда отыскать свой фарватер, все же следование за мужем оставалось в итоге делом номер один. Действительно, чем бы активно ни занималась Раиса, результаты посвящались продвижению мужа. Очевидно, вековая дань патриархату и покрытые пылью веков славянские традиции вынуждали ее действовать по такому принципу. Если в Европе с ее более динамичными изменениями и могущественными законами сильная и волевая женщина уже могла рассчитывать на самостоятельную роль, на славянских просторах этот путь был если не рискованным, то просто зыбким для продуктивной семейной модели. Потому Раиса Горбачева осознанно и с самого начала избрала для себя образ покладистой жены, тем не менее имеющей скрытое влияние на супруга. Сложно сказать, насколько имело место «взращивание» большого советского политика, но то, что эта женщина приложила руку к появлению на Олимпе партийной номенклатуры нового выразительного лица, бесспорно. Она не желала довольствоваться ролью привлекательной сопровождающей, она всегда жаждала быть чем-то самостоятельным и самобытным. И во всем пыталась сравниться с мужем, не уступать ему в интеллекте. «У нас была большая комната, разделенная стеной. В одной части работал я, в другой – Раиса Максимовна», – вспоминал Горбачев. Может быть, поэтому Михаил Сергеевич всегда советовался с женой, прежде чем решиться на что-то серьезное. В этом он чем-то походил на римского императора Августа, не начинавшего ничего без одобрения своей жены Ливии. Если на Горбачеве и появлялся отпечаток величия, то оставил его не кто иной, как его собственная жена.

Без лишнего шума Раиса Горбачева работала над докторской диссертацией. Она сумела даже выпустить книгу воспоминаний

«Я надеюсь», в которой представила мужа значительным реформатором, разумеется, сквозь призму безупречной личной жизни. А после ее смерти, разбирая бумаги жены, Горбачев обнаружил почти готовые тридцать три главы новой книги. Она знала, как важно зафиксировать в массовом сознании ту или иную частную информацию, которая через годы приобретает статус важного архива видного государственного деятеля. Даже умирая, она создавала ему и своей семье памятник.

Характерно, что даже при чтении книги Горбачева «Жизнь и реформы» бросается в глаза, что, описывая свою подругу жизни молодой женой или студенткой, Михаил Горбачев неизменно называет ее по имени и отчеству – Раиса Максимовна. С одной стороны, тут обнаруживается его зажатость – следствие многолетней политической настороженности, ожидания подвоха отовсюду, что вызвало к жизни суровый официоз во всем, имеющем хоть малейшее отношение к двойным трактовкам. Естественно, личная жизнь политика советской эпохи столь крупного калибра однозначно подлежала ретушированию. Кстати, именно поэтому в своей книге «Жизнь и реформы», выпущенной в 1995 году, он ни словом не обмолвился о проблемах в семье дочери, которая вскоре после свадьбы развелась с мужем. Но с другой стороны, в официальном обозначении жены мелькает и нечто личное, связанное с истинным положением вещей в семье. Действительно, Раиса Максимовна играла гораздо большую роль в становлении политического лидера, нежели просто верная подруга, которая безропотно подчиняется воле судьбы. Переезды, сложный быт, постоянные командировки и выезды, безразмерный рабочий день и вечное ожидание мужа… Подкупает откровение Горбачева относительно ключевого в его карьере момента, когда после смерти Черненко и перед судьбоносными заседаниями Политбюро и Пленума ЦК КПСС он вернулся домой к четырем утра и все время до рассвета провел в серьезном обсуждении положения вещей с женой. Главное в жизни решение освятила и благословила она. Но, кажется, она больше подбадривала своего мужчину, вселяла в него уверенность в окончательной победе, чем он призывал ее к терпению. Кажется, благодаря ей Михаил Горбачев всегда сохранял небывалую осторожность, особую гибкость и мягкую поступательность продвижения к цели, исповедовал отказ от форсированных методов, влекущих за собой большие риски. Лишь после смерти любимой женщины экс-президент обрел раскованность и спокойствие человека, который уже ничего не в силах изменить и в отношении которого уже принципиально ничего не изменится. Его лицо как бы смягчилось

и приобрело в глазах миллионов обычный человеческий вид. Он стал проще, начал без оглядки на политику и масс-медиа давать оценки прошедших лет, и в том числе личной жизни. И стал чаще называть ее Рая…

По поводу роли Раисы Горбачевой существуют самые разные рассказы, которые уже невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. К примеру, в публицистическом исследовании Бориса Новикова «Цирк уехал…» можно отыскать интересный пассаж, связанный со становлением Горбачева, записанный со слов некоего полковника ГРУ ГШ СССР. В частности, осведомленный представитель советской военной разведки утверждал, что Раиса Титаренко «имела родственников в семьях важных особ в столице: в семьях первого зама председателя Госплана СССР Сабурова и первого же зама министра иностранных дел Громыко». «Вместе с рукой и сердцем Раи Миша получил возможность проводить выходные на дачах в Серебряном Бору на реке Москва, куда уже вселялись многочисленные потомки пламенных революционеров», – полагал опытный «гээрушник». В общем-то, нельзя исключать, что высокопоставленные партийцы снабдили молодого человека многочисленными полезными инструкциями в отношении продвижения по карьерной лестнице. Ибо, в самом деле, многие моменты его карьеры вызывают недоуменные вопросы. Отчего так легко удался судьбоносный поворот от работы в прокуратуре (после окончания юридического факультета МГУ) к комсомольско-партийному направлению? Как удалось при довольно острой критике и имевших место конфликтах с руководителями быстро и легко продвигаться к вышестоящим должностям? В свой книге Михаил Горбачев также косвенно упоминает эпизод, из которого следует, что «его вели» по иерархической лестнице строго вверх. Так, при разрешении напряженной ситуации с одним из своих ставропольских руководителей Ефремовым он привел следующий диалог, не нуждающийся в комментариях:

«– Поедешь в Москву, – с явным неудовольствием ответил он [Ефремов].

Оказалось, что вопрос о моем выдвижении на пост второго секретаря уже предрешен. Ефремов тут же собрал бюро крайкома, и оно… единодушно высказалось в поддержку моей кандидатуры.

– Езжай в Москву, – вот и все, что я услышал от него [после бюро крайкома. – *В. Б.]*.

– Куда? К кому? Какие рекомендации?

– Сам знаешь куда – в орготдел ЦК. Там твоих заступников хватает».

Несколько позже и пост секретаря ЦК по сельскому хозяйству Михаил Горбачев получил, перепрыгнув сразу несколько карьерных ступенек иерархической лестницы. В самом деле, почему именно он после внезапной смерти очередного члена ЦК в Кремле оказался бесспорным претендентом на то единственное кресло, для которого Горбачев с его узкой сельскохозяйственной специализацией являлся «проходным», и не была ли тут жена гораздо больше, чем помощницей?! Четкого ответа на этот вопрос нет, но важно, что и тут Раиса дополняла его, придавала целостность его образу. Ведь в партийные времена как раз жена могла ненавязчиво сделать своего бурно растущего спутника карликовым деревцем. Не секрет, что вся партийно-кабинетная жизнь напоминала хитросплетения интриг, перерастающие порой, когда у кого-то сдавали нервы, в сложные баталии с неожиданными развязками, более удивительными и впечатляющими, чем на реальных полях сражений. Также не секрет, что Горбачев, вступив в борьбу за место под теплым партийным солнцем, фактически сел за карточный стол – играть в бесконечную игру в покер, азартную, захватывающую, но и леденящую кровь перспективой полного банкротства. Горбачев играл, никому не доверяя и мало веря в победу логики. При всей своей кажущейся (или выплывающей из его книг) принципиальности и уверенности в отстаивании позиций он заигрывал с властью и никогда глубоко не зарывался, если только не был твердо уверен в могучей поддержке со стороны. Один из многочисленных примеров, доказывающих невероятную гибкость позиций будущего генсека КПСС, он приводит сам. Когда один из преподавателей Ставропольского сельхозинститута издал противоречивую книгу, Горбачев по сигналу из Москвы накинулся на него, как бескомпромиссный бульдог, и враз вместе с «партийными товарищами» раздавил неугодного. Горбачев продемонстрировал тут и напускное отсутствие человечности, и хитроумное сплетение суждений. Уж если что делал, так с душой! Несчастный автор, едва удержавшись в партии, был вынужден уехать в другой город. И это несмотря на признание Горбачевым важности идей, высказанных в работе, и на симпатии его к автору. «По существу, Садыков сформулировал ряд идей, которые стали находить свое решение лишь с началом перестройки. Но до перестройки надо было еще прожить более пятнадцати лет», – без всякого намека на эмоции рассказывал Горбачев. Он научился скрывать свои истинные мысли и быть скользким, словно борец, намазавший тело жиром. Хладнокровию и выдержке этого рьяного партийца мог бы позавидовать и удав. И как кажется, его многосторонние таланты аппаратчика проявились далеко не без

участия супруги. С самого начала борьбы она стала не только спасительным клапаном для выпуска накопившегося во время работы пара, но и очень неплохим регулировщиком, указывающим верное направление движения. Взирая на ситуацию со стороны и вместе с тем будучи в курсе событий, хорошо разбираясь в людях, она нередко давала весьма ценные советы. Кроме того, пришло время, когда многие важные решения принимались во время непринужденных встреч семьями. Например, Горбачевы были тесно связаны с Андроповыми. И поэтому неслучайно эти женские, бурлящие внутри, как в котле, переживания вылились в инсульт Раисы Максимовны во время заговора ГКЧП. Этот факт – еще одно подтверждение того, что она всегда находилась рядом с мужем, буквально пропуская через себя его проблемы.

И все же карьерный рост лишь косвенно связан с отношениями внутри семьи. Несомненно, невидимый пресс всемогущей руки присутствовал во всей партийной жизни Горбачева – иначе и быть не могло. Но эта внешняя установка необходимости не иметь никаких проблем в семье тесно увязывалась с внутренним комфортом, с Раисой. Да, все что происходило на людях, являлось игрой, данью необходимости, но был и другой уровень отношений, о котором сам Горбачев рассказал после смерти супруги: «Если сначала была молодая страсть, то потом добавились сотрудничество, дружба, когда мы друг другу могли сказать все. Мы оказались единомышленники во взглядах на жизнь». Если выдавалась свободная минута, они старались не расставаться. Походы на природу, непрерывные поездки по городам (особенно после переезда в Москву на работу в ЦК) и странам – уже в качестве первого лица государства – все это объединяло их внутренний мир, роднило, обогащало, дарило наслаждение общения. Они спешили жить и всегда ценили каждую прожитую минуту. Последнее совместное турне Горбачевы совершили в далекую Австралию – за месяц до того, как у Раисы Максимовны обнаружили неизлечимую болезнь, и за три до окончания ее земного пути. Но, слишком увлеченные жизнью, они не подозревали, что это уже элегия мягкой, задушевной осени перед расставанием навсегда, лирическое подведение итогов в преддверии вечного сна…

Любовь, преломленная во времени

Слова Раисы Горбачевой, взятые для эпиграфа, полностью отражают ее внутреннее содержание как подруги и жены. Ее

идеология зиждется прежде всего на таком основополагающем принципе, как признание традиционной роли женщины – верного друга и помощницы мужчины. Раиса проявила себя в экстремальных условиях, и это подтвердило ее надежность, способность реагировать на события с отвагой воина и гибкостью человека, привыкшего к испытаниям, умеющего брать на себя, возможно, самую сложную функцию – функцию поддержки. Когда реальная опасность угрожала не только жизни мужа и ей самой, но и их дочери, Раиса проявила завидные выдержку и хладнокровие, принявшись искать выход из ситуации вместе с супругом. Этот непростой эпизод в совместной жизни Горбачевых продемонстрировал лучшие качества семьи: внутреннюю силу, выдержку, верность.

«Мир жен – это зеркальное отражение иерархии руководящих мужей, вдобавок с некоторыми женскими нюансами», – так описывал Горбачев жизнь на советском Олимпе через несколько лет после отставки. Конечно, они не могли быть вне правил; и ему, и Раисе приходилось играть, надевать неприятные маски ради достижения поставленной цели. Но как раз в силу неподдельного единства они казались иными, чужаками, вошедшими в дом без приглашения. Наверное, поэтому Михаил Горбачев с особой гордостью подчеркивал, что его жена по приезде в Москву первым делом восстановила свои научные связи и «сразу же включилась в знакомый ей мир научных дискуссий, симпозиумов, конференций, просто дружеских встреч». Этим он подчеркнул несхожесть Раисы с «кремлевскими женами», которые в большинстве своем оставались просто отвратными сплетницами, прячущимися за спинами высокопоставленных мужей.

Никогда не были Горбачевы всерьез озабочены и бытовыми проблемами, как и любыми приобретениями материального характера. Материальное всегда затмевали более крупные цели. Они с самого начала вместе стали охотниками за крупной дичью, потому-то и достигли таких головокружительных высот во власти. В начале пути «быт» для послевоенного времени крайне изнуренной Советской страны казался приученным к терпению молодым людям вообще словом неуместным. Для народа, прибитого к земле сталинскими застенками, жизнь сама по себе уже казалась благом, невыдуманным раем. Михаила Горбачева, память которого сохранила такую экзотику, как сон с теленком, чтобы согреться, и Раю Титаренко, знающую шокирующие цивилизованного человека подробности жизни в передвижных теплушках, трудно было напугать темными декорациями советского семейного строительства. Зато детские эпизоды цвета

плесени породили у целого поколения утробное желание двигаться к красивой, более яркой жизни, пропуская трудности, как воду сквозь пальцы. Для студенческой пары первого университета страны жить в разных комнатах общежития оказалось вполне приемлемо – никто не мечтал о житейских преференциях тотчас. Но то, что быт первых лет «ставропольского периода» был действительно тяжелым, очевидно. Как не приходится сомневаться и в том, что основной груз лег на женские плечи: в то время, когда Горбачев «ковал» в полях Ставропольского края высокие должности, его жене необходимо было заботиться о том, чтобы едва зажженный очаг не погас. А ведь она могла бы оставаться в Москве – вопрос об аспирантуре был заведомо решен (окончив университет на год раньше Михаила, она уже успела сдать кандидатские экзамены и приступить к написанию диссертации). Теперь же, отложив все научные начинания, бросив уютную столичную жизнь, молодая женщина на несколько лет оказалась в очень незавидном положении. «Коммунистической леди с парижским шиком» она станет много позже, а вот первые два года – в «запущенной» комнатушке в качестве квартирантов у любезных престарелых интеллигентов, естественно, без удобств, с туалетом, водой, дровами и углем на улице; затем еще три года, уже с появившимся в семье пополнением, – в громадной, на девять комнат, коммуналке. Наконец после этих испытаний у Горбачевых появилась отдельная двухкомнатная квартира. Тогда люди жили и гораздо хуже, многие бедствовали. Тест на дискомфорт семья сдала легко, наверное, потому, что впереди маячили очень яркие, манящие огни великой миссии. По словам Горбачева, только когда дочери исполнилось десять лет, они сумели «обустроить двухкомнатную квартиру» (полученную за семь лет до этого) и купить телевизор. Эти бытовые подробности хорошо отражают их общий внутренний мир. Во-первых, забота о быте никогда не заслоняла главного – отношений. А во-вторых, им для полноценной жизни хватало друг друга. Ярким подтверждением душевного единения могла бы послужить ставропольская переписка, когда письма писались друг другу постоянно, даже в ходе недолгих командировок. Общение являлось всем, и оно было желанным; с него все началось, и им все закончилось.

Их семейное счастье в сущности оказалось искусством возможного. Но если рассмотреть жизнь этой пары под микроскопом, выяснится, что все действия были продуманными актами, воплощением искреннего и настойчивого желания преображать и украшать свою жизнь новыми радостями и

ощущениями, вызывать друг у друга сильные эмоции. Может показаться удивительным, но высокая планка целей в значительной степени являлась сберегательным банком для этого брака. Постоянная деятельность, непрерывная забота о карьере не оставляли времени для тех противоречивых мыслей и необузданных желаний, которые порой превращают поле семейного благополучия в минный полигон, на котором кто-то, слишком увлеченный собственными ощущениями, обязательно ошибется. Человек очень часто выступает разрушителем собственного счастья, а неспособность до конца разобраться в себе нередко становится главной преградой на пути к гармонии. Горбачевы избежали этого удела, и не в последнюю очередь в силу сформированного устойчивого стремления к реализации невероятных по масштабу планов. Это заполнило все существующее пространство, заставило сконцентрировать внимание таким образом, что кроме преходящих целей во власти и преобразований существующего мира оставалась лишь семья.

В свою бытность первой леди великой державы Раиса Горбачева шокировала слишком многих. Хотя некоторые ученые упорно ищут медицинскую причину лейкемии в послевоенных испытаниях на Семипалатинском полигоне, не исключено, что именно неприязнь большого количества людей на энергетическом уровне и вылилась в ее роковую болезнь. Историк Рой Медведев уверен, что активность, непривычная броскость нарядов первой леди вызывали неприязнь и бурные негативные эмоции и по отношению к лидеру государства – все это казалось слишком вопиющим презрением к неписаным правилам для женщин Кремля, введенным еще Сталиным.

Но в этом проявилась и самодостаточность жены генсека. Ведь даже настойчивое появление на телеэкранах с несколько наивными и вызывающими раздражение «пророчествами» было не более чем желанием показать свое самостоятельное лицо, заявить, что речь идет не о «жене лидера», а о заметном в обществе человеке, имеющим вес не благодаря мужу, а в силу личной неординарности. Обладала ли она выдающимися качествами, позволяющими говорить о себе как о личности, развивающейся *независимо и отдельно* от мужа? И да и нет. Нет, потому что, реализовываясь как подруга мужчины, жена и мать, она не имела интеллектуального потенциала, чтобы обращаться к многомиллионной аудитории с действительно уникальными идеями. Таких идей в ее арсенале, в принципе, не было. Кроме, впрочем, одной, которую упорно не желали замечать: она выступила на арене почти идеальной, эталонной женой. И в этом, собственно, и заключалось «да» в отношении ее особых

личностных качеств, потому что способность адекватно предстать перед камерами, демонстрировать «образ» первой леди, по сути, уже являлась неординарной. Она представляла контраст не только с блеклыми тенями всех предшествующих кремлевских хозяек времен социализма, но и в сравнении с «раскованными» женщинами Запада. Она заставила обратить на себя внимание как на женщину, пусть и жену, но способную стоять в стороне, слишком заметно излучая яркий свет. Вот почему ей никогда не прощали этот вызов, ведь такое поведение являлось настоящей пощечиной принятому и утвержденному в обществе «трафарету» советской женщины. На Раису обратили внимание, и в этом состоял ее успех как состоявшейся личности, несмотря на злобный сарказм и ругань, потоки которой достались ей в награду, как и всякому новатору, ломающему правила. Может быть, поэтому Михаил Горбачев никогда не скрывал своего восхищения живущей рядом женщиной. Через семь лет после смерти Раисы Михаил Горбачев сказал о своей жене: «Колоссальная сила духа, сложнейший внутренний мир, Вселенная. Может, оттого Раиса и не стала заурядно-привычной, как это нередко бывает у супругов. Откуда в ней, выросшей в тайге, в вагончиках, в простой среде строителей дорог, вечно кочующих, как цыгане, такой аристократизм? Откуда эта сдержанная гордость, захватившая меня с самых первых встреч?» В этих эмоционально окрашенных словах содержится крайне важная деталь: Раиса не стала заурядно-привычной в силу особой духовности, в силу доминирования в представлениях обоих супругов духовной составляющей. Что такое быт и секс или даже формальные карьерные достижения в сравнении с великим и вечным – любовью, смертью, предназначением? Сила этой семьи родилась из одинакового представления о главных составляющих бытия, а еще – из единодушного осознания своей готовности к миссии и принятия этой миссии.

«Трудно сказать, как бы сложилась его судьба, если бы он не женился на Раисе» – эти слова из книги Валерия Болдина, помощника президента Горбачева, часто цитируют те, кто пишет об этой паре. «Отношение к внешнему миру и характер его жены сыграли решающую роль в его судьбе и, я уверен, в существенной степени отразились на судьбе партии и всей страны», – утверждает Болдин. Поговаривали, что Раиса Максимовна обожала быть в центре внимания и становилась настоящей тигрицей, если кто-нибудь из женщин намеревался привлечь к себе внимание в ущерб ей, первой леди. Что в силу банальной ревности она оттеснила Валентину Терешкову, первую женщину-космонавта, с которой традиционно встречались

разнокалиберные гости великой страны. Стоит ли ее осуждать за это? Необходимо признать, что она была и оставалась прежде всего женщиной, не претендуя на переход в мужскую плоскость. Ее мудрость проявилась и в том, что свою недюжинную силу и неоспоримый талант она направляла на «усиление» мужских качеств своего спутника жизни, с которым разделила все. Таким образом, вместе они составляли нечто новое, доселе невиданное, несвойственное своей среде, вызывающее неподдельный интерес у современников и потомков. Поэтому, наверное, именно этой во многом блистательной паре суждено было прорвать многолетнюю изоляцию законсервированного в своих мнимых ценностях СССР и, что еще более изумляет, наладить личные неформальные отношения со многими западными лидерами. «В отличие от Булганина и Хрущева, первых советских руководителей, посетивших Великобританию тридцать три года назад, президент Горбачев и госпожа Горбачева были приняты королевой не за чашкой чая, а за завтраком из трех блюд и встречены такой церемонией приветствия, по которой лишь самый искушенный знаток протокола смог бы определить, что она чуть-чуть не достигает полномасштабного государственного визита», – писала «Тайме», и в этой подаче вояжа советского лидера сквозит признание неординарности и новизны в облике тогда еще необычных и несколько загадочных гостей.

Специалисты отмечают, что после отставки с поста Президента СССР Михаил Горбачев написал шесть книг, кивая при этом на его незаменимого помощника и советника – жену, стоически взявшую на себя почти всю черновую работу: проверку документов, выписки из архивов, литературное «причесывание» рукописей и многое другое. Она и тут правильно оценила ситуацию: слушать будут и *должны* его, а значит, ее долг – максимально помочь запечатлеть на скрижалях истории его роль, а в конечном итоге – и роль семьи. Время показало, что она не ошиблась.

Небезынтересно, что большинство думающих людей адекватно оценивают и профессиональную деятельность Михаила Горбачева. По сути, она логично связана со всеми остальными сферами его жизни и прежде всего – с семейной жизнью, в которой все отмечают его предельную честность и чистоплотность. Выходец из крестьянских низов, имеющий укоренившееся в подсознании уважительное отношение не только к отцу-матери, но и к более глубоким родовым традициям, самой земле и природе, он не мог даже на закате жизни режима относиться к окружающему миру исключительно как эксплуататор. Ответственный в браке, перед родителями и

детьми, он ощущал определенную ответственность и перед страной, руководства которой добился в нелегкой борьбе за власть. Доза ответственности определялась и ограничивалась инстинктом самосохранения с двух противоположных полюсов. На одном полюсе его сдерживала та партийная номенклатура, из которой он вырос и от которой боялся оторваться слишком далеко из-за необходимости поддержки. На другом – не меньшие опасения зайти слишком далеко, настолько далеко, чтобы не быть смятым снизу, непонятыми и непредсказуемыми массами, не знающими, как распорядиться внезапной свободой и демократией. Отсюда и осознанное вовлечение в работу жены, которую он считал универсальным и самым преданным соратником, способным просчитать самые главные риски, относящиеся как к семье и здоровью, так и ко всему вообще. Именно поэтому отношение большинства неравнодушных и думающих наблюдателей к Горбачеву может быть лучше всего выражено словами его современника Виталия Вульфа: «Это человек, у которого были искренние мечтания, порой утопические, о том, что можно перестроить страну. Для меня Горбачев – символ перемен и честных помыслов в политической деятельности». Действительно, истинное, человеческое лицо Горбачева ярче всего проступило после тяжелого ухода из власти: он показал себя собранным, неподвластным «лишним» эмоциям и, главное, очень деятельным человеком.

Марк и Белла Шагал

И я понял: это моя жена… Мои глаза, моя душа.

Долгие годы ее любовь освещала все, что я делал.

Марк Шагал

Ты закружил меня в вихре красок. И вдруг оторвал от земли и сам оттолкнулся ногой, как будто тебе стало тесно в маленькой комнатушке. Вытянулся, поднялся и поплыл под потолком. Вот запрокинул голову и повернул к себе мою. Вот коснулся губами моего уха и шепчешь…

Я слушаю музыку твоего голоса, густого и нежного. Она звучит и в твоем взоре, и вот мы оба, в унисон, медленно воспаряем в разукрашенной комнате, взлетаем вверх. Нам хочется на волю, сквозь оконные стекла.

Белла Шагал. «Горящие огни»

Судьба отмерила Марку Шагалу невероятно долгую и в целом счастливую жизнь. Может быть, потому что он родился практически бездыханным и с самых первых секунд своего пребывания в этом мире так настойчиво боролся за жизнь, что неожиданно приобрел совершенно немыслимый иммунитет к смерти, который и берег его почти столетие. А может быть, благодаря непостижимой сосредоточенности, отстраненности от всего мира при непрестанном поиске высшего смысла, большей красоты и идеальной содержательности. Он называл свое искусство «состоянием души», «психопластикой», искренне верил в него, убивая в себе злость за несправедливое отношение к своему творчеству, за неприятие его формы самовыражения. Семейная жизнь живописца стала проекцией никогда не покидающей его внутренней сосредоточенности, в большинстве

случаев свойственной ищущим творческим натурам. Для Беллы жизнь с Шагалом стала сопровождением невероятно длинной цепи превращений, после которых, как после долгой химической реакции, из чудесной клубящейся дымки родился легендарный мастер. На ментальном уровне она стала тем непроницаемым кольцом энергии, которое обеспечило его душевную тишину для пробуждения и претворения в жизнь творческих решений. Она всегда стремилась не оставаться на месте, двигаться вместе со спутником. С этим связаны и ее писательские пробы, пробужденная жажда самореализации и движения – до последнего вздоха.

Марк Шагал прожил с Беллой двадцать девять лет – пожалуй, самых важных лет становления и тяжелого движения к признанию, окропленных потом, кровью и слезами, временем полного изменения внешней среды обитания, поломанной сначала большевиками, а затем фашистами. Это были годы отрешенного творчества и страстной любви, проникновенной, нерасторжимой и всепоглощающей любви, одновременно духовной и страстной, в которой хотелось тонуть им обоим. И они тонули… А потом Белла ушла в вечность, оставив на память написанные незадолго до смерти трогательные, как детский плач, «Горящие огни» – свидетельство ее тонкой, проникнутой религиозной духовностью и стремящейся к развитию души.

Прошло горькое время тоски и творческого бессилия, пролетел бесплодный год депрессии, наконец, вернувшись во Францию через восемь лет после смерти Беллы, он связал себя новыми брачными узами и прожил со своей второй избранницей Валентиной Бродской еще тридцать три года – с шестидесяти пяти до девяносто восьми, в течение которых вторая жена играла роль скорее заботливой матери, тихого, ненавязчивого собеседника и советчика. Это была уже не столько любовь, сколько крепкая дружба и тесная душевная привязанность. И это была уже другая жизнь, вернее, ее вторая серия, достойная и красивая старость, данная Шагалу в награду за роль вечного труженика, отринувшего внешние блага ради поиска духовных истин в художественном измерении. И следуя по стопам народной мудрости, утверждающей, что первая жена дана Богом, попробуем познать наиболее ценные штрихи к семейному портрету Марка и Беллы – двух трепещущих сердец, словно избранных Провидением для доказательства возможности великой и священной любви.

Исконно еврейский брак

Отношения Марка и Беллы Шагал во многом базируются на культурно-религиозной традиции еврейского народа. Союзы у евреев вообще отличаются монолитностью и крепостью; если представить, что обычный брак напоминает связанные цементом твердые тела, то брак евреев уже сам по себе скреплен неразрывным клеем глубокой традиции, фантастической сцепкой, тайный состав которой замешан на незыблемых вековых правилах, коллективной установке народа.

Инго Вальтер и Райнер Метцгер, авторы короткого и очень живого описания жизни художника, окрестили его «экзотическим созданием», человеком, который самым естественным образом «играл роль аутсайдера и эксцентрика от живописи». Уже в этих многозначительных характеристиках угадывается нелегкий путь, долгий серпантин в обход принятых и утвержденных догм, сопровождающийся сложными перипетиями отнюдь не бескровной борьбы, столкновением с кознями законодателей культурного фундамента общества, а то и просто с непониманием и отторжением на каком-то бессознательном, интуитивном уровне.

Рожденный вторым, но оказавшийся старшим (после смерти брата Давида в детском возрасте от туберкулеза) в почти нищей еврейской семье, Марк столкнулся с удручающей перспективой борьбы за существование, жизнью без намека на спокойствие и счастье, бытием ради куска хлеба. Больше всего из своего тревожного детства он запомнил мозолистые руки отца и его фатальную угрюмость. В обозначении Шагалом образа родителя трогательными словами, «как и он, я был молчалив», кроется печальная неосознанная готовность втянуться в тяжелое ярмо, безропотно подставить свое неокрепшее плечо раздирающей его лямке, и так двигаться навстречу неотвратимой гостье – смерти. Но в этих словах и неприятие роли несчастного отца – грузчика, таскающего за гроши бочки с селедкой. Ранняя психическая напряженность и физическая слабость вкупе с необычайной энергичностью матери сделали его задумчивым, мечтательно-озабоченным и немного романтичным. «Я посмотрел на свои руки. Они были слишком нежными… Мне надо было найти себе такое занятие, которое бы не закрывало от меня небо и звезды и позволило бы мне понять смысл моей жизни». Таким образом, сын не принял жизненных рамок отца, которые отражали животную борьбу за выживание, оставаясь слишком тягостным бременем для его психики. Но частично принял его семейный уклад, потому что воочию убедился, какой великой силой обладает женственное и материнское начало, которое помогало нести несчастному отцу его судьбу-крест.

Помог юноше изменить отношение к жизни не кто иной, как его дед. Именно благодаря деду, легко перешагивавшему через границы общепринятых норм, Шагал сумел освободиться от сковывавших его пут – системы условностей своего народа. Родовые связи у еврейского народа можно отнести к одной из форм управления подрастающим поколением. Поэтому местонахождение Шагала на координатной сетке между изнуренным, вызывающим жалость и скорбь отцом и легким на нестандартные решения, часто увиливающим от своей роли дедом кажется логичным и непротиворечивым. Но старик, который своим тунеядством загнал в гроб молодую жену («полжизни он провел на печке, четверть – в синагоге, а остальное – в мясной лавке»), показал путь, отличный от медленного самоубийства отца. И это тайное и скрытое стремление деда противоречить стандартам, действовать вопреки предопределенности открыли Шагалу путь к цепи собственных нарушений: безоговорочного отделения себя от семьи и ее прямолинейных традиций, ужалившего окружающих твердого решения заняться творчеством, наконец, отделения своего стиля в живописи от всех возможных направлений и школ. Лишь традицию семейных уз он принял без ропота и сомнений; она была внушена ему столь значительным числом людей, преподнесена с таким безусловным авторитетом, что он стремился повторить модель еврейского брака, защищая и отстаивая его в душе, как первую реликвию. Но и тут его особенно впечатлительная душа приняла идею семьи в сердце – совсем не так, как у многих преуспевающих прагматиков этого плодотворного народа. Семья в традиционном представлении еврея-обывателя была частью успешности, поэтому ею стоило дорожить. Для молодого же Шагала семья стала частью принципов, возможностью оставаться самим собой, вести откровенный разговор на любую тему. В этом коренное отличие его представлений от представлений большей части еврейского народа.

Каждый последующий шаг давался Марку с боем, причем нелегким. То, что его сверстникам доставалось без труда, казалось само собой разумеющимся, этот еврейский мальчик добывал в сражении. Но таким образом он закалялся. Он был крайне наблюдателен, ничто не ускользало от его взора, все могло пригодиться для выживания в мире, который, как он обнаружил, отвернулся от него. Окружающие просто жили, он же каждую минуту раздумывал, как вырваться из заколдованного и безжалостного круга, сдавливавшего грудь прессом зависимости от материального мира. Земное притяжение казалось ему

слишком сильным и непомерно суровым. В истерзанной юношеской душе вызрело обостренное чувство свободы: Марк решил, что будет заниматься только тем, что наполнено воздухом свободы, дарит радостное ощущение бескрайности полей, необъятности космоса и безумное сколыхение полета. С детства он научился жить между небом и землей, и его отношение к семейной жизни стало проекцией этого воздушного мироощущения, оно же передалось и его избраннице. Вернее, непостижимым образом совпало с ее лирическим и почти всегда одиноким пониманием окружающего мира. В этом не так уж много странного, тут присутствует отражение общей для двоих покорности традициям, перенесенной в плоскость индивидуального, личного, сугубо интимного. Но для нее – покорности женской, абсолютной; для него же, слишком много думавшего и страдавшего, – покорности как способа оттолкнуться и начать новый, уже собственный поиск.

В то время, когда для окружающих мальчиков жизнь еще была веселой беззаботной игрой, в его чувствительном до болезненности воображении уже маячил вопрос жизни и смерти. Наконец он обрел рисование, начав с копирования и постижения искусства точных линий. Но не зря ведь он изумлял всех невероятной наблюдательностью – плодом долгих раздумий. В конце концов в семнадцать лет благодаря исключительно собственной настойчивости он оказался в мастерской Иегуды Пэна, дружившего с Ильей Репиным и отменно знавшим живопись как академическое ремесло. К искусству Шагалу еще надо было подобраться. Марк Шагал признавался позже, что прямолинейный путь изначально претил ему; скорее всего, к моменту серьезных занятий живописью разрыв между воображением и действительностью был уже слишком велик. Его необычный до странности вкус и его особое миропонимание долго созревали, и это важно учесть, так как именно эти глубокие, как старческие морщины, штрихи в портрете Шагала сыграли главную роль и в его становлении как художника, и в построении здания семейной жизни. Он научился слушать собственный голос, звуки которого прорывались из глубин естества и нарастали, переходя в оглушительный, навязчивый гул, неумолимое требование двигаться дальше, чтобы «не зарасти мхом».

Двадцать семь рублей со снисходительной резкостью брошенные отцом под стол, чтобы он униженно собрал их (и так лучше осознал важность сделанного шага), стали кульминационной точкой взаимоотношений с семьей. Приняв этот первый и последний взнос отца в его становление, Марк окончательно оторвался от семьи, как оперившийся птенец,

навсегда оставляющий свое гнездо. Но он взмыл над землей, ибо отсюда начинается его долгая и крепкая дружба с облаками, жизнь на небесах с редким посещением земной действительности. Бросив деньги под стол, как и прежде, когда давал на обучение, отец намеревался подчеркнуть свою значимость и уколоть сына-отщепенца, научившегося смотреть сквозь действительность куда-то вдаль. Марк простил это несчастному нереализованному родителю, еще больше укрепившись в мысли, что его путь будет совсем иным. Он ринулся в Петербург, намереваясь покорить могущественную столицу изящных искусств. Но земное притяжение неумолимо тянуло его в бездну принадлежности к бесхитростному и злому миру. Лишь свойственная еврейскому народу изворотливость и умение приспосабливаться позволили ему зацепиться в российской столице искусств. Сначала ученик в мастерской вывесок, зарабатывающий право на проживание в городе в качестве ремесленника, затем лакей в семье адвоката, наконец стипендиат в художественной школе Званцевой – тут двадцатилетний молодой человек демонстрировал удивительную целеустремленность, настойчивость и последовательность. Сзади стеной невидимых ощетинившихся копий его подпирала перспектива возврата в селедочную лавку, с тем чтобы таскать бочки, и погребения заживо в зловонных парах нищеты. Это навязчивое ощущение заставляло его бороться и искать другой путь, хотя часто его не жаловали там, куда он упорно пытался проникнуть.

В то время формирующемуся Шагалу было мало дела до девушек, в автобиографии он признавал себя «в амурной практике полным невеждой». Нет, его, конечно, волновали формы взрослеющих девиц. Однажды, по собственному признанию, он предложил помощь девочке, если только она обнажит для него ножку. Но это не было похоже на страсть к противоположному полу, а главное, слишком отвлекающими, слишком могущественными были раздирающие его на части мысли о будущем: каждый день взросления он вспоминал, что если ничего не предпримет, его ждет тяжелая изнурительная работа. В позднем мужском созревании присутствовала своя особая прелесть: рисуя обнаженное женское тело (например, в этот период была написана «Сидящая красная обнаженная»), он переживал сублимацию, переход сексуальной энергии в ментальную силу, что отвращало его от грубых раздражителей. Себя он подает робким, едва решающимся ответить на поцелуй Анюты, первой в его жизни девушки. И хотя позже Марк «целовался напропалую», не лишен был и чисто мужских желаний, «непреодолимых, как прихоть беременной женщины»,

первый опыт не обжег его плотским цинизмом низменных побуждений. Он всегда оставался сначала тихим романтиком, поэтом, жаждущим душевных ощущений, а уж затем, во вторую очередь, влюбчивым пареньком с воображением светского донжуана. У одной из своих пассий Марк Шагал как-то встретил главную любовь своей жизни…

Белла Розенфельд родилась в том же самом тихом белорусском Витебске, только на другом берегу Западной Двины, в семье состоятельного владельца ювелирных магазинов. Семейными канонами предопределялись скромность, целомудренность и следование жесткой системе незыблемых правил своего народа. Книги, романтическая поэзия и неукоснительная иерархия сопровождали ее безоблачное детство. Оно было безмятежно и спокойно, как застывшая гладь моря. В отличие от сурового уклада Марка, Белла, будучи почти самой младшей в семье, испытывала стабильные ощущения защищенности и предсказуемости. Тревоги касались разве что ее девичьих переживаний, через которые проходят все барышни из хороших семей. Покорная и смотревшая на мир преимущественно глазами книжных героев, она не только контролировала свои желания, но и досконально знала их. Это обитание красивой птички в невидимой клетке сформировало и ее трогательную одухотворенность, мгновенно замеченную пытливой душой Марка, разворошившую ее и затмившую в ней все остальное, даже свет солнца. Он не ожидал, что чувственная девушка и прелестный ангел способны слиться в одном человеческом облике, и, потрясенный открытием, навеки влюбился. Белла, эта юная неприкаянная душа, также была сражена сладкой и трепетной стрелой Амура, она увидела в молодом Шагале двуликого героя – едва сдерживающегося и этим пленяющего мужчину-фавна и руководящего им, не допускающего непристойностей творца. Интуиция, базировавшаяся на почерпнутых из книжного шкафа знаниях, подсказывала ей, что этому парню можно доверять. Он же в процессе развития их отношений сумел доказать, что является именно тем, за кого себя выдавал, в том числе совершив знаковый поступок: в течение нескольких лет знакомства он удерживался от добрачной интимной связи с девушкой. В сущности, это была первая значимая встреча в жизни Беллы, первая эмоциональная встряска в пресной жизни тихой девочки, которая, по ее же словам, «сидела на подоконнике, глотала книгу за книгой, людей чуралась, как чертей, даже от братьев с их насмешками отгораживалась занавеской». Но эта застенчивая девочка уже хорошо разбиралась в истинных ценностях, в серьезности

намерений, в своих смутных и чужих настойчивых желаниях. Она родилась в такой семье, в таком окружении, что была обречена пройти путь «хорошей девочки», пользуясь семейным достатком, покровительством старших братьев, обласканная со всех сторон и приученная к заботе о своей персоне, доставшейся ей по праву младшего ребенка. Такие установки, полученные в детстве, не разрушают даже социальные катаклизмы.

Святость молитв и святость книг – две догмы, которые сформировали ее характер. Перед ними она благоговела; каждая книжная полка в шкафу была для нее подлинным «святилищем», да и сам шкаф был одушевленным созданием: «занятый своими книгами, шкаф замер в немой неподвижности, никак не отзываясь на бурлящую в доме жизнь». И еще: «Книги просыпаются под моим взглядом». Это была непростая девочка, ей требовалась особая духовность, такая, которую она даже боялась искать. И вот пришел молодой мужчина и, как воин-завоеватель, разрушил привычный порядок вещей, став неожиданным покровителем счастья и его неустанным искателем. Ей было над чем задуматься, ведь он, кажется, мгновенно оценил обстановку. Белла поражала изначальной глубиной, вынесенной из тиши замкнутого духовного и книжно-романтического мира. Но внутри нее дремала настоящая страсть, уже слегка пробужденная книжными историями о любви. Марк, настроенный на волну поиска, все постигал на ходу: не только через ощущения, рожденные книгами, но и прикасаясь к ярким, обжигающим светилам: Баксту, Дягилеву, Малевичу, Матиссу.

«Так моя жизнь влилась в русло жизни другого», – находим мы слова Беллы Шагал в ее книге «Горящие огни» о ее собственном восприятии первой встречи с Марком. В этих словах заложено важное правило изначального принятия своей роли в семье. Эта роль сформирована религиозными и семейными традициями, вековой еврейской культурой и собственным книжно-романтическим пониманием союза мужчины и женщины. Белла была до мозга костей «хорошей девочкой», но уже и женщиной, готовой наперекор недовольству родителей бесконечно доверять и безропотно следовать за избранником – по предложенному им пути.

Библейская любовь. Бунтарь и «хорошая девочка»

На самом деле все было не так просто. Прошло почти шесть долгих лет, прежде чем судьбоносная для двоих встреча увенчалась бракосочетанием. И тут опять прослеживается роль

всемогущих устоев и традиций. К тому моменту, когда состоятельная родня Беллы однозначно высказалась против ее брака с «оборванцем» с другого берега Двины, Марк Шагал уже слишком много испытал в своей жизни, чтобы отказываться от борьбы. Его путь к себе был сложен, в каждом новом эпизоде содержались новые испытания, которые научили его терпеть. Пять рублей, брошенные отцом под стол и предназначенные для похода с матерью в художественную мастерскую Иегуды Пэна, надолго запомнились искателю счастья. Из-за непроглядной бедности он писал на старых холстах, но сделал этот факт своим неожиданным и неоспоримым оружием, «характерным для эстетики кубизма». Он отчаянно учился у всех встреченных на пути, не желая примкнуть к какому-либо течению. Иначе и не могло быть: изворотливость, приспособляемость его народа должна была покрыть пробелы формального университетского образования. Все, что он разбрызгивал яркими цветами на полотнах, было овеществленными переживаниями детства, преломленными религиозными еврейскими истоками и восставшими символами, передающими напряжение. Он боялся растворить свой особый взгляд на вещи, ему надо было сохранить единственно свой, шагаловский стиль. Забегая вперед, надо сказать, что ему это удалось. Можно не принимать, критиковать, резко отвергать картины Шагала, но их нельзя не узнавать! Это было то главное, к чему он стремился. И это стремление напрямую связано со всеми остальными гранями его беспокойной и вместе с тем умиротворенной жизни. Это также связано и с Беллой. В картине-подношении «Моей нареченной», написанной за несколько лет до их свадьбы, содержится вся сложная палитра его взглядов: от бурной сексуальности до напряженности, от печной накаленности его духовного пространства до леденящей невозмутимости по отношению ко всему миру. Кажется, его избранница очень хорошо распознавала дурман своего остроносого Люцифера, прирученного зверя с обостренным нюхом и особым, очень насыщенным миром желаний.

В то время за спиной у Шагала была крутая тропа поисков себя в Петербурге и Париже – творческая стезя оставалась главным делом жизни, семья должна была укрепить духовные силы, придать поиску нечто земное и осязаемое, наполняющее пониманием дыхания жизни через дыхание близкого человека. Но его полотна мало кому нравились. Сам же Шагал, только сливаясь со своей работой, осознавал: это единственный способ выплеснуть свою перевернутую с ног на голову индивидуальность, возможность запечатлеть те волнующие переживания детства, которые или покрылись бы болезненной

плесенью, или стали бы причиной убийственной болезни, превратись он в такого же рабочего вола, как отец. Все, что давалось Шагалу, он берег и ценил так, как может ценить калека чудодейственное лекарство, возвращающее его к обычной жизни; то, что все причисляли к обыденному, в его глазах было опоясано сакральным ореолом, светилось лучезарным светом. Так было и с Беллой, встреча с которой ослепила его умиротворяющим покоем. Ласковая и нежная, она передавала ему свое спокойствие, заменяя мать. И в отличие от необразованных, замшелых, пропитанных селедочными парами родственников, Белла являлась кладезем живых знаний, которых порой так недоставало ему для движения вперед. Она была умна, притягательна и преданна: ее учили быть такой, с единственной оговоркой – не для такого сумасброда, каким казался Марк Шагал ее размеренно живущим родственникам, крепкими канатами привязанным к меркантильному достатку и прибылям.

Но он уже стал бунтарем, отшельником, воюющим художником. Ему нужна была любовь, чтобы построить отстраненные отношения с миром. Белла же была человеком, с которым можно было замкнуться в собственном пространстве, сделать его самодостаточным и закрытым, независимым от восприятия изысканным обществом и напыщенными критиками его работ. Белла, с ее окрыляющей духовностью, воздушной религиозностью и чисто женской стойкостью, оказалась способной заполнить все пустующее пространство вокруг него. Она жила его жизнью, не растворяя в ней свою яркую индивидуальность. Они понимали друг друга с полуслова и полувзгляда. Прежде всего потому, что искренне стремились это сделать, обходя с помощью компромиссов и улыбок остроту углов всегда ненадежного быта.

Белла также была очарована любовью. «Она по утрам и вечерам таскала мне в мастерскую теплые домашние пироги, жареную рыбу, кипяченое молоко, куски тканей для драпировок и даже дощечки, служившие мне палитрой», – так описывал Шагал место любимой в его жизни. Тут есть немаловажный нюанс: любя и желая заполнить собою его пространство, она никогда не заслоняла мольберта, понимая, что для мужчины главным остается самореализация, работа, творческий поиск. С ранних лет она продемонстрировала удивительную мудрость, свойственную только проникновенным женским натурам. Он же посвящал ей бесчисленные полотна и стихи, надрывно сообщая творениями, что она ему бесконечно дорога, подчеркивая, как он ценит, что она, всегда покорная решениям семьи, однажды ради него пошла ей наперекор, рассеяла грезы родителей и родственников о зяте

«из хорошей семьи». Его чувство мужа, мужчины, привитое традицией, усилилось индивидуальным, очень эмоциональным восприятием любви. Он был как будто потрясен собственным счастьем, глубиной отношений, возникшей из детской романтичности каждого, усиленной тайным поиском юности, а затем рождением дочери, и из долгой совместной борьбой с законодателями мод в искусстве, упорно не желающими принимать Шагала-живописца. Похоже, его автобиографическая «Моя жизнь», столь ранняя для любой творческой натуры, имела лишь одну, сугубо информативную цель: доступно объяснить свое экстравагантное творчество, адаптировать образы для понимания. Но и тут в каждом жизненном эпизоде Шагала просматривается его безмерная благодарность жене, ставшей неотделимой частью его самого. «Стоило только открыть окно, и она здесь, и с ней лазурь, любовь, цветы… С тех давних пор и по сей день она, одетая в белое или в черное, парит на моих картинах, озаряет мой путь в искусстве», – описывал он свое отношение к жене. Разве можно было после таких слов усомниться в избраннике, не следовать за ним безропотно на край света?

Их можно было бы причислить к однолюбам по натуре. Но эта натура не взялась из ниоткуда. Сама по себе жизнь Марка и Беллы кажется отражением духовности всего их народа, того лучшего, что евреи пронесли сквозь века, и ключевым штрихом тут, конечно, оказалась непоколебимая вера. Вера в исключительность, в способность прикоснуться к великому и сокровенному, стать на миг частью божественного – в этом заложена знаменитая и одновременно очень простая формула их успешности. Эта формула в преломлении одной семьи оказалась усиленной индивидуальностью каждого из них: он был поглощен поиском истины и борьбой за свое становление; она отдалась его воле, но сумела вовремя извлечь собственные внутренние силы для очень понятной и возвышенной миссии.

Мужчина и женщина плыли на воздушном шаре над миром, и шар тот был наполнен горячим воздухом веры, самопознания, вечной молитвы и религиозностью, стремящейся к искуплению. Он искал свою живопись, «не такую, как у других», она вселяла в него уверенность в несомненном успехе поиска. Важно, что ей оказалась близка формула ценностей своего мужа: Шагал, боготворя любые, и в том числе материализованные выражения духовного, не привязывался к территории, месту, быту, идеологическим концепциям. Ценность имело лишь то, что вызывало трепет в душе, что заставляло содрогаться от щемящего ощущения в сердце, душевного восприятия происходящего. И сознательно отошедшая с мужем от своей семьи Белла сумела

дополнить и расширить взгляды мужа, усилить его самоактуализацию новыми знаниями. Знания образованной Беллы оказались серьезным подспорьем Марку; он пребывал в поиске, рисуя в автопортретах одержимые, дикие глаза – взор жаждущего высшего познания, на грани инфернального, непостижимого, исходящего из потустороннего мира. Им обоим в который раз повезло, когда выяснилось, что они вместе насквозь пропитаны лирикой, поэтичны до невесомости и при этом последовательны, как планеты, которые движутся по четко обозначенной траектории.

Как сообщает сам Шагал, Белла мечтала стать актрисой, но стала… идеальной женой. Не только любящей, верной и способной смотреть вдаль и в глубину, но и развивающейся вместе с мужем. В этом решении молодой женщины заложено определенное противоречие: она совершила довольно рискованный поступок, поставив на мужа и отказавшись от профессиональной самореализации. Тут от беспробудного счастья до ужасающей катастрофы один шаг, ибо окажись Марк Шагал неисправимой эгоцентричной личностью, подобно многим выдающимся творцам, она оказалась бы на обочине жизни, лишенная опоры, любви и поддержки. Но она рискнула, а Марк слишком ценил этот шаг, душой понимал его глубину, да и сама Белла досталась ему не без борьбы. Она же сумела, и это, кажется, оказалось сложнее всего, остаться подругой, не превратившись в немой придаток глубинной личности своего мужа. Ее духовный рост был постепенным и неизбежным, как взросление бутона, спокойно переживающего цветение и превращающегося в яркое неземное растение. Как пришло к ней понимание необходимости изменяться? По-видимому, в этом помогли взаимная чуткость и откровенность суждений, ведь опыт борьбы мужа за признание был их совместным опытом, тем более скрепленным новой рожденной жизнью – Идой. Первой и, пожалуй, наиболее важной творческой работой Беллы оказался перевод на французский автобиографической книги мужа «Моя жизнь». А еще через несколько лет она настойчиво и неотступно начала писать свои собственные воспоминания, наполненные трепетной лирикой и твердым желанием запечатлеть и корни еврейской культуры, и свое чрезвычайно нежно-одухотворенное отношение к любимому человеку. «Стиль, в котором написаны «Горящие огни» и «Первая встреча», – это стиль еврейской невесты, изображенной в еврейской литературе», – писал Марк Шагал о своей верной спутнице. Шагал, искавший подлинную глубину искусства, не мог не поддержать усилия жены. Они и тут были вместе: и переведенную автобиографию, и «Горящие огни»

художник сопроводил собственными иллюстрациями, главная ценность которых в подчеркнутой и проникновенной близости ко всему, что содержало нить творческого поиска подруги. В этой вечной и неизменной близости двух людей можно без труда разглядеть и поощрение, и благодарность, и бесконечную, кажется даже отрешенную, любовь. Удивительно, но эта пара от первой встречи и до последнего совместно прожитого дня сумела сохранить высокие отношения, замешанные на участии в жизни друг друга, ободрении и уважении. Но в то же время многие биографы Шагала отмечают его удивительную замкнутость и какой-то неистребимый индивидуализм. За исключением редких эпизодов общественной активности во время попыток наладить сотрудничество с ранней Советской властью Марк Шагал практически ни с кем не общался. Жена ему заменяла все, прежде всего потому, что она принимала его целиком. За пределами семьи была зона вечной мерзлоты, омертвелости душ, которые не принимали и не понимали его. Как живописец он долгие годы оставался невоспринимаемым, и это отложилось глубоким рубцом на его взаимоотношениях с окружающим миром. А вот с женой он был абсолютно открыт, он разговаривал с нею на одном языке, и она понимала этот язык, отвечала ему. Скорее всего, он слышал от жены то, что хотел слышать. Но разве в этом маленьком лукавстве любящего человека не содержится тайна счастливого общения двоих людей, отмежевавшихся от всего остального мира? Им двоим оказывалось достаточно друг друга, чтобы не искать еще кого-то; со временем даже родственники отошли на дальний план.

Рождение дочери отмечено в творчестве Шагала заметным творческим подъемом, серией картин-посвящений. Но они вместе с женой определили для себя: главное в короткой вспышке жизни – самореализация, которой ничто не должно мешать, тем более потомство. И он и она были выходцами из многодетных семей, они осознавали, что в тяжелое время социальных перемен и непримиримой борьбы за творческое признание посвящение себя потомству может оказаться губительным для созданного гармоничного бытия. Возможно, определенную роль в мировосприятии Шагала сыграло осознание того, что его эгоизм все-таки создает гигантскую преграду для расширения семьи.

Сексуальная жизнь этой пары пронизана еврейско-религиозным аскетизмом. Будучи неотъемлемой частью семейной жизни, делая ее полноценной, секс, кажется, никогда не превращался в область чувственного наслаждения тела ради самого наслаждения. Хотя глубинные корни этого явления следует искать в общем для обоих поклонении традициям, дело

не только в этом. Время возвышенной любви стало временем трепетного, вожделенного ожидания брака, и это было результатом не только воспитания, но и книжно-романтического, самоотреченного, схожего с монашеским самовоспитания. Долгое воздержание подстегивало ощущение величия любви, усиливало экспрессию и эмоции. Для путешествующего Марка сдерживающим фактором выступала необходимость добиться успеха, чтобы, вопреки нищете, соответствовать достаточно богатой невесте; только безоговорочное признание живописца могло позволить молодому человеку презреть меркантильные претензии родственников невесты. Годы формирования в нем мужчины – это волевая сублимация сексуальной энергии, силовое превращение ее в духовную силу художника. Нельзя сказать, что он не испытал на себе действие раздражителей. И «Моя жизнь», и книги Беллы ненароком указывают на присутствие раздражителей – от мастурбации учеников в школе до откровенного рассказа сельской женщины о том, как она приняла насилие милицейского патруля – около двадцати человек, – чтобы сохранить перевозимые мешки с мукой. Эта тема волновала молодого художника, ощутимо тревожила сознание, но происходило это уже тогда, когда личность и принципы были сформированы, когда платоническая любовь уже заняла более высокое место в ценностной ориентации, чем сексуальные приключения. Его чувства походили на коллекцию кристаллов, слившихся в драгоценном камне, обрамленном защитным металлом. В своей книге Шагал сообщает, как повесил в домашней мастерской нарисованную обнаженной Беллу. А мать назвала работу «срамом» и, пристыдив сына, велела убрать. Описанный эпизод является весьма полезным для оценки отношений Марка к сексуальной сфере вообще, потому что центральным мотивом для демонстрации рисунка являлось распирающее грудь, горделивое желание сообщить окружающим, что наготу любимой он способен воспринимать прежде всего как красоту, а уж потом как волнение плоти и чувственное сплетение тел. Хотя, очевидно, что сексуальное желание он также испытывал и не имел намерения скрывать этого, потому что осознанно сумел перешагнуть через него.

Незримый полет одержимых

Видением и восприятием своей миссии в искусстве Шагал, безусловно, отличался от большинства живописцев, хотя многие его полотна вызывают у неискушенного наблюдателя лишь

недоумение. Не сама любовь, а ее умиленно-эпическое выражение становится у Шагала более могущественным, нежели формы представления собственных чувств. К неоспоримым же преимуществам Беллы можно смело отнести ее направленную на мужа чувственность и заботу, также во многом являющуюся проекцией отношений, принятых в крепких еврейских семьях. Но и не только. Белла, в отличие от многих женщин, вышедших замуж и тотчас забывших о себе, проявляла ощутимую заботу о своем духовном и физическом очаровании. Чего только стоит ее решение писать, выношенное и осмысленное, являющееся явственным выражением самосовершенствования, желания духовного роста и соответствия супругу. Ее образ всегда оставался плодом собственных устремлений, результатом желания сохранять себя свежей и красивой, такой же библейски чистой, какой она была во время их первой встречи. Они старались друг для друга. Обоюдными усилиями они создали нерасторжимую связь – союз вечно влюбленных, осмысленно преданных, обезоруживающе единых. С течением времени вместе они являли собой единое энергетическое поле любви, сформированное божественными объятиями.

Марк Шагал всегда старался ввести в свою живопись «душевное беспокойство», «четвертое, духовное измерение», которое «взаимодействует с остальными тремя». Жизнь этого в высшей степени сосредоточенного человека была насквозь пронизана его собственным беспокойством, непреодолимым желанием сообщить миру нечто новое, более приближенное к совершенному, чем все, что было до этого. Белла же – часть этого страстного сообщения; их совместная жизнь в самом деле казалась пребыванием в невесомости, которое он так часто рисовал, парением, чарующим полетом, вещающем зрителям о величии любви как части того сказочного совершенства, которое мастер переносил из своего воображения на холст. Кажется, они и вправду летали. Марк Шагал много раз изображал их полет на полотнах, нацеливаясь на проникновение в вечность, усиливая экспрессию нескончаемой песни любви, печальной и святой, потому что слишком рано она была прервана неумолимой рукой судьбы.

Из чего, из какой небесной ткани был соткан покров их заоблачных, неземных отношений? Они оба к моменту оформления союза пребывали в каком-то колдовском мире, отделенном от мирского, привычного бытия. Они казались окружающим как бы не от мира сего. Марк в своем кругу был почти изгоем, Белла же в своем мирке жила маленькой блестящей рыбкой в неусыпно охраняемом аквариуме, из которого хотелось

выплыть в широкое пространство, но было и боязно, и не совсем понятно, как это сделать. И Шагал, выступив отчаянным рыбаком, выудил ее, чтобы вместе мятежно и даже дерзко для привычного им закостенелого мира парить над пространством в только им двоим понятной невесомости. Они научились ощущать себя «жилистой костистой плотью с пучком белых крыльев», как иронично выразился о себе Шагал в автобиографии.

Нетрудно заметить, что и «Моя жизнь» Шагала, и книги Беллы пестрят намеками на то, что еврей является иным человеком, более сосредоточенным на религии, более привязанным к пуповине своего этноса и своей культуры, глубже представителей других народов ощущающим ее пресс. В то же время так было не всегда. Взрослея, они все дальше уходили в новую плоскость бытия, созданную для себя как некий остров, куда не было надобности впускать даже родственников. Разглядев в стране Советов «помост бойни», Марк и Белла Шагал успели благодаря близким отношениям с Луначарским ускользнуть из этой гигантской лаборатории зла. Они были тихими мятежниками: сначала осторожно раздвинули существующие в их семьях рамки и представления о мире, затем презрели сформированные в живописи правила, отвергли советскую мораль, наконец, без сомнения разорвали связующую нить с отечеством, родной землей… Позже, когда Европу неумолимо поглотила черная грозовая туча войны, они сумели отыскать тихий уголок для себя в Америке. Они устремлялись туда, где можно было вольно дышать, и в этом была не только философия выживания или философия свободного творчества, в этом проявлялся также принцип защиты семьи, сохранение ее в скорлупе безопасности.

Итак, главной предрасположенностью к крепким связям внутри семьи стало идолопоклонническое отношение к духовности. Но свободный полет двоих не был бездумным парением без цели; в нем содержалась частная и очень точно выраженная мысль ухода от суетной действительности – найти совершенно новый текст самовыражения, высказаться в стиле приверженности своей культуре, своему цивилизационному пространству, дать потомкам иной, расширенный горизонт реальности. Для Беллы поиск мужа был органичным и полностью внутренним мыслительным процессом, ее психологическая подготовка позволила сразу и точно «расшифровать» Шагала. С самого начала она не испытывала душевного дискомфорта, изначально и до своей последней минуты разговаривая с ним на одном языке. В этом языке никогда не исчезала страсть, жажда познания и любовь. Они были комфортны друг другу, и в этом

содержался секрет их самодостаточности по отношению к остальному миру. Как будто они создали для себя необитаемое пространство, обособленное от стремительного движения цивилизации, а затем тихо заселили его, придав только им понятный уют. Жизненный путь родителей показал бесполезность и тщетность ориентации на материальные ценности: родители Шагала всю жизнь боролись, чтобы прокормиться; родители Беллы, скопившие немало ценностей, вмиг потеряли все, ограбленные беспринципными чекистами. Эти уроки Марк и Белла не забыли, ограничив свой мир минимальной привязанностью к материальному, отказавшись от создания традиционной многодетной семьи, остановив поиск на творческом самовыражении, овеянном пламенной любовью друг к другу.

С ней он не боялся искать, двигаться дальше на ощупь, без губительных для истинного творчества ускорений. С ним она не опасалась оказаться брошенной, как в детстве, когда, окруженная уютом, тем не менее оставалась безнадежно одинокой. Они вытащили друг друга из темных застенков одиночества, и с того времени любовь светила им не хуже самого великого светила. Им не нужно было друзей, и опять этому научила жизнь. «Когда меня бросают, предают старые друзья, я не отчаиваюсь; когда являются новые – не обольщаюсь… Храню спокойствие». Разве подобные откровения нуждаются в иллюстрациях или интерпретациях?

Еще один немаловажный штрих к портрету счастливой семьи: почти сразу после свадьбы они покинули родительскую обитель, взяв курс на Петербург. Рассудили с топографической точностью: лучше рискованное самостоятельное плавание, чем навязчивая опека состоятельных и, стало быть, требовательных родителей. Крайне сложная самостоятельная жизнь практически без быта, на отсутствие которого стойкая Белла научилась смотреть сквозь пальцы, закалила их обоих. Смена грязных, сумрачных мест обитания, странная работа на чуждую идею, полуголодное существование – все это можно было терпеть, и они терпели, сжав зубы. Но неприязненного отношения к своему искусству Шагал выдержать не мог, как не мог принять бездарных управляющих советской культурой, надменно и с осуждающими пустыми взглядами взиравших на его деятельность. И кстати, именно Белла была первой, кто честно сказал Шагалу, что влияние советского чиновника убийственно для его творчества, она оказалась единственным человеком, подсказавшим путь возвращения к истинному искусству. Обостренное ощущение свободы у Шагала не могло вынести Советов; пять лет понадобилось, чтобы разобраться в холодном нутре большевиков

и бежать от родины, как от черной чумы.

Вместе с перемещающимся по миру Шагалом двигалось и расширяющееся кольцо любви, тень признания и славы. Но ему выпало жить в переменчивый век, и вслед за успешными выставками в европейских столицах пришла гитлеровско-геббельсовская инквизиция: его творения были объявлены «дегенеративным искусством» и многие полотна ожидала суровая участь – сожжение. Но самым оглушительным ударом судьбы, невосполнимой и бесконечно горькой потерей, после которой сама жизнь долго оставалась безвкусной, как высушенные водоросли, оказалась утрата Беллы. Ее смерть «при загадочных обстоятельствах» от неясной вирусной инфекции перевернула все его естество. «Тьма сгустилась у меня перед глазами», – написал он в послесловии к выходящей книге жены «Первая встреча». Она была его ангелом, его музой, его вторым «я» – обратной связью с живым миром. До конца жизни Марк Шагал рисовал влюбленных, парящих любовников и взирающих сверху ангелов. «Моя молитва – моя работа», – говорил он проникновенно, и в словах его проскальзывала забота о душе, о миссии. «Расставание всегда трогательнее встречи. Расставание навсегда, как жгучая теплая рана, как чаша с битым стеклом, которую пьют вместе, раздирая горло в кровь…»

Всю жизнь он был пытливым искателем, часто непонятым, отстаивающим расплывчатые формы и причудливую палитру красок. Но его неослабевающее стремление, переросшее в одержимость, всегда нуждалось в питательной среде общения и любви. «Может быть, мое искусство – искусство безумца, – и моя душа – сверкающая ртуть, которая выплескивается на мои картины». Он, несомненно, был не от мира сего. И поэтому присутствие в его мире Беллы чувствовалось всегда. Он сумел оправиться, не потерять себя, вывернуться и снова выйти победителем. Было окончание работы над выдающейся картиной «Падение ангела», которую он создавал четверть века. Был большой просторный дом с тремя удобными мастерскими на Лазурном берегу во Франции. Была другая жена, тоже любящая и вселяющая надежду. И была слава, немеркнущая и великая. И осталась в сердце неисчезающая, глухая, как пустая комната, тоска, тихая и кроткая печаль по той, с которой прошел самые пыльные лестницы своего подъема, с кем парил в годы, полные страсти и надежд, и чья любовь была чище горного источника и горячее светила… И он всегда помнил, что даже в минуты жутких бедствий, голода и всеобщего отвержения они были счастливы…

Уже в самом конце жизни мастер написал «Реквием», снова вспоминая о своей великой и единственной любви:

Годы мои, как рассыпанная листва.
Кто-то раскрашивает мои картины,
А ты озаряешь их светом.
Улыбка на твоем лице
Все яснее сияет из-за облака, – и я тороплюсь
Туда, где ты, задумавшись, меня ожидаешь.

Артур Конан Дойль и Джин Лекки

Они полюбили друг друга сразу же, отчаянно и навеки. Его письма к ней, написанные, когда ему шел семьдесят первый год, звучат так, словно их писал человек, всего лишь месяц назад женившийся.

Джон Диксон Карр. «Жизнь сэра Артура Конан Дойля»

Что касается самого интимного и, может быть, самого важного аспекта жизни мужчины – его нравственного отношения к женщине, то эпилог к книге доктора Ламонда «Артур Конан Дойль», который моя матушка оставила потомкам, есть сияние чистейшего света, и ни одна женщина, прочитавшая эти строки, написанные на тридцатом году брака, не нуждается в моих пояснениях.

Адриан Конан Дойль. «Истинный Конан Дойль»

Со своей первой женой Луизой Хокинс, от которой писатель имел двоих детей, он прожил почти двадцать один год, до ее смерти от туберкулеза, заботясь лишь об одном – чтобы ненароком не обидеть, нечаянно не уколоть эту стойкую и вместе с тем аскетически покорную женщину. Ее жизнь была катехизисом семейной преданности, каждый день она проживала как последний, стремясь к свету, подобно хрупкому цветку, знающему о своей недолговечности. Их отношения всегда были образцово-нежными, но в них не хватало безудержной страсти, раздувающей пламя любви, подобно мехам в кузнице. Последние тринадцать лет жизни она отчаянно боролась с тяжелой болезнью, но этого не видел никто, даже муж, в силу того что она маскировала свои переживания, артистично представала перед супругом жизнерадостной «половинкой». В течение последних

девяти лет их совместной жизни сам Конан Дойль противостоял иной фатальной болезни – сжигающему пламени любви к другой женщине, пробудившей в нем совсем иные, неведомые до того чувства.

Словно проверяя писателя, судьба вместе со смертью первой жены вручила ему шанс подтвердить способность к несокрушимой любви. И последующие двадцать три года стали доказательством, демонстрацией широты души, чистоты внутренних убеждений и помыслов. Расставанием с любовью, которую он нес в сердце в течение тридцати трех лет, как и общей, итоговой точкой, стала его совершенно безмятежная и, пожалуй, даже счастливая смерть. Это была награда за убеждения, за безупречную честность и порядочность, за безмерный труд. Его женщинам, кажется, не в чем было его упрекнуть; он же был плотно укутан теплой защитной шалью их чарующей любви.

Викторианское воспитание и геральдические символы

Как известно, впечатления детства чаще всего являются самыми сильными и могут влиять на развитие личности в течение всей жизни. Что касается Артура Конан Дойля, появившегося на свет в обедневшей семье ирландских католиков, несказанно гордившихся своими древненорманнскими истоками, символы детства остались для него немеркнущими звездами, мерцавшими нам ним до самого смертного одра. Непрерывные «толкования о великих предках», ощущение потрясающей сосредоточенности своего отца на живописи (идея, доставшаяся по наследству от деда) да зловещий дух нищеты в семье – вот чем было насквозь пропитано пространство обитания старшего из двух мальчиков в этой неординарной семье с незыблемыми принципами. Это то наследство, которое он должен был принять в сердце и, как копье в походе, пронести по жизни. Он с самого детства уяснил, что помощи ждать неоткуда, кроме как от самого себя; он безоговорочно признал родовые принципы в качестве жизненного фундамента и перенял отцовские последовательность и терпение на пути к достижению цели. Это, по-видимому, оказалось едва ли не единственным отцовским наследством.

Мать же неизменно играла ключевую роль на протяжении почти всей жизни Конан Дойля, начиная с того времени, когда она познакомила маленького сына с геральдическими символами. Снабдив его детальными объяснениями связи гербов с историей их рода, мать пробудила в нем живой, не ослабевший с годами

интерес к древним семейным и родовым ценностям, вписанным золотыми буквами в общую историю. Но еще больше она повлияла на формирование в сыне чувства почтения к древним родовым традициям, в которых законы рыцарства, обладая магической силой воздействия на молодых людей, стали точкой отсчета на ценностной системе координат. И хотя это касалось каждого из детей, Артур как старший в глазах матери являлся основным носителем семейной геральдической эстафеты, которую он обязан был передать своим детям. «Когда к нему в руки попали школьные учебники, сыгравшие весьма второстепенную роль в его образовании, он уже с головой ушел во все хитросплетения своей родословной… Ему был привит незыблемый и неумолимый кодекс древнего рыцарства», – утверждает сын писателя Адриан Конан Дойль в разъяснительном труде «Истинный Конан Дойль», подтверждая, среди прочего, могущественное духовное влияние бабушки в части родовой символики и на его собственное становление. Это довольно важное замечание, поскольку сложившаяся в семье атмосфера подтолкнула Артура к самостоятельному развитию знаний об интересующем предмете, а в итоге и к постижению бесчисленного множества книжных формулировок, которые составили основу его острого аналитического ума. Конечно, дело еще и в том, что Артур оказался старшим мальчиком в большой семье, и это определило отношение к нему матери во всем, что касалось формирования интеллекта и системы ценностей. По разумению матери, этот ребенок должен был стать знаменосцем семьи с развивающимся стягом, победоносно реющим для всех остальных. Мать видела его вожаком этой маленькой, воинственной и вместе с тем сплоченной стаи, каждый член которой мог выбирать свой путь, но всегда знал о существовании ведущего и возможности стать ведомым, хотя бы на время переложив ответственность на его плечи. Впрочем, матери удалось создать семейную настойку редкой крепости, замешанную на очень тесных, нежных отношениях между детьми, которые в течение всей жизни не только состояли в теплой переписке, но и считали своим первым долгом поддерживать друг друга. Сказать, что родительская модель построения семьи, как и семейно-родовые традиции в целом, почитались в этой семье – значит ничего не сказать. Семья, род и связанные с этим символы были настоящим культом, которому с благоговением служили сам Артур, его младший брат Иннес и пять сестер. Служили с рвением и верой тех первых христиан, что слышали глас апостолов и были готовы отдать жизнь за верховенство священных принципов. Поэтому не стоит удивляться, например, тому, что младший брат и сестра

могли определенное время жить у Артура, магнитом притягивая к себе порой даже больше внимания гостеприимного хозяина, чем его жена. Вполне естественно, копирование семейных традиций становилось для каждого из подрастающих членов семьи верным предвестником правильной закладки новых семейных зданий. С той, конечно, оговоркой, что традиции должны подкрепляться собственными приемлемыми для семьи чертами характера, прозорливостью относительно избранника или избранницы, да еще добытыми в борьбе ресурсами. Если традиции вливаются в юные души с молоком матери, то все остальное – дело воспитания, влияния окружения и собственного кропотливого труда.

Семья Конан Дойля на любом отрезке его жизни оставалась главной инстанцией во всем, но от нее не исходило скрытого принуждения или откровенного диктата; требование поклоняться всегда относилось только к принципам. Например, незыблемым оставалось на протяжении нескольких поколений отношение к женщине. Забавные истории в связи с этим приводят Джон Диксон Карр и Адриан Конан Дойль. Первый поведал о том, как в купе поезда в Южной Африке во время спора взрослых сыновей писателя Адриан назвал какую-то женщину безобразной и получил от мгновенно вскипевшего от негодования отца жестокую оплеуху. «Запомни, безобразных женщин нет», – орал взбешенный отец, наседая на ошеломленного отпрыска. Во втором случае сам Адриан описал реакцию отца на свое непочтительное отношение к служанке, что Конан Дойль считал гораздо большим грехом, чем, к примеру, разбить автомобиль. И как худшую из подлостей этот рыцарь времен расцвета цивилизации рассматривал предательство принципов. Деньги на автомобиль можно заработать, вернуть же однажды попранное чувство чести невозможно. Свою же репутацию он охранял с истинно английской чопорностью и наверняка предпочел бы скорее умереть, чем потерять ее.

Артур не проявил подлинного интереса к живописи отнюдь не в силу немощи своего интеллекта или из-за отсутствия художественного прозрения; скорее нечеловеческая сосредоточенность отца открыла ему путь к свободному выбору и самостоятельному знакомству с иными способами самовыражения. Ранее, чем он осознал величие создания полотен, друзья-писатели приковали его внимание к литературе. Ничто так не потрясало его в детстве, как бесконечные печатные страницы, с которых чередой сходили к нему великие герои. Книги он боготворил так же, как и семейные ценности, как гербы своего рода, символы культуры, к которой он принадлежал. Биографы

писателя сходятся на том, что поворотным моментом в судьбе Конан Дойля стало знакомство с Эдгаром По, совпавшее со временем учебы в Эдинбургском университете. Вторым стимулом для покорения литературных вершин стало знакомство с загадочным и непостижимым доктором Джозефом Беллом, преподававшим в университете. Методы пристального наблюдения и беспристрастного анализа показались молодому человеку не просто оригинальными, а в чем-то даже революционными. Будучи продуктом викторианского воспитания, он осознавал, что должен сам определить свою судьбу. В этой задаче, что определенно было внушено самой картиной жизни в родительском доме, выделялись два основных пункта: создать условия для достатка своей семьи и построить саму семью, способную не только произвести на свет потомство, но и выйти за рамки обыденности. Как сделали его дед и отец…

Артур Конан Дойль к моменту создания семьи имел очень четкие установки, как это сделать и как именно он будет относиться к своей супруге, матери его детей. Он намеревался создать полноценный слепок семьи своих родителей, стараясь шагнуть дальше и копнуть глубже. Для этого у молодого доктора, выпускника университета были все основания: отсутствие средств, обжигающее честолюбие и непомерная гордость средневекового рыцаря. Все эти качества лучшим образом подтвердились решением (подкрепленным матушкиным благословением) отправиться в нелегкое плавание в качестве корабельного врача, дабы добыть средства и рассеять пелену тумана вокруг своего будущего. Наиболее любопытным штрихом небезопасного морского плавания к берегам Африки являлось то, что решительная мать одобрила рискованное предприятие в тот момент, когда у него появилась девушка; увещевала она и первую возлюбленную Артура, мисс Элмо Уэлден, уверяя, что пару лет ожидания для молодых людей сослужат добрую службу, укрепив чувства. Правда, когда изнуренный «адским климатом» отпрыск уведомил, что намерен зарабатывать средства на жизнь в более цивилизованных местах земного шара, мать проглотила решение старшего сына молча и безропотно. Судьба предлагала Артуру новые решения главной жизненной проблемы – обеспечения существования, – и он, подобно рыцарю, принимал вызов.

В двадцать лет он написал первый рассказ, сделав это не ради продвижения какой-то незаурядной идеи, а с довольно рутинной целью испытать судьбу, испробовать себя на другом поприще. Он возненавидел любую форму зависимости, а то, как жестоко с ним обошлись, когда он взялся подработать ассистентом доктора, навсегда запечатлилось в его памяти. К этому добавилась и не

слишком большая склонность клиентуры к посещениям молодого врача. Но трудности шли на пользу молодому доктору.

Он ожесточался, но не против всего мира, а против лени и безволия, взваливая на свои развитые спортивными упражнениями плечи все больший груз ответственности. Момент истины наступил, когда ему только что исполнилось двадцать четыре: журнал «Корнхилл мэгэзин», наиболее авторитетное в литературном мире издание страны, взялся опубликовать один из рассказов Конан Дойля. Вместе с запахом успеха он почувствовал и сладкий аромат семейного очага и теплого просторного дома, а с ним и долгожданную возможность обретения брачного ложа. Последнее было действительно важным, у повзрослевшего мужчины его вожделение прорывалось в те крайне редкие моменты, когда он позволял себе расслабить мозг алкоголем и поговорить о любви сразу с несколькими девушками в течение одного вечера. Но эти неожиданные откровения молодого доктора важны исключительно для понимания его душевного состояния в то трудное время, потому что во всем остальном он выглядел как туго сжатая пружина; его неподкупный, сугубо рациональный, склонный все просчитывать в любой ситуации на три шага вперед ум не оставлял места эмоциям. Как и у его великого героя Холмса, разум у Конан Дойля являлся абсолютом, владеющим всем; сердце с его неизменными желаниями было полностью подчинено принципам. Девушка его времени, выходя замуж, должна была полагаться на супруга, находиться «за мужем» в полном смысле этого слова, что подразумевает и материальную, и социальную зависимость. И потому для благородного джентльмена, образованного и подготовленного к браку, скудость кошелька составляла серьезную преграду и психологическую проблему, преодолеть которые ему хотелось больше всего на свете. В этой неумолимой фрустрации, хитром обмане судьбы кроется разгадка его женитьбы на Луизе Хокинс – девушке непогрешимой и кристально чистой, как горный источник, которую он на самом деле никогда не любил.

Рыцарь и тихая дева. Рыцарь и дерзкая наездница

Только понимание рыцарского духа Артура Конан Дойля может позволить понять, как он, обретя любовь к одной женщине, оставался верен другой в течение добрых двенадцати лет, отвергнув искушения и развода, и тем более адюльтера. Это был человек, о котором сын спустя много лет с нескрываемой гордостью написал, что «в нем угадывалась железная воля того,

кто не способен ни понять, ни простить малейшего отклонения от кодекса чести, которого он сам придерживался». Постичь систему ценностей писателя необходимо, ибо он именно себе отводил роль капитана на семейном корабле, и его установки всегда оставались незыблемыми для всех членов его семьи. Лишь мать обладала способностью влиять на решения сына, который (биографы не скрывают этого) нередко был несносным, властным и даже злопамятным, с оговоркой – только не в отношении женщин!

Первая жена Артура Конан Дойля, Луиза Хокинс, была замечательной женщиной во всех отношениях. Но на этой безупречной особе самой жизнью была поставлена тяжелая печать обреченности, фатальная отметина скорби, теряющийся в глубинах ее уютной души рубец страдания. Она выросла в чрезвычайно скромных условиях, жила с матерью и безнадежно больным братом, всегда непритязательная, не страшащаяся бытовых неурядиц, последовательная и в любое время готовая прийти на помощь. Она воспринимала удары судьбы как проявления самой жизни, и в ее поступках неизменно проскальзывало неугасимое милосердие, столь притягательное и ангельское, от нее веяло спокойствием и смирением, и от этого сжималась в беспредельной тоске любая, даже самая черствая душа. Ее постоянное психическое напряжение и необычайная впечатлительность, связанные с вынужденным наблюдением жутких сцен медленно умирающего от менингита брата, сделали ее тонкую чувствительную натуру абсолютно покорной обстоятельствам. Хотя она научилась быть жизнерадостной, в ее душе с самых юных лет поселилась безнадежность… Жизнь сделала ее добрым ангелом, призванным альтруистически раздавать другим предназначавшееся ей счастье. Она не имела образования, которое выпячивала аристократическая среда, она не получила изысканного воспитания, основанного на изящных навыках и манерах. Ей претило кокетство и пронизавшее женскую часть общества жеманство, эта женщина была естественна и натуральна, как выросший в лесу цветок. Этой природной свежестью и неподдельностью, отсутствием масок и декораций, упорной жизненностью Луиза и компенсировала пробелы воспитания и образования, делавшие ее в глазах семьи Конан Дойля чужой. Выйдя замуж за молодого образованного врача, она испытала ощущение инопланетянки, приземлившейся на приветливую, но все же чуждую ей планету.

Артур Конан Дойль повстречал Луизу во время последнего акта развернувшейся ужасной драмы: ее брат доживал последние дни, а две женщины подле него – она и ее мать – могли лишь

тихо плакать от бессилия. Ситуацию усугубляло то, что никто не желал сдавать им жилье из-за тяжелых приступов больного. И начинающий практик просто сжалился над ними, поселив у себя. Но жизнь порой расставляет удивительные ловушки: несчастный юноша умер в один из холодных мартовских дней едва ли не сразу после переезда; а уже в начале августа Артур и Луиза обвенчались.

Луиза была покладистой, теплой и душевной, как бы созданной для идеальной семьи, к которой она, как и Артур, имела глубокую внутреннюю предрасположенность. Но ее семейная зрелость вытекала из все той же подслеповатой девичьей покорности, безропотной готовности следовать социальным законам, которые регулируют общественные устои, формируют мораль, управляя в большинстве случаев тайным миром мужчины и женщины. Луиза, маленькая отважная Туи, казалась неприкаянной и прозрачной, как тюль на окне, но в своей духовной блеклости и эмоциональной бескровности такой домашней, такой бархатно-мягкой, что предать ее было просто немыслимо, словно она являлась сошедшим на землю божеством. Абсолютно беззащитная, она, сама нуждающаяся в помощи, отчаянно оберегала мужа от всяческих волнений, стараясь создать для него неземной комфорт. Воспитанная «хорошей девочкой», она превратилась в безукоризненную жену и мать, становясь для семьи тем вышколенным телохранителем, который не задумываясь закроет собой того, кого призван защитить от роковой пули.

Это время совпадает, пожалуй, с самой бурной и разносторонней деятельностью Конан Дойля. Остервенелое постижение истории, бесконечное чтение беллетристики, ни на день не прекращающиеся отчаянные попытки писательской деятельности на фоне набирающей обороты медицинской практики одновременно и истощали его физически, и насыщали душу новыми эмоциями. Когда с публикацией «Этюда в багровых тонах» пришел вполне зримый успех, Артура здорово поддержал его отец: Чарльз Доил по предложению издателей проиллюстрировал произведение. Вместе с этим первым, почти неосознанным признанием начинающий писатель получил еще один подарок – беременность своей Туи и радость ожидания первенца. Артур Конан Дойль становился добропорядочным семьянином с намеком на будущий сногсшибательный успех. Его возраст приближался к тридцати, он был полон сил и энергии и все еще влюблен в свою жену. Жизнь кружила его в обворожительном танце, готовя новые испытания… Неумолимыми тестами на прочность его рыцарских воззрений

стали смертельная болезнь Туи и искристая, нестерпимая, как боль, любовь к другой женщине. На момент роковой встречи ворвавшейся в его жизнь Джин Лекки было двадцать четыре, возраст его самого приближался к отметке тридцать восемь.

В том-то и дело, что Джин абсолютно не походила на покорную серую мышку Туи. Как и сами Дойли, мисс Лекки принадлежала к древнему роду, правда шотландскому. Она обладала всем тем набором манер и талантов, которых так не хватало Туи и которые привлекательную женщину делают лучезарной, неотразимой и неповторимо выразительной. Джин Лекки, казалось, была рождена для того, чтобы блистать. Она отлично музицировала; у нее было даже такое редкое достоинство, как изумительный голос, который она собиралась оттачивать во Флоренции. И при этом девушка бесстрашно выглядела в седле, могла отважно промчаться на лошади, чтобы продемонстрировать свою разностороннюю исключительность. Наконец, ее родители дали дочери не только обеспеченное положение, но и хрестоматийные религиозные правила, которые при всей живости и темпераментности делали ее весьма скованной в маневре, то есть она была прекрасным, активным и свежим продуктом своего времени и походила на солнечный зайчик, отражающий в своих немыслимых прыжках весь волнующийся дух эпохи. К этому стоит добавить, что Джин как раз отвечала ожиданиям матери писателя, что имело чрезвычайную важность для восприятия ситуации самим Конан Дойлем. Ведь именно ободрение матери лежало в основе его стойкого решения любить и, стиснув зубы, продолжать исполнять роль безупречного семьянина. Чтобы поддержать сформированное глубоко внутри решение любимого сына, матушка, посвященная в дилемму Артура, даже пригласила Джин Лекки с ее братом погостить у нее.

Очевидно, что Артур Конан Дойль увлекся девушкой и бесповоротно влюбился в нее вовсе не потому, что Джин Лекки оказалась таким царственно красивым экземпляром представительницы изящного пола. Все и проще и сложнее, ведь вопрос любви всегда оставался проблемой восприятия в пространстве своего зеркального отражения. Как и соотношения собственной личности в данный момент с чувством беспредельной, слабо контролируемой тоски по идеальному образу, весьма близкому к материнскому. Со времени женитьбы Конан Дойля прошло почти двенадцать лет, и за этот период его самоидентификация модифицировалась. Во-первых, изменился его социальный статус: если во время женитьбы он был сомневающимся в себе литератором, то к моменту встречи с

Джин Лекки – признанным в мире писателем детективного жанра, способным совершить в литературе еще немало переворотов. Но судьба неожиданно послала ему Джин Лекки, а сам Артур Конан Дойль перестал опасаться вызывающе дерзкого внутреннего голоса, пугаться ошеломляющих установок. Он подсознательно искал ее, и неважно, как именно ее звали. Бесконечно преданный своей угасающей и почти безжизненной Туи, находящийся в расцвете физических и творческих сил Конан Дойль вдруг столкнулся с почти полной ее противоположностью. Он увидел бурлящую жизнь, сокрушительную динамичность, невыносимый рокот чувств – то же самое, что было в нем самом. Он не поверил своим чувствам, он включил свой отточенный разум, но отпустить обворожительную Джин уже не смел, ибо знал – это его женщина. Та, рядом с которой ему больше никого не хотелось видеть и кроме которой ему больше никто не был нужен. Если упрямый мозг рыцаря твердил ему, что поступать подло он не имеет права, то сердце уже расписалось в бессилии вытеснить новые влекущие ощущения.

Развитие отношений в таком извечно фатальном треугольнике не могло быть простым и безболезненным. С одной стороны, больная туберкулезом жена, уже более трех лет отчаянно сопротивляющаяся смертному приговору, двое подрастающих сыновей, новый дом с его первым кабинетом и растущее признание писателя. С другой – начавшаяся двойная жизнь, устроенная с использованием всевозможных уловок. С одной стороны, яростная борьба за жизнь супруги, переезды в предгорья Альп, смена климата и его вполне искренняя поддержка неунывающей, но тихо гаснущей, как догорающая свеча, Туи. С другой – полулегальные, как бы воровские встречи украдкой и мучительные угрызения совести за эту несносную любовь. Джон Диксон Карр в своем исследовании о Конан Дойле выражает уверенность, что «их взаимная склонность не должна была зайти ни на шаг далее». Сам Артур Конан Дойль позже с пафосом заявил, что вступил в борьбу с дьяволом и «победил». Так ли это?! Луиза заболела через восемь лет после свадьбы, еще три с небольшим года прошло, прежде чем Артур Конан Дойль увидел Джин Лекки. Многочисленные биографы писателя единодушно настаивают на исключительно платонической связи возлюбленных. Попробуем допустить такую форму взаимоотношений двух нашедших друг друга людей, ибо и рыцарские принципы Конан Дойля, и религиозность Джин Лекки способствовали этому, и оба образа при детальном рассмотрении вызывают симпатию.

Есть еще одна психологическая деталь, которую невозможно

не принять во внимание. Дело в том, что при постановке диагноза доктор отвел несчастной Туи всего несколько месяцев. Поэтому мог ли сэр Артур, ведя многолетнюю непримиримую борьбу со смертью, благодаря судьбу за отвоеванные годы (от диагноза до смерти Луизы прошло почти тринадцать лет), мысленно с ужасом не спрашивать себя, близко ли развязка? В нем не могло не присутствовать тайное ожидание, хотя он с истинным благородством, ведя борьбу против темных сил своей собственной природы, старался вытеснить эти ненавистные чувства. Кажется, именно с этой целью он отправился с госпиталем на опасную войну с бурами в далекой Южной Африке. С истовым желанием погасить то возгорающееся, то затухающее пламя пожара внутри своего естества Артур Конан Дойль совершил немало подчеркнуто благородных поступков, которых от него никто особо не ожидал. Они были необходимы лично ему, как кислород задыхающемуся больному, чтобы явственно ощутить себя не мелким предателем, а честным человеком, неспособным идти против своей природы. Более того, такие чувства не могла не испытывать и сама Джин Лекки, ведь и ей было известно о неотвратимо приближающемся конце несчастной Луизы.

«Я старался, – цитирует Джон Диксон Карр письмо Конан Дойля матери, – никогда не доставлять Туи ни минуты горечи, отдавать ей все свое внимание, окружать ее заботой. Удалось ли мне это? Думаю, да. Я очень на это надеюсь, Бог свидетель». Артур Конан Дойль писал эти строки после ухода маленькой несчастной Луизы в небытие, когда самого его мучил тяжелый нервный срыв. И опять в самом ходе мыслей этого выдающегося человека проскальзывает сомнение. Он как никто другой осознавал, что сам виновен в том, что из сострадания и преходящей влюбленности взял в жены блеклую и вместе с тем почти святую женщину. Монахиню, мало подходящую светскому льву, жаждущему парадов и фанфар. Он едва ли не с самого начала совместной жизни ощущал, что рядом с ним не его женщина, что его женитьба была навеяна навязчивой возрастной мыслью о семье и с компенсацией размолвки со своей первой любовью. В глубине души он вынужден был признать, что его великолепный, восхищающий миллионы людей аналитический ум однажды дал роковой сбой, передав решение во власть сердечных порывов и инстинктов. И потому он затеял тяжелую игру в благородство с самим собой, пытаясь скрыть от окружающих отношения с другой женщиной. Но если бы не было Джин Лекки, наверняка появилась бы другая женщина, ибо он подсознательно искал ее – отвечающую трафарету, мысленно

прикладываемому ко всем представительницам противоположного пола, встречаемым на его пути. И кажется, он переживал, потому что его могучий ум нашептывал возможность такого сценария, как и то, что с психологической точки зрения неизлечимая болезнь Туи неслучайна, словно она должна была уйти, посторониться, чтобы дать дорогу ему, его счастью. Именно этот комплекс украденного счастья и мучил его больше, чем если бы его пытали палачи в средневековой камере; забота же о чести семьи, фамилии и прочих атрибутах благородного человека заставляла его действовать сообразно обстоятельствам, то есть камуфлировать и скрывать истинные чувства от всех, и с некоторых пор даже от матери. Ведь к тому моменту он был уже одним из самых известных писателей в мире и знал, что любая темная точка может превратиться в невыводимое пятно на его репутации, сопровождая не только его, но и его детей.

Неразлучная пара

К моменту женитьбы на Джин Лекки Конан Дойль представлял собой зрелого мужчину, точно знавшего, что ему нужно, совершенно ясно осознававшего, какая семья будет его семьей и какая жена будет его «половинкой». Ему было уже сорок восемь лет, за плечами лежала большая часть жизни, но благодаря усвоенным в детстве принципам за этим апологетом рыцарских правил не тянулась мрачная линия двусмысленных поступков, недостойных превосходного гражданина планеты, триумфатора детективного жанра. К моменту легального объединения с Джин он получил все, что когда-то являлось предметом грез в молодые годы: любящую его и любимую им жену, целую когорту детей (дети от Луизы жили с ним, не внося диссонанс в бесконфликтное пространство), большой просторный дом, почти немыслимые ресурсы и самое главное – повсеместное признание. Из интересного аудитории писателя Артур Конан Дойль вырос до авторитетного общественного деятеля, влиявшего на умы целого поколения. Роскошный быт ничуть не тяготил счастливую семью, они не боялись принимать множество гостей, вероятно, чувствуя себя защищенными от недостойного глаза тем томным тягучим десятилетием, когда они уже любили друг друга, но еще не могли позволить себе быть вместе. Только в бильярдной, протянувшейся на всю ширину просторного жилища, обставленного со вкусом его героя из «Затерянного мира», могло танцевать сразу сто пятьдесят пар! Им казалось, что испытание их любви «медными трубами» уже позади, и, очевидно, так оно и

было.

Жизнь продолжалась, и он включился в борьбу за новые высоты в литературе. К удивлению многих этот солидный, уважаемый всеми господин и маститый исследователь возможностей разума весьма активно занимался своим физическим состоянием. Бокс, крикет, верховая езда с женой – вот далеко не полный перечень средств, с помощью которых он намеревался отодвинуть старость. В пятьдесят четыре года он даже выступал в любительских соревнованиях по боксу, заняв третье место. Артур Конан Дойль отдавал себе отчет, что счастливая пара будет оставаться таковой при условии, что каждый из двоих останется воином и своими напряженными усилиями будет каждый день отвоевывать счастье. Он сражался за то, чтобы их совместная жизнь преждевременно не покрылась плесенью обыденности, и отменная физическая форма мужчины, несомненно, играла в этом далеко не последнюю роль. Жена отвечала ему неизменным вниманием, кстати также поддерживая себя в высоком тонусе. Но краеугольным камнем их отношений оставалась ее искренняя глубокая заинтересованность его деятельностью. Он рассказывал жене обо всем, что пишет и о чем собирается писать, и ее участие в круговороте литературных событий являлось вовсе не вынужденным присутствием сторонника, а оживленным диалогом человека, досконально знающего, о чем идет речь. Как и ожидал Артур Конан Дойль, вместе они составляли самодостаточный союз. Им никто не был нужен. Всякий, кто рискнул бы навязаться им в компанию, ощутил бы себя лишним, мешающим их динамичным, порой даже несколько экзальтированным отношениям. Как бы ни была сильна горечь, порожденная уходом Луизы, с Лекки они составляли чудесную пару, которой можно было любоваться на любом отрезке их совместной жизни. Вместе они совершили немало занимательных путешествий, наиболее запоминающимися из которых оказались совместные поездки в Соединенные Штаты Америки, Австралию и Африку. Немаловажным штрихом к портрету семьи может стать упоминание о том, что в двух последних путешествиях его сопровождала не только жена, но и дети.

Стабильность и ровный характер отношений этих двух людей оказались тем более важными, что и ко времени наивысшего пика всемирной писательской славы Артур Конан Дойль не обрел собственной духовной философии. С таким выводом Джона Диксона Карра нельзя не согласиться, ибо, держа в плену своих произведений весь читающий мир, Конан Дойль оперировал совершенными умозаключениями, безупречным построением

сюжетов, сбивающей с ног логикой, но не жизненной концепцией, которую читатель мог бы взять на вооружение. Он не был философом, но шел к этому медленным черепашьим шагом, обнаружив, что в преклонном возрасте стал ярым приверженцем спиритизма. Тут уже Джин продемонстрировала способность оградить мужа от острых языков, не только поддержав его, но и заставив себя поверить в таинство мистических обрядов.

Те, кто знакомился с жизнью этой замечательной семьи, не мог не отметить эмоциональности отношений мужа и жены, их неиссякаемых чувств друг к другу и желания эти чувства проявлять. Чем сложнее оказывались жизненные штормы для всего окружающего мира, чем яростнее бушевали войны и болезни, тем больше внимания они уделяли друг другу. В напряженные, темные для нации дни они превращались в единую сжатую и настороженную силу, предназначенную для поддержки любви и семьи. Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что эти люди научились любить друг друга. Являясь в течение всей жизни неутомимым литературным тружеником, Артур Конан Дойль остался в памяти потомков еще и упорным возделывателем нивы любви, которая одарила его несравненным цветением, потоками успокоительного света и могучим действием космической энергии. До последнего дня отца семейства не покидало ощущение пьянящего счастья, и он ушел из этого мира со счастливой детской улыбкой на устах, подобно младенцу, только пришедшему в мир. До последней секунды его руки находились в руках жены и сына, а последние слова были обращены к неутомимой спутнице жизни, которую он, умирающий, ласково назвал лучшей из сиделок…

Ярослав Мудрый и Ирина

Хочу сначала объявить, что выше всего буду ставить Ярицлейва конунга [князя Ярослава].

Высказывание Ирины, согласно одной из норвежских саг

Брак новгородского князя Ярослава и скандинавской принцессы Ингигерд является не результатом слепого выбора внезапно воспылавших любовью сердец, а следствием цепи могущественных случайностей и ненасытного стремления к власти воителей того времени. Но мужчина и женщина, которым суждено было прожить вместе более тридцати лет, настолько четко выкристаллизовали свои миссии, настолько тонко прониклись взаимодополняющей силой своего неожиданного союза, что, кажется, сумели зажечь огонь любви, пронеся его сквозь толщу бушующего времени, наполненного опасностями войны и подспудными вызовами мнимого спокойствия. Спустя века весьма сложно воссоздать точные оттенки взаимоотношений, но, возможно, нюансы не так важны: разве есть большая разница для замерзающего в том, что согреет его – жар потрескивающего костра или мягкое тепло искусственного камина? Не стоит сомневаться в том, что сходное миропонимание оказалось отражением княжеского воспитания обоих. Вместе Ярослав и Ирина прожили долгую, богатую событиями и испытаниями жизнь; смерть-разлучница забрала сначала Ирину, а через три или четыре года простился с миром и Ярослав Мудрый. Возможно, пыль столетий скрывает негативные стороны отношений этой пары. Не исключено, что их «счастливый брак» является преувеличением склонных к гиперболизации летописцев, но то, что семейный корабль киевского князя и высокородной представительницы шведского двора удачно скользил по волнам времени, не вызывает никакого сомнения. Как и то, что «эластичность» взаимоотношений Ярослава Мудрого и Ирины достойна пристального внимания всех тех, кто искренне стремится обрести семейную гармонию.

Продукты средневекового княжеского воспитания

Формирование мировоззрения Ярослава происходило в двусмысленных и даже крайне неблагоприятных для юной психики условиях. Похоже, что мировоззренческий код, объясняющий мотивацию многих нестандартных поступков князя, следует искать в отношениях его родителей, вернее, в глубинных противоречиях между ними. Его мать Рогнеда в юности была безжалостно и цинично изнасилована его отцом за отказ выйти за него замуж и за то, что назвала его «робичичем», то есть сыном рабыни (Владимир был сыном князя Святослава и Малуши – девочки, оставленной княгиней Ольгой в живых после расправы над коростянским мятежным князем Малом). Мрачную картину психического зверства довершил тот факт, что надругался завоеватель над своей будущей женой на глазах у ее родителей, убитых после этого с жестокостью средневекового язычника. Ярослав не мог не знать этого эпизода из жизни своих родителей, а сопровождавшее всю последующую жизнь матери сосредоточенное и удручающее спокойствие, казалось, являлось отпечатком неутолимой жажды мщения. И в более поздних отношениях родителей не было и тени романтики. Матери отводилась роль дикой плененной кошки, которую впускают в дом только для того, чтобы, насладившись игрой с нею, снова отправить восвояси, в клетку. Отец казался ему похожим на льва, царя зверей, раздающего как блага, так и наказания в зависимости от своего переменчивого настроения. Скорее всего, Эдипов комплекс гигантской разрушительной силы сотрясал динамично развивающийся разум Ярослава, подобно тому как землетрясение проверяет землю на прочность. Но наряду с тайным желанием вступиться за мать маленькое сердце разрывал на части ужас перед гневом отца-чудовища, казавшегося всесильным. Следствием тяжелых, как кошмарные сны, ощущений опасности и бессилия пред ним маленького беззащитного ребенка стала приглушенность его собственного «я» и неуверенность в собственных силах. Из всего многочисленного потомства Владимира и Рогнеды Ярослав дольше всех находился при матери, и, надо полагать, женская акцентуация в нем присутствовала несоизмеримо больше, чем в братьях. Привязавшись к матери сильнее остальных, он вышел в мир более нежным и, возможно, мягкотелым. Причина этого кроется и в доставшейся ему от судьбы удручающей хромоте, из-за которой его долго не начинали обучать воинским премудростям. В то время когда трех-четырехлетние сверстники Ярослава объезжали лошадей и готовились к посвящению в воины, физически слабый мальчик все еще находился в исключительно женском окружении. Но по этой же причине он приобрел опыт общения с

противоположным полом. Близость к матери и сестрам, их заботливость и опека научили его быть внимательным и чутким к окружающему миру, относиться к женщинам с терпимостью и пониманием; отсюда и его глубокая братская привязанность к сестре Предславе, которая впоследствии спасла князю жизнь. Он определенно не желал, да и не мог походить на отца, казавшегося слишком свирепым и не в меру разнузданным. Все, что он делал в будущем как мужчина, являлось борьбой между тайным желанием копировать отца и неприязнью к нему. Поиск собственного «я» протекал под давлением принципов кочевых завоевателей с доминирующим образом родителя и жаждой новых форм мужественности, к которым он никак не мог приобщиться самостоятельно.

Но так же явно проявлялась в натуре Ярослава и оборотная сторона: не в силах полагаться на физическую мощь, но нося в сердце острый шип передавшейся от матери жажды мести, он должен был делать ставку на гибкость ума и своей стратегии, на умение ждать своего часа. Женщины научили его недурному актерскому мастерству, позже он обратит его в животворящее искусство дипломатии. Как у многих физически слабых людей, испытавших насмешки в детском возрасте, у Ярослава появилось стремление расправляться с обидчиками любыми способами. Наряду с нежностью к женщинам он невольно развил в себе скрытую жестокость и тайную ненависть к сильным мужчинам, до которых ему было тяжело дотянуться. Поэтому злопамятность на долгие годы стала компенсацией мягкости его несколько женоподобной натуры.

Какие уроки через годы мог вынести из происшедшего Ярослав, появившийся на свет много позже этих событий? Как минимум – что отношения его матери и отца не только далеко не идеальны, но и противоестественны. Он узнал, что боль, рождающаяся в браке из-за черствости, толстокожести и похотливости мужчины, перерастает в ответную ненависть женщины. Запечатлевшийся в сознании образ несчастной, оскорбленной матери, изгнанный брат, небезынтересное совопоставление поведения отца до и после крещения привели его к новому пониманию действительности, и в том числе к переосмыслению роли семейно-родового фактора. Он понял, что отношения с женой следует строить по совсем иному принципу: истинная подруга должна оставаться не только обожаемой избранницей на ложе, но и верным союзником в серьезных делах. Кроме того, Ярослав наверняка уяснил, что далеко не всякую задачу можно решить прямым применением силы – порой гораздо правильнее будет использовать тайные рычаги влияния и скрытые

механизмы борьбы.

Многоцветную палитру отношения Ярослава к отцу дополнило решение последнего после принятия христианства официально оставить всех прежних жен и жить по новым религиозным законам с единственной супругой – византийской царевной Анной. Надо сказать, это окончательно добило Рогнеду, которая с горькой обидой в сердце ушла в монастырь, где вскоре, всеми забытая, и умерла. Эти события произвели жуткое впечатление на Ярослава: до беспамятства любя мать и, кажется, считая родного отца ее косвенным убийцей, он в своих мысленных проекциях страстно желал избежать такой роли и не желал такой судьбы множеству разобщенных детей, рожденных Владимиру разными женщинами. Кажется, еще одной тайной страстью Ярослава стало неугасимое желание наказать отца, которому он, тем не менее, выказывал абсолютную покорность. Для осуществления своих замыслов княжичу еще следовало стать князем. Но крещение отца продемонстрировало и роль религии, усмиряющую и успокоительную для души мытаря. Не ускользнуло от Ярослава и то, что христианство благотворно отразилось на отношении его отца к семье и детям. Молодой Ярослав явственно почувствовал сдерживающую роль христианских канонов, которую он будет чрезвычайно активно использовать в непримиримой борьбе за нравственность.

Являясь одним из старших сыновей Владимира, Ярослав воспитывался как будущий правитель и государственный деятель. Свой первый управленческий опыт молодой князь получил в Ростове. Подтверждением удачного выполнения отцовского наказа управлять княжеством и, по всей видимости, свидетельством покладистости и покорности по отношению к родителю может рассматриваться решение великого князя доверить Ярославу, по смерти старшего сына Вышеслава, ключевой форпост державы – Новгород. Отсюда, из северного бастиона Киевской Руси, берет начало история отношений Ярослава с Ириной-Ингигерд. Но ей предшествовала цепь важных событий. Так, за год до смерти великого князя Владимира Ярослав все же взбунтовался против отца, прекратив отсьшать дань из Новгорода в столицу. Расчетливый и крайне осторожный князь остался верен себе: вступать в открытое сражение лишь при уверенности в перевесе сил и при благоприятных обстоятельствах.

Мир, окружавший в детские годы шведскую принцессу Ингигерд, будущую Ирину, во многом был схож с миром Ярослава: та же роскошь палат, те же многочисленные слуги и те же нескончаемые интриги, ощущение неусыпно следящих глаз,

заставляющее быть всегда настороже и руководствоваться только расчетом. Как и молодость Ярослава, годы превращения маленькой девочки в напористую и отважную девушку стали временем последовательного обучения: надо было научиться умело играть свою роль, искусно нося маску подруги властителя. Ее определенно готовили стать женой воителя и государственного деятеля; это значит, что с детских лет в жизни Ингигерд присутствовало постоянное внушение. С молоком матери она впитывала догмы: быть верной подругой, хранить домашний очаг, выносить и произвести на свет здоровое потомство, способное развить и защитить дело рода – самое благородное и важное дело для женщины. Это были первейшие и наиболее действенные установки, как клинья вошедшие в формирующийся разум девочки. Иного сценария для будущей женщины просто не предусматривалось.

Но в то же время эта девушка приобрела знания, далеко выходящие за рамки стандартного средневекового образования среднестатистической женщины, пусть даже и принцессы. Например, она в совершенстве владела искусством врачевания, что не раз потом демонстрировала на Руси. Кроме того, в случае с Ингигерд важно отметить, что она до замужества получила обжигающую и двусмысленную возможность ощутить себя товаром. Эдакой дорогой вещью, за которую предприимчивые мужчины намереваются выменять нечто, перевешивающее на чаше весов ее саму. Это осознание в будущем станет основой для ревизии отношения к самой себе, отправной точкой проявления духовной силы, ищущей выход из зоны ложных представлений о женщине-человеке. Потом новая Ирина-Ингигерд сумеет родиться из снедающего ее несогласия с ролью самки, предназначенной только для продления рода. Она всю жизнь будет тихо, но внятно доказывать, что настоящая женщина – это нечто другое. Но это произойдет не так скоро; в годы расцвета тревожной юности она могла лишь задавать себе вопросы, не имевшие ответа. Ее собирались выдать за одного претендента, но в результате изменившихся политических обстоятельств выдали за другого. С одной стороны, не лишенная кокетства дочь конунга Олафа Эйриксона почувствовала свою привлекательность (коль взять ее в жены стремятся сразу двое влиятельных правителей), с другой – осознала ничтожность своего реального положения: красивой игрушки в руках непостоянных мужчин. Предназначаясь кому-либо из князей, усиливая политические или экономические позиции одного и ослабляя другого, она могла заботиться лишь об одном: быть еще более привлекательным товаром в глазах покупателей. В том случае, если она выходила замуж за князя

Ярослава, Олаф Шведский извлекал двойную выгоду: политическую – укрепление южных границ и обретение в лице Ярослава внушительного по мощи союзника – и экономическую – получение Ладоги. Как во все времена, все покупалось и продавалось. Причем дочь тут была разменной монетой, о чем она хорошо была осведомлена. Наученная с детства не противиться патриархальному укладу, она старалась лишь влиять на лучший выбор родителя.

Естественно, сам Ярослав мог в то время лишь догадываться о характере той, кого собирался взять в жены. Загнанный сводным братом и его польским покровителем в угол, он, кажется, понял, что ощущает затравленная крыса: она или бросится в последнем прыжке, неся смерть хотя бы одному из охотников, или все-таки отыщет нору. К чести Ярослава, он вышел из тупиковой ситуации достойно. Хотя новгородскому князю, находящемуся на краю гибели, было не до сохранения маски респектабельности, два поспешных посольства к Олафу Шведскому были блестящим ходом, совершенным с безупречной дипломатической виртуозностью. Дело в том, что Ингигерд к моменту сватовства Ярослава, по сообщению Снорри Стурлусона, автора саги «В круге земном», уже «была обещана» королю Норвегии Олафу Харальдссону, который находился в перманентном межличностном конфликте с отцом невесты. Неизвестно, больше ли выгод посулил шведскому конунгу Ярослав или решение породниться с «конунгом из Гардарики» (князем Киевской Руси) стало результатом мимолетных эмоций, но фортуна повернулась лицом к новгородскому князю. Алексей Карпов уверен в исключительно политических причинах такого решения, поскольку отец Ингигерд «не желал признавать власть своего тезки над теми областями Норвегии, которые прежде подчинялись ему и с которых он исправно получал подати». Итак, из клубка политических интриг Ярослав выпестовал совершенно новое положение новгородского предводителя, предусматривавшее и помощь скандинавов, и более высокий социальный статус в глазах братьев-соправителей в Древней Руси.

Но вернемся к девушке по имени Ингигерд, получившей на Руси при крещении новое имя – Ирина. В ее нестандартном характере явно имелись определенные особенности, зерна смутной самостоятельности и необычайной уверенности, словно занесенные на Русь северным скандинавским ветром, который издавна воспитывал стойких викингов. В своем неуемном стремлении стать лучшим товаром Ингигерд явно перегибала палку: не всякая невеста того времени с легкостью решится на эмоциональный шантаж будущего мужа. Но она обладала более

крутым нравом и напоминала строптивую необъезженную лошадку, как бы в противовес слишком покорным славянкам. И надо признать, что скандинавские девушки того времени действительно казались характернее и колоритнее славянок; возможно, их порывов не сковывала религиозность, уже охватившая славянские земли. Стоит лишь вспомнить историю одного из сыновей самого Ярослава, который при сватовстве в Скандинавии был безжалостно сожжен вместе со своею свитою другой шведской принцессой. Так или иначе, Ингигерд отлично знала себе цену и ничуть не стеснялась тех, кто добивался ее руки. К тому же шведская принцесса чем-то неуловимо напоминала Рогнеду: возможно, была такой же яростной и непримиримой в борьбе, как и мать Ярослава, вызывая этим сходством тайную симпатию у мужа-чужака.

А вот сам Ярослав мало чем походил на отца Ингигерд: болезненный и посрамленный, он в тот момент больше сам нуждался в опеке, чем излучал манящий свет бога войны. Не то, что бравый красавчик Олаф! Впрочем, приглядевшись, Ингигерд могла бы увидеть в избравшем ее мужчине другой блеск – холодной рассудительности, беспощадной мстительности, вызванной ранним осознанием своего неизлечимого недуга, да завидной последовательности. Позже девушка смогла убедиться, что ее муж способен этими качествами с лихвой компенсировать пробелы в образе непобедимого воина. Ярослав был парадоксален и поэтому непредсказуем, что делало его опасным для конкурентов. Хотя неизвестно, с какого момента он стал казаться интересным своей жене. Ко времени впервые испытанного материнства? К моменту, когда она ощутила себя с ним как за каменной стеной, в противовес драме побежденного Олафа? Или такого момента и не было, просто она по-женски приглушила в себе гордыню, убив скандинавскую спесь? И все-таки время и все, что мы о них сегодня знаем, подтвердило: они были счастливы в своем умиротворенном спокойствии, распространившемся волной стабильности по всему создаваемому великому государству.

Какую роль играла молодая жена при неуверенном и слабо приспособленном к военной жизни Ярославе? Исландская королевская сага «Гнилая кожа» повествует о «княгине Ингигерд» как о женщине, которая «была мудрее всех женщин и хороша собой». При оценке молодой княгини нельзя обойти стороной любопытное сообщение саг – о том, что после решения высшего совета шведских правителей (тинга) выдать девушку за Олафа Харальдссона новоявленная невеста отослала жениху в подарок «шелковый плащ с золотым шитьем и серебряный пояс». Подобных подарков Ярославу она уже не делала. Хотя нет

никаких летописных сведений об отношении девушки к новому жениху, кажется, оно явно было иным, нежели к Олафу. Норвежец казался ближе по духу, мужественнее и красивее, к тому же обладал ярким ореолом грозного воина. Он был блистательным объединителем норвежских земель, тогда как Ярослав был в то время всего лишь проигравшим схватку неудачником, хрупким и даже женоподобным, да еще и хромым. Для молодой девушки, руководствующейся визуальными представлениями об избраннике, Олаф выглядел явно привлекательнее сомнительного чужеземца, дело которого ей предстояло поддержать и очаг которого сделать теплым. Это, к слову, косвенно подтверждается еще одним сообщением саг: о том, что сестра Ингигерд, Астрид, тайком сбежала к Олафу Харальдссону и вышла за него замуж. Правда, другие древние источники отмечают, что два враждующих Олафа все же договорились о дружбе, а формальный статус Астрид был ниже статуса Ингигерд.

Но что бы ни чувствовала девушка, воля судьбы в лице отца делала семейную жизнь с Ярославом неизбежной необходимостью, неотвратимым роком, ношей, которую предстояло взвалить на плечи и нести, хотя бы для того, чтобы выполнить волю отца. Ее учили быть хорошей подругой и верной женой, поэтому установка, заложенная в ней едва ли не на генетическом уровне, должна была действовать как магнит, концентрируя в верном направлении все ее желания и побуждения. Кроме того, разве у нее, средневековой женщины, был выбор?! Выбор состоял лишь в том, что она могла стать хорошей женой или оказаться несостоятельной и ожидать неминуемой замены. Выбор был, конечно, и в том, отстраниться ли от чуждого ей и малопривлекательного мужчины или принять его целиком, помочь, вывести на орбиту власти.

Выразительность взаимодополняющих форм

Общеизвестно, что неуверенные в себе мужчины чувствуют себя уязвимыми в обществе уверенных женщин. Но есть категория уверенных женщин, способных направить свой могучий потенциал на укрепление личности мужчины, находящегося рядом; именно такая оказалась подле князя Ярослава, прозванного молвой не Сильным, не Свирепым, не Доблестным, а Мудрым. История всякий раз, говоря о правителях, намеревается сгладить их слабости путем переноса внимания на сильные стороны личности.

Несмотря на традиционную гиперболизацию саг, кажется

очевидным, что Ирина-Ингигерд явно не ограничивалась ролью смиренной жены, предназначенной для производства потомства и утоления амурных страстей мужа. Во-первых, она с самого начала выторговала для себя возможность иметь при себе смелого воителя с высоким статусом – Регнвальда Ульвссона, который прибыл в Новгород с большим военным отрядом норманнов. Во-вторых, она, особенно первое время, чувствовала незримое присутствие отца и особую историческую роль скандинавов в судьбе Киевской Руси. Чувство военного превосходства скандинавов вкупе со смешанной обидой за неожиданно измененный сценарий жизни предопределил некоторые шероховатости в отношениях молодоженов. Впрочем, красочные детали таковых сообщают скандинавские саги, написанные через столетие после смерти героев, что дало основание современным историкам считать натянутые отношения мужа и жены всего лишь выдумкой летописцев. Гораздо важнее другое: если обе поверхности и оказались неровными, то притирка произошла довольно быстро, а роль Ирины уже в первых военных кампаниях Ярослава оказалась более чем заметной. Вряд ли отсутствие взаимопонимания между мужем и женой вдохновило бы ее на столь решительные и ответственные шаги. Например, те же саги в сопровождении многочисленных подробностей сообщают о том, как княгиня Ирина намеревалась решить исход ссоры внутри лагеря Ярослава – между князем и главой наемников Эймундом. В итоге Эймунд решил оставить лагерь Ярослава и перейти на сторону воевавшего с ним сводного брата Брячислава. Княгиня не устрашилась организовать встречу-засаду для Эймунда, приехав лично в сопровождении своего телохранителя Регнвальда Ульвссона. Лишь проворство да случай позволили Эймунду уйти живым. Этот эпизод отражает истинные отношения между Ярославом и Ириной; в то время они уже не только действовали как одна команда, единое целое, но и Ирина, защищая семью, пренебрегла своими сородичами, без всякого сомнения встав на сторону мужа.

Далее скандинавские летописи живописно повествуют о странном пленении княгини перед главной схваткой с хитрым, как лиса, Брячиславом. В итоге воинственная и артистичная княгиня сумела противопоставить неизбежному кровопролитию спасительные переговоры и привести враждующих братьев ко вполне приемлемому компромиссному миру. Хотя у историков есть серьезные основания сомневаться в этих колоритных сообщениях, насыщенных повторениями о мудрых поступках Ирины, тем не менее нельзя не согласиться с одним: молодая княгиня оказалась отважной спутницей своего мужа и бесстрашно

принимала участие в военных кампаниях, явно не довольствуясь ролью «обозной жены». Если даже десятая часть летописных сообщений соответствует действительности, она показала завидную проницательность и поистине феноменальные для женщины того времени дипломатические способности. Несложно предположить, почему Ирина-Ингигерд оказалась непосредственно вовлеченной в военную кампанию. И она, и сопровождавшие Ярослава иностранные наемники осознавали слабость новгородского князя, недавно потерпевшего сокрушительное поражение. Скандинавские политические игроки были заинтересованы в возвышении Ярослава не меньше его самого, ведь они сделали на него ставку. Но ключевым вопросом стало соответствие личностей правителей тем событиям, которые оказались для них вызовом. Ирина в первых военных кампаниях сыграла роль самого важного близкого человека, способного вселить незыблемую веру в победу, дать князю недостающую ему невозмутимость полководца и предусмотрительность государственного деятеля теперь уже не местного, а регионального масштаба. Кажется, и сам Ярослав по-иному взглянул на молодую жену, с восхищением отметив те ее качества, которые ранее были скрыты от него. Жестокая и опасная война сблизила мужчину и женщину, создав ореол святости и гипнотизирующей неприступности закаленного огнем союза, семьи, готовящейся к исполнению своей миссии.

Ярославу жизнь с детства казалась наполненной смертельными опасностями, и он боролся за свое место среди живых, опираясь на небывалую даже для князя последовательность и волю. Это выражалось в том числе в преодолении ужасной боли, возникавшей из-за хромоты, что с возрастом переросло в настоящее противостояние с болезнью. Ирина оказалась импульсивной и страстной; жизнь в ней долго клокотала горячим гейзером, силы которого хватало на двоих. С детских лет привыкшая обитать на просторе, с юношеских – влиять на выбор мужчин, не испытывая недостатка в предложениях, Ирина сумела навязать Ярославу свое представление о семье и роли в ней женщины. Князь принял предложение, ибо, добровольно отказываясь от абсолютного, чисто мужского (в духе времени) доминирования над женщиной, он обретал искреннюю поддержку и неиссякаемую силу женской заботы. И не исключено, что такой подход помог ему избежать повторения в семье роли своего отца, которая ему опостылела еще в годы становления.

«Был муж тот праведен и тих, хотя в заповедях Божиих…» – писал о Ярославе Мудром летописец Нестор. Конечно,

несомненная правота заложена в непринятии такой оценки автором современного крупнейшего исследования жизни князя Алексеем Карповым и прямым указанием на организацию Ярославом «длительной и кровопролитной борьбы». Не раз демонстрировал Ярослав-полководец и малодушие, оказываясь в роли побежденного. Но правда и в том, что Ярослав Мудрый менялся в процессе жизни, и в этих изменениях семейно-родовой символ, наряду с религиозным, оставался доминирующим на всем пространстве действия. Его жизнь – это путь борца, искренне желавшего изменить себя, искореняя душевные и физические слабости и изменить мир вокруг себя. Именно поэтому, решив главную проблему – выживания и безопасности, – он сумел сосредоточиться на созидательных целях. Роль же в этом процессе преобразования личности славянского лидера его жены видится бесспорной и выдающейся. Ее талант состоял в том, чтобы свои лучшие качества, прежде всего духовную силу и отвагу, направить на помощь другу, чувствовавшему провалы в структуре своей личности и явно нуждавшемуся в поддержке.

В процессе движения семейной ладьи по вечной реке истории Ирина показала пленявшую современников гибкость натуры. Материнство привнесло в жизнь княгини ту стабильность, которая со временем преобразовалась в покоряющую смысловую наполненность жизни и подарила сочность красок бытия. Воинственность молодой княгини сменилась ясным осознанием своей новой роли: выказывая неусыпное внимание к воспитанию потомства, она символизировала укрепление государственности. Тепло семейного очага великого князя распространялось на всю территорию Киевской Руси, словно призывая всеобщую благодать и спокойствие. Ирина, без сомнения, прониклась христианской верой, излучая, подобно пчелиной матке, свет и энергию праведной жизни, которые служили для всех сограждан питательным нектаром. Если мужчина намеревался укрепить государство, произвести реформы, создать материализованные символы духовности в виде новых храмов, школ, вызывающей восхищение библиотеки, то наполнить их пониманием ценности и придать им оттенок неотвратимых перемен способна только женщина – своей благообразной покорностью, смешанной с тайным азартом, виртуозным исполнением роли жрицы, воплощением божественного обаяния. Ее активность была сродни всюду проникающим гипнотическим парам, наполняющим пространство ароматом неземной праведности. Восхищаясь христианскими ценностями как высшими достижениями культуры, Ирина без всякого сомнения отдалась вере, превратившись со временем в ее искреннего апологета. Это

придало ее облику очарование, а самому браку – совершенство, которого не хватало в начале их совместного пути. Илларион, прославляя семейство, называет ее «благоверной», подчеркивая ее безукоризненное соблюдение православной веры. Последнее становилось неотъемлемой частью развития глубокой славянской духовности, эмоциональной проникновенности и тонких ощущений, причисляемых к национальным особенностям славян. Проистекая от мудрой Ольги, с пониманием подхваченная проницательной Ириной, а затем развитая одухотворенными женщинами Руси, религиозная глубина, без тени позерства и игры, стала почти необходимой частью возвышенного естества славянских женщин. Неистребимая, не портящаяся под воздействием мимолетной моды или легковесных веяний инородных культур, эта частичка женской природы до сих пор безоговорочно ценится европейскими мужчинами.

Сказание о семейном строительстве

Опыт древности в формировании семейных традиций, хотя некоторым это может показаться забавным, на самом деле является не только полезным, но и весьма поучительным. Если говорить непосредственно о семье Ярослава и Ирины, несомненным остается их безукоризненное следование патриархальным традициям. Но путь Ярослава тут совершенно не похож на путь его отца Владимира. Болезненному и ущемленному в детстве Ярославу в память врезались заложенные его отцом проблемы во взаимоотношениях братьев, рожденных от разных матерей и не считающих себя связанными кровными узами. Братоубийственная война за киевский престол, которую он сам пережил, тяготила его христианское миропонимание; поэтому он создавал семейный клан с четкой, признаваемой всеми законами иерархией. И место жены в создании этой цельной системы становилось ключевым, определяющим и непоколебимым. Наряду с вопросом личных, интимных отношений Ярослава и Ирины их поведение заметно корректировали военно-политические и экономические факторы – Ярослав постоянно заботился о том, чтобы его сыновья направляли свою энергию на укрепление государства, а не на внутренние усобицы. На смертном одре князь особо подчеркнул, что сыновья должны жить в мире и оказывать друг другу помощь, потому что они – «братья, единого отца и матери». Ярослав еще раз продемонстрировал, что его модель была наполнена дыханием веры, пронизана ощущением супружеского единства и никак не связана с ненавистной ему

семейной моделью собственного отца.

Семейная модель Ярослава и Ирины сформировалась под влиянием двух взаимодействующих особенностей. Во-первых, проекции Ярославом на собственную семью тех отношений, которых не было у его родителей, его бессознательного, но довольно устойчивого желания компенсировать на отношении к своей жене неосуществленную, нереализованную любовь отца к матери. А во-вторых, прослеживающейся в поступках Ирины прочной связи с отцом, благоприятствующей безоговорочному принятию патриархального мира и роли женщины в нем. По части создания впечатляющих декораций в виде импульсивных и порой крайне смелых поступков Ирине не было равных среди современниц, и, пожалуй, только мягкая женская акцентуация Ярослава могла способствовать созданию уютного для них двоих климата. Скажем, будь на месте Ярослава его отец Владимир с ярко выраженным стремлением к доминированию, неизбежное подавление Ирины привело бы к негативно наэлектризованной атмосфере напряженного и, скорее всего, безрадостного сосуществования. Кроме того, обретя потомство, а также ощущая себя хозяином громадных земель, а значит, и патриархальным распорядителем всего заключенного в рамки государства, в том числе судеб сыновей и дочерей, Ярослав достроил собственный мужской психотип, укрепил те его места, которые могли в экстремальных условиях обнажить очевидные слабости несовершенного мужчины. Многочисленные династические браки и перетасовка колоды европейских правителей придали образу Ярослава харизму настоящего колдуна, распространившего власть едва ли не на половину цивилизованного мира, что существенно сгладило память о том худосочном, подавленном поражением жестяном князьке, отчаянно искавшем поддержки у заморских друзей. Ирине стало вполне уютно находиться в тени мужа и влиятельного в Европе потомства. Впрочем, ей было чем гордиться: в преобразовании князя Ярослава ее заслуга была наиболее весомой после его собственного желания измениться.

Ирина не только оставалась последовательной и верной подругой в сладостные минуты побед, но и всякий раз помогала мужу пережить горечь поражений, которых на его долю выпало все же больше, чем побед. Отважная, как амазонка, она всегда была рядом, наполняя сомневающегося Ярослава уверенностью в силе и справедливости начинаний, вселяя в него новую энергию. Воздействие Ирины носило далеко не только характер психотерапии. Одним из наглядных эпизодов стало ее поведение после полного поражения дружин Ярослава в борьбе с братом Мстиславом, сидевшим в Чернигове. Летописцы обращают

внимание на любопытную деталь: исход боя решила личная храбрость князя Мстислава, тогда как вследствие яростного натиска Ярослав и его коллега по оружию, предводитель варягов Якун, первыми постыдно бежали с поля боя. Ирина с мужественным спокойствием пережила позор мужа на поле брани. Она успокоила его и, вселив веру в новую победу, помогла собрать войско, причем привлекла для этой цели и воинов своего старого покровителя Регнвальда, управлявшего в то время Ладогой. К счастью для воинов, кровопролития удалось избежать: Ярослав был действительно непревзойденным дипломатом и не зря получил прозвище Мудрого. С братом они договорились об условиях княжения: Ярослав остался в Киеве, Мстислав – в Чернигове. Случай, определенно типичный для отношений князя и княгини; исповедуя известное разделение ролей, Ирина следовала за ситуацией, поступала сообразно обстоятельствам, не считая зазорным выходить на поле мужской деятельности, когда мужу угрожала опасность, превращаясь из женщины-жены в женщину-мать.

И Ярослав, по всей видимости, искренне полюбил жену. Совместная жизнь оказалась насыщенной множеством проверок надежности партнерши, и князь мог не раз убедиться, что в лице Ирины судьба преподнесла ему самый лучший подарок из всех, на которые он мог рассчитывать, с той оговоркой, конечно, что сделать жену союзницей, подругой и соучастницей ему удалось собственными усилиями. Но и достигнув величия, Ярослав Мудрый не разучился выказывать благодарность своей жене. Время подтвердило, что оба были достойны друг друга. Князю, проникшемуся духовными ценностями, также были чужды черты грубого воителя; этот образ как нельзя лучше соответствовал роли почтенного главы семейства и державы. Он был чуток к жене и детям, но относился к Ирине без того налета опасения, что присутствовал у императора Августа по отношению к Ливии. В нем не было и цинично-снисходительной черствости Чингисхана, с которой многоженец относился к своей «главной» жене Бортэ. Постепенно растущая в нем духовность, подкрепленная негативными воспоминаниями об ужасных отношениях отца и матери, позволила отказаться от мысли о второсортности женщины. Если для Владимира Рогнеда оставалась привлекательной и темпераментной самкой, Ирина для Ярослава была прежде всего безупречной подругой и отзывчивой спутницей на суровой тропе жизни. Окутывающее, как шаль, обаяние ее духовности сделало его сильным правителем, позволило верно расставить акценты в развитии государственности, взяться за развитие интеллектуальной составляющей своего народа.

Конечно, он самолично принимал все решения, блистал великолепием авторитетного властителя, мужа и отца благородного семейства, но его легендарная сила духа незаметно, но постоянно поддерживалась скромно стоящей рядом женщиной. Только он знал об этом и ценил эту величественную роль дорогого его сердцу человека. Словно в подтверждение своих чувств Ярослав Мудрый посвятил своей жене обитель умиротворения, специально построив в ее честь монастырь святой Ирины. В честь же своего небесного покровителя князь велел рядом возвести монастырь святого Георгия – в крещении сам Ярослав назывался Георгием. Два храма, два вместилища высокой духовности, играли роль священных символов, оставленных потомкам, предметно свидетельствующих и напоминающих о существовавшей возвышенной связи мужчины и женщины, красиво прошедших общий для двоих путь. Отблеск этого огня учил его сыновей новому отношению к женщине, отличному от языческого.

В чем все-таки главный секрет успеха взаимоотношений этой пары, в которой при глубинном исследовании можно было бы наверняка обнаружить и множество несоответствий? Наверное, если бы такой брак имел место в XX или XXI веке, его состоятельность была бы более чем сомнительной. И не столько вследствие усилившейся свободы женщины и уменьшившейся патриархальной власти мужчины, сколько в силу тающего желания людей приспосабливаться к ситуации, ослабленного умения руководить жизнью вокруг себя. Поэтому история Ярослава и Ирины многим не показалась бы сейчас впечатляющей, как какая-нибудь легенда о страстной любви. Но успех сомневающегося в себе новгородского князя и решительной шведки в том и состоит, что единственно возможный путь по лезвию истины ими был пройден без крови на обнаженных стопах, без стона и с неугасимым желанием оставить свой след на песке вечности. Торжество пары проявилось в таланте каждого с блеском сыграть доставшуюся ему роль, сосредоточив при этом максимальные усилия на заполнении пропущенных букв в словах «любовь», «уважение» и «счастливый союз». Пространство сомнения посредством труда и взаимного стремления к семейной гармони стало пространством понимания; область тумана и облачности превратилась в место, где всегда можно купаться в лучах теплого солнца. В конце концов роли оказались правильно разделенными: Ярослав взялся за укрепление нравственных устоев на славянских землях, используя могучую силу религии и административный ресурс государства; Ирина приняла на свои плечи бремя ответственности за потомство. При этом Ирина

сумела убедить мужа, что жизнь жены-затворницы в княжем тереме лишена для нее смысла; и через много лет после свадьбы она принимала участие в решении вопросов государственной важности, присутствуя если не на официальных переговорах, то на доверительных беседах, в ходе которых и принимались судьбоносные решения. Летописи указывают, что, к примеру, выдавая замуж свою дочь Елизавету за норвежского конунга Харальда Смелого, Ярослав и Ирина имели с ним долгий разговор по душам, в ходе которого учили, как строить внешнеполитическую деятельность и как обойтись без лишнего кровопролития с другими, также близкими ко двору Ярослава, правителями.

Шесть сыновей и несколько дочерей – таков итог их семейной жизни. Вполне естественно, что годы не проходили без следа, оставляя трогательно-печальные отпечатки. Уже через десять лет после приезда на Русь природная красота Ирины померкла. Тот самый Олаф Харальдссон, некогда претендовавший на право создать с «прекрасноокой» Ингигерд семейный очаг, находясь в изгнании, провел некоторое время при дворе Ярослава и не удержался от оценки изменившейся внешности своей бывшей возлюбленной: «Некогда росло великолепное дерево, во всякое время года свежезеленое и с цветами, как знала дружина ярлов; теперь листва дерева быстро поблекла в Гардах». Но как саги приукрашивали действительность, так и субъективные летописцы могли искажать происходящее. Ведь если Ирина, родившая к тому времени троих или даже четверых сыновей, потеряла свою магическую привлекательность, почему тогда в тех же сагах историки находят утверждения о сохранившейся любви между нею и Олафом, об интенсивной переписке и обмене «драгоценностями и верными людьми». Скорее, дело совсем в ином. За десять лет, которые Ирина провела подле Ярослава, произошла полная смена ролей. Если из победителя Олаф превратился в несчастного изгнанника, изгоя, лишенного былого величия, власти и любви, то некогда тщедушный Ярослав был на пути создания великого государства, окруженный сыновьями и дочерьми. Кажется, произошла и трансформация восприятия, психологический перелом в трактовке действительности самими участниками событий: из неуверенного и забитого, борющегося за выживание князька Ярослав не без влияния собственной жены превратился в преуспевающего, великодушного и могущественного правителя, и самой Ирине было чем гордиться. Поэтому боль сожаления незадачливого Олафа направлена не на женщину, которая по понятиям того периода была успешной, а на себя самого.

Во власти киевского князя было возвысить семью как первичную ячейку государства, и он решился на это, научив потомков сознательно превращать семью в крепость. Во власти Ирины было «лепить» лучшие качества своего мужчины, изгоняя бесов из глубин плотоядного мужского воображения; и она также блестяще справилась со своей задачей. Как кажется, опыт Ярослава и Ирины более всего интересен парам, зашедшим в тупик, так как он свидетельствует о том, что блеск семейного счастья возникает при стремлении его увидеть и ощутить тепло родного человека. Как в несчастных семьях не бывает одного виновного, так и в счастливых только двое могут создать счастье. Пример семьи князя Ярослава Мудрого и скандинавской принцессы Ингигерд – частный, но поучительный случай, рассказывающий о том, как разум побеждает эмоции и распространяет свою несокрушимую власть на всю область человеческого восприятия.

Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар

Я герой длинной истории со счастливым концом. Ты самая совершенная, самая умная, самая лучшая и самая страстная. Ты не только моя жизнь, но и единственный искренний в ней человек.

Жан Поль Сартр

Мы открыли особенный тип взаимоотношений со всей его свободой, близостью и открытостью.

Симона де Бовуар

Он – выдающийся философ, безжалостно терзавший склонные к рутине головы и доносивший свои идеи посредством литературы; она – признанная писательница, мужественный апологет новой женской идеологии XX века. Оба – самодостаточные, целеустремленные, пламенные, обаятельные и… невыносимые. Оба изрядно потрепали изнеженную мораль, известив о приходе в мир новой, возможно, не идеальной для развития человека философии, но привлекательной формы бытия без ограничений, основанной на неслыханных претензиях на свободу. В действительности этот в высшей степени парадоксальный союз никогда не мог бы претендовать на определение «счастливый». Если бы не несколько «но».

Эпицентр незаурядных желаний

Понятие «отец» для Сартра всю жизнь оставалось зоной повышенной тревожности. Человек, который принял участие в зачатии новой жизни, умер еще до того, как малыш начал воспринимать его. «Бабушка постоянно твердила, что он [отец] уклонился от исполнения долга» – это навязчивое впечатление детства преследовало Сартра как тень, и он всегда, в течение всей жизни видел за собой этот призрак, твердивший о родительском отступничестве. Именно в этом противоречивом отношении к

отцу следует искать причину его собственного отказа от отцовства. Не смерть отца и тот факт, что он никогда не видел своего родителя, а безжалостная и в чем-то даже циничная интерпретация этого события довела юное создание до вулканического потрясения и надлома души. «Хороших отцов не бывает – таков закон; мужчины тут ни при чем – прогнили узы отцовства», – написал Сартр в зрелом возрасте. Он признавал только величественные поступки, опуститься же до «подлого отцовства» было бы невыносимо, пошло и слишком напоминало бы обывателя. Слишком напоминало бы отца, на которого он не желал походить даже глубинной сутью своих устремлений. Помешанный на любви, любви к кому-то, а больше всех – к себе, он с юных лет видел в себе героя, настраивался на волну подвига, вырабатывал в себе если не презрение, то едкую иронию ко всему сущему. И для того были все основания.

Основания эти дала мать. Для матери он был всем; кроме сына, для нее больше ничего не существовало. Живя за счет своих родителей, она смогла исполнить лишь одну, правда, очень важную для ребенка, функцию – излучать слепую и вездесущую любовь. В этом состояла драматическая парадигма отношений внутри семьи деда. Появившись на свет в среде «христианского благочестия», мальчик в то же время столкнулся с ужасами двойных стандартов – чудовище, порожденное общественной моралью, постоянно становилось на его пути к матери, редуцируя любовь, ослабляя стремление к почитанию человека, давшего ему жизнь. Тихое и последовательное подавление матери ее родителями – его дедушкой и бабушкой, – как бы в наказание за отсутствие отца, оказалось самым жестоким противоречием детства, из которого он вынес несколько устойчивых убеждений. Первое состояло в бессознательной боязни отцовства, отвержении его как такового, вытеснении стремления к продолжению рода; второе – в богохульном вампирическом поглощении любви. С первых лет жизни мальчик, который чуть было не умер при рождении (что заставило его мать еще больше трястись над ним), стал одновременно локатором и солнечной батареей, безошибочно отыскивая эпицентры любви и впитывая ее тепло до тех пор, пока источник не истощался. Этот вампиризм поддерживал Сартра в течение всей жизни. И безапелляционное суждение о матери – «призвана служить мне» – свидетельствует как о самозабвенной материнской любви и об отсутствии у ребенка конкурентов, так и о врожденном эгоизме. Маленький Жан Поль рос обласканным, и его не выпускали из объятий. Вообще в воспитательном процессе преобладали свобода и ободрение. По собственному признанию мыслителя, «в

рукоплесканьях недостатка не было».

Но если его боготворили мать, дед с бабушкой, другие родственники, то отношение окружающих к его матери было совсем иным. Сквозь недомолвки и иносказание взрослых малыш улавливал пренебрежение и неодобрение, вызываемое общей оценкой избранной этой женщиной роли. Его обостренное восприятие этой роли сквозь призму еще более старшего, почтенного и поучающего поколения сблизило его с собственной матерью, но отдалило от любой другой женщины-матери. Хищническое отношение к женщине родилось у Сартра именно из желания компенсировать, противопоставить выпяченного, вывернутого наизнанку себя, «человека без комплексов», без проблемной и ущербной матери. Определение матери как «девственницы, проживающей под надзором у всей семьи», употребляемое Сартром в автобиографических «Словах», говорит о том, что он отделил ее от всего остального мира женщин, придал статус обособленного, неприкосновенного объекта, несхожего со всеми остальными и прекрасного в своей инфантильной, блаженной наивности. Она осталась для Сартра мученицей («даже в гости ее не отпускали одну»), заключенной в воображаемый монастырь, святой.

Если бы в жизни Жана Поля не существовало деда, его воспитание по женскому типу могло иметь противоречивые, а может быть, и далеко не самые лучшие последствия; дед же передал мальчику крепкое мужское начало, корни которого уходили глубоко в духовно-интеллектуальное миропонимание, наполненное музыкой, литературой и обязательной мыслительной деятельностью. «Дед меня обожал – это видели все», – с гордостью сообщал Жан Поль много лет спустя. Внутри семьи, построенной на жестких патриархальных принципах, это имело особое значение. Дед, в самом деле, был личностью незаурядной: ловко орудующий филологическими формулировками эстет, Шарль Швейцер является автором много лет переиздаваемого учебника и открывателем для внука пленительного мира книг. Любопытно, что он приходился к тому же двоюродным дядей знаменитому философу Альберту Швейцеру. Хотя сам Сартр отмечал, что поспешное исчезновение отца наградило его «весьма ослабленным Эдиповым комплексом: никаких «сверх-Я» и вдобавок ни малейшей агрессивности», дед, заменивший ему конкурентную среду сверстников, своими точными замечаниями и уколами сумел вызвать в мальчике желание самовыразиться ярко, по-взрослому, сокрушая окружающих своим величием. Дед позволил ощутить пьянящий вкус чтения, но он же и породил недоверие к именам; авторитеты

и фавориты спустились с небес, стали достижимыми и близкими. Дед дал насладиться мальчику «писательством», но именно он помог осознать, что не всякое писание может привести к успеху. Этот человек посеял в мальчике зерна противоречий и сомнений, которые, прорастая, заставляли его продолжительное время размышлять над жизненными целями и возможными точками приложения усилий.

А что же его спутница? Какие принципы подтолкнули ее в бездонную пропасть его ничем не сдерживаемого сознания? Если Жан Поль был единственным в семье, то Симона оказалась первым ребенком в интеллигентной семье парижского адвоката. Появившиеся вслед за ней дети как бы подпирали ее, намекая, что в недалеком будущем она первая будет вытеснена из семейного кокона наружу, ей первой придется продемонстрировать остальным, как и где искать счастья. Родная мать казалась ей прежде всего бедной и обманутой женщиной, загубившей себя в бескрайнем хозяйстве, потонувшей в сонмище нескончаемых детских проблем. Она не желала для себя такой судьбы, слишком горькой, глупой и двусмысленной казалась ей такая роль. Позже, призывая женщин жить для себя, она писала, видя перед глазами свою мать: «…день за днем она моет посуду, вытирает пыль, чинит белье, но на следующий день посуда будет опять грязная, комнаты – пыльные, белье – рваное…» Нет, Симона никогда не смирится со сценарием жизни матери, никогда не позволит себе превратиться в механическую, заведенную невидимым ключом куклу. Размеренность и добропорядочность семейной жизни рано начала ее раздражать – она усматривала в роли жены и матери отказ от своего «я», уничтожение свободы и желаний в угоду утвержденным обществом принципам. Удручающая перспектива стать домохозяйкой рано заставила ее задуматься о выходе из этого тупика. В то же время она должна была позаботиться о том, чтобы противопоставить угрозе социального отторжения нечто весомое, такой статус, с которым будут считаться. Например, стать писателем, ученым, вообще законодателем общественных принципов, человеком, создающим и утверждающим новые правила для общества. Симона, рано познавшая прелесть самостоятельности и не без иронии оценившая свою способность играть для младших роль родителя, получила устойчивую мотивацию к приобретению знаний, получению образования. Упругая, как стальная пружина, она сосредоточилась на учебе, видя в дипломе спасательный круг.

Откуда взялись у нее такие силы и такая уверенность в себе?! Тайна скрывается во взаимоотношениях с отцом. Случилось то, что нередко происходит, когда отец ждет мальчика, а первой

рождается девочка. Истовая энергия ожидания вылилась в страстную и удивительно активную деятельность воспитателя. В итоге девочка стала обладательницей многих мальчишеских черт, которые, правда, не помешали ей всю жизнь оставаться женственной и очаровательной. Она не была красавицей, но создавала успешный образ благодаря умению всегда выделиться, быть не похожей на других, не такой, как все, предстать перед окружающими в таком парадоксальном виде, чтобы у них отнялся дар речи. В жизни эти причудливые формы самовыражения выльются в обет безбрачия, связь с чудаковатым Сартром, лесбийскую любовь, секс втроем, практически полный отказ от материальных ценностей, наконец, богемно-бесстрашный образ жизни. Но главное, конечно, в ее литературе, пронизанной утонченной и вместе с тем пронзающей, как шпага, философией. В общем, все то, что представляет ценность для обывателя, автоматически становится ей чуждо. Взамен она должна найти и находит достойную замену, новый фетиш, с нахальным бесстрастием внедряемый в массовое сознание под видом извлеченной из океанских глубин ценности.

Симона шла вперед настолько самоотречение, не замечая окружающего мира, что незаметно для себя слишком сильно оторвалась от сверстниц. И не только от сверстниц – от женщин вообще; сама того не осознавая, она одной ногой уже ступила на мужское поле, теряя женские ориентиры. Бесчисленные книги, нескончаемые занятия, ночные бдения над учебниками – как будто она готовила себя к какой-то ожесточенной борьбе. Оказалось: выкристаллизовывала миссию. Она довела свой разум до точки кипения, уже испытывая первые признаки разочарования от общения с поверхностными сверстниками. Неизвестно, чем бы она закончила, если бы на ее жизненном пути не встретился Жан Поль Сартр – такой же отрешенный искатель способов обратить на себя внимание и научить чему-либо весь мир.

Когда они встретились, то являли собой сознательно вытесненные из своих семей и из своего общества элементы. Сартр не чувствовал в себе будущего отца и семьянина в классическом понимании этого слова, потому что не знал о роли отца, а идеальный образ мужчины накладывался у него на контуры деда-ментора, отвергающего авторитеты и вещающего обо всем тоном апостола. Мать дала понять сыну, что образ деда для него вполне достижим, а его снисходительное отношение к женщинам вполне оправданно. Хотя сама она сумела выйти замуж во второй раз, похоже, что отчима Сартр не воспринимал всерьез или уже было слишком поздно менять сформированное в детстве мировоззрение. Симона же игнорировала и даже

полностью не принимала роли своей собственной матери на фоне отчетливого осознания своей внутренней силы – результата любви и ободрения отца.

Их взгляды на окружающий мир оказались очень схожими, они помогали им смотреть в одну сторону и откровенно поверять друг другу свои ощущения. Оба они к моменту встречи были уже достаточно сильны, чтобы бросать вызов общественным нормам. Более того, каждый из них втайне желал такого вызова, готовясь на его платформе построить свою жизненную стратегию. Оба были психологически подготовлены к новой форме взаимоотношений с противоположным полом, фактически задолго до встречи создав в своем воображении революционный суррогат семьи, который впоследствии провозгласили новым культурным символом эпохи и с какой-то нелепой воинственностью защищали в течение всей жизни. В этой антисемейной позе проскальзывала и искренность собаки, лающей на незваного пришельца, и ирония авантюриста, карточного игрока, глядящего на мир сквозь призму своих алчных надежд.

Итак, Симона и Жан Поль уже была заражены жаждой творчества, желанием излучать непривычный для глаза современника блеск, были готовы отказаться от типичного жизненного сценария. Любопытно, что и Сартр, и Симона де Бовуар в течение всей жизни использовали любую возможность – от общественно-политических акций до автобиографических произведений – для того, чтобы создать свой совместный образ, рождающийся из отдельных фрагментов мужского и женского. И наряду с этим в них всегда жила неутоленная жажда самосовершенствования, желание отточить мастерство и выплеснуть наружу созревшую ментальную силу. Эти импульсы были общими для обоих, поэтому и объединили их; в стремлении к звездности даже любовная страсть оказалась на втором месте. Они обрели друг друга.

За пределами привычного восприятия

К моменту сближения у них был один общий момент в мировоззрении: оба напрочь отвергали родительскую роль. Когда они впервые встретились, Сартр был на пороге выхода из последнего учебного заведения, Симона уже два года жила самостоятельно после того, как объявила семье о намерении строить свою судьбу собственным, только ей известным способом. Они оказались очень подходящими друг другу собеседниками,

причем слишком похожие принципы вызвали особое удивление каждого, как будто они писались невидимой рукой под копирку. «Сартр реализовывал тот тип личности, который станет его героем, объектом его размышлений, во многом его открытием и который, в свою очередь, был характернейшим продуктом XX века, эпохи «смерти Бога», утраченной стабильности и разрушенной веры» – так весьма точно определял жизненную установку философа русский ученый, профессор МГУ Л. Г. Андреев. Сама Симона определила Жана Поля для себя как «товарища по душе», подчеркивая тем самым первичность духовного, интеллектуального объединения.

Любопытно, что и он и она долго колебались между литературой и философией; и хотя они отвели литературе высшую ступеньку на иерархической лестнице, все же звездность обрели как раз благодаря оригинальной философии. Этот нюанс крайне важен, поскольку во многом объясняет их неразрывную связь и сохранение духовной верности друг другу. Есть ощущение, что, окажись Сартр верен своей избраннице, она поддержала бы его и никогда не выходила бы за рамки отношений внутри пары. Но патологическое стремление Сартра к полигамной модели бытия и навязало ей этот непривычный формат взаимоотношений, утвердило его как самоцель, как вызов обществу и культурным ценностям уходящей эпохи. Пожалуй, Симоне просто не оставалось иного выхода, как только принять предлагаемую модель. В этом принятии был тот самый притягательный резонанс, оттенок приторного скандала, который возвышал ее до заоблачного ранга революционерки на баррикаде, возведенной против общественной морали.

Они вели себя довольно странно, часто шокируя окружающих и, вполне вероятно, намеренно задевая журналистов. Постоянно встречались, но предпочитали разные номера в гостинице, – может быть, чтобы лишний раз не докучать друг другу и, не дай бог, не надоесть. Совместный утренний кофе, долгие прогулки, приправленные философией и литературой, пьянящие вечера в местах, где собирались все те, кто причислял себя к особой породе творческой интеллигенции, способной презреть всяческие устои, любые преграды для свободы. Постель Сартра нередко служила пристанищем для особой категории девиц, которые утверждали, что ищут экстравагантных эротических наслаждений, но на самом деле пребывали в поисках своей любви. Какое-то время Сартр и Симона не брезговали появляться на публике в присутствии какой-нибудь юной особы женского пола, намекая на постельные отношения втроем или даже подчеркивая их. Что стояло за этим сексуальным цинизмом?!

Прежде всего желание Сартра продемонстрировать бунт против общества, несомненно с целью привлечь больше внимания к своим произведениям и своей социальной роли в обществе. Кроме того, исполнение запредельных желаний и, главное, явно намеренная демонстрация этого наделяли писателя-философа особым статусом, придавали оттенок новизны проповедуемой философии свободы. Ведь, в конце концов, о свободе говорили все философы на протяжении обозримой истории человечества, причем каждый из них показывал свое собственное измерение свободы. Даже лукавство было не новым, поэтому использование эротизма как механизма, как универсального оружия, как современной высокоточной технологии позволило Сартру возбудить в публике любопытство. И удивить ее тем, что очевидный порок может трактоваться если не как добродетель, то как утвержденная норма. Особая форма сексуальных отношений, переставших быть интимными и демонстрируемых Сартром широкой публике, как ароматные пирожки домашней выпечки, стала для аудитории ловушкой. А что там у этого чудака Сартра за его чертовски привлекательной вывеской? И даже те читатели, которые потом безнадежно тонули в глубинном философствовании Сартра или с трудом переваривали его литературные воззрения, по меньшей мере знали о его существовании. Его фигура становилась все более заметной, его популярность росла неуклонно, являясь едва ли не продолжением чрезвычайной для современников эпатажности.

Что касается восприятия Симоной внебрачных отношений своего вечного спутника, то ее демонстративный отказ от монополии на любимого мужчину связан с вынужденным принятием его правил. Принятием правил она подчеркивала силу Сартра и, таким образом, получала возможность вести свою собственную игру с аудиторией. Женщина проглотила свою душевную боль, окунувшись в философскую литературу. И тут-то марсианские отношения с Сартром сыграли свою положительную роль: сначала ее воспринимали как пишущую подругу Сартра, затем – как самостоятельную литературную фигуру, умеющую завлечь в бездну своих впечатлений.

Сознательно изгнанный из плодоносного сада их отношений, эротизм дал немало поводов для кривотолков и обвинений их обоих в неискренности. Эти обвинения, конечно, больше касались Симоны, которая порой действительно терзалась, но старалась выстоять, опираясь на силу воли. Идея свободы внутри пары была возведена в абсолют, свобода стала важнейшей ценностью, и на алтарь этой ценности были принесены подсознательные желания человека-собственника. И свобода, как это ни странно, стала той

защитной оболочкой, предохраняющей пленкой, которая всегда присутствует у пары, способной пройти долгий жизненный путь рука об руку. Ни любовный психоз Сартра, ни притуплённое восприятие любви-эротизма внутри пары, ни экзальтированность пассий мыслителя не разрушили их духовного ядра, созданного однажды по обоюдному желанию. Любвеобильные красотки, жеманные студентки, из любопытства идущие на связь с известным писателем-философом, могли утолить его сексуальную жажду и придать необычный оттенок его позе, но они абсолютно не годились для серьезных взаимоотношений, с ними невозможно было что-либо обсуждать. А ведь литература, самовыражение для Сартра оставались главными, и тут Симоне не было равных, и их взаимная откровенность, приправленная комментариями о природе вещей, которую они могли видеть глазами противоположного пола, становилась важным ингредиентом творчества каждого. Вовсе не случайно Сартр после десяти лет совместной жизни с Симоной адресовал своей вечной возлюбленной строки, подчеркивающие ее интеллект, который он ставил выше ее исконно женских качеств: «Ты самая совершенная, самая умная, самая лучшая и самая страстная. Ты не только моя жизнь, но и единственный искренний в ней человек».

Не менее удивительным, чисто философским было отношение у этой экстравагантной пары к быту. Они отказались от многого, считая, что мнимые ценности отвлекают от цели, ущемляют свободу и сдерживают развитие личности. Преподаватели-литераторы демонстративно ничего не приобретали, предпочитая холодно-суровый быт дешевых гостиниц домашнему уюту. Говоря о Сартре, очевидцы твердили о потрепанной рубашке и вечно стоптанных башмаках. Симона, правда, сохраняла элегантность и вкус, появляясь на людях в строгих и темных тонах, изящно оживленных воздушно-белыми элементами. Принятие за основу духовной концепции, отказ от любых иных привязанностей стал еще одним зонтиком от жизненной непогоды, позволяющим сосредоточиться на главном. Показательно, что роман «Тошнота» Сартр посвятил Симоне, как бы говоря особым языком причастных к вечности, что только с нею он связывает свое духовное будущее. Симона умела заботиться о себе и выглядеть обаятельной и соблазнительной. Ольга Казакевич, одна из эротических муз, воспламенявших мужское естество Сартра, отмечала способность Симоны умело пользоваться макияжем.

«Для меня наши отношения – нечто драгоценное, нечто держащее в напряжении, в то же время светлое и легкое», – однажды призналась Симона Сартру. Как философы и

психоаналитики по призванию, они прекрасно осознавали, какие вызовы любви бросает время. Поэтому отказ от признания брака, демонстративная пропаганда полигамии и частые разлуки можно считать частью их необычной, но на редкость согласованной реакции на эти вызовы. Они не желали оказаться застигнутыми врасплох скукой и привыканием друг к другу; жажда смены ипостасей, изменения облика при сохранении философского стержня – вот что поддерживало их интерес друг к другу на протяжении достаточно долгой совместной жизни. Эти двое отделили мир интимных переживаний каждого, как бы вынесли его за скобки своей формулы любви. Где-то это откровение можно рассматривать как искреннюю попытку избежать фальши в отношениях.

Они создали вокруг себя особую обстановку, вызывающую и непонятную остальному большинству и в то же время окруженную неприступными валами и рвами из их собственных убеждений. Это и была их общая оболочка, которая позволяла им выглядеть эффектно, развязывала руки каждому и в то же время оставляла место для духовного совершенствования, давала возможность продолжать поиск истины. И если бы не это последнее, их подход мог бы казаться пустым и ненужным позерством, отдающим нехорошим душком, фарсом. Но позерство – явление преходящее, а их союз выдержал испытание временем. Чуждые друг другу люди рано или поздно выкажут это своими поступками, а они сумели обогатить друг друга и стимулировать творческие изыскания. И что весьма показательно, каждый из них сохранил свой собственный путь, а с ним – и собственную индивидуальность, яркие краски которой подчеркивали неповторимый портрет пары. Выступая духовной подругой Сартра, Симона, строго говоря, не являлась его помощницей. В этом была и ее сила, и слабость одновременно. Сила, потому что это позволило максимально выразиться в литературе и философии ей самой, а слабость потому, что такой формат указывал если не на соперничество символов, выдвигаемых каждым, то на отказ от полной эмпатии, от полного проникновения друг в друга.

Симона утверждала, что разум Сартра постоянно находился «в состоянии тревоги», но и ее мысли искали все большего простора, часто натыкаясь на невидимое, словно из стекла, препятствие – несмотря на кажущуюся полную свободу, Симона нередко обнаруживала себя в некой сдерживающей емкости, за пределы которой выскользнуть было невозможно. Прикрываясь карьерой писательницы-философа, она металась между двумя полюсами себя: между женщиной, жаждущей быть покоренной, и

женщиной, парящей над всеми в облаках, сотканных из собственных истин. Победила вторая, а истины заменили ей детей. Ее жажда самоактуализации порой напоминала жуткую вивисекцию. Симона де Бовуар оставила целых четыре автобиографических творения, в которых даже названия «Мемуары *хорошо воспитанной* девушки», «Воспоминания *прилежной* дочери» выдают непреклонного археолога собственных ощущений. Еще больше откровений в программном произведении *«Второй* пол», ставшем манифестом набирающего обороты феминизма. Находясь в глубоких шахтах своей души, она на время обретала покой, чтобы уже в следующее мгновение выскользнуть и взмыть в небо. Там ее ждал Сартр, близкий и недостижимый, родной и ускользающий, но все-таки единственный собеседник, способный своим обширным интеллектом охватить весь спектр переживаний своей спутницы. Так она и прожила жизнь, находясь между своей горделивой самодостаточностью и тайным сверлящим желанием быть обласканной и потерянной в объятиях любимого человека. И то и другое оказалось строго дозированным, как в аптечном рецепте, но этого хватало для периодического ощущения счастья. Почти хватало, потому что кому как не Симоне де Бовуар было знать, что истинные оазисы счастья возникают лишь на иссушенных пустыней землях тоски и мытарства.

Главным доказательством неспособности жить жизнью, под которой большинство людей понимает обычное семейное счастье, стал сознательный отказ Симоны уехать навсегда с Нельсоном Алгреном в Соединенные Штаты Америки. Кажется, что прими эта женщина предложение влюбленного в нее мужчины, она действительно получила бы шанс купаться в вечной пыльце беспробудного счастья, но тогда навеки уснула бы томящаяся и разрывающаяся на части Симона, не осталось бы больше творца, исчезла бы страстная похитительница чужих душ. И она прекрасно понимала свои перспективы, очень хорошо рассчитывая свои возможности. Она сознательно выбрала щекочущую и разрывающую ее воспаленное воображение боль, предпочтя ее умиротворенно-возвышенному созерцанию жизни. Может быть, именно в этой боли усматривала она единственную возможность испытать радость всепоглощающего экстаза творчества, стоящего в системе ценностей несоизмеримо выше чувственных ощущений.

В чем истинная причина отказа Симоны от семьи? Сартр?! Пожалуй, нет. Она сама. Симона вела переписку с человеком, в которого, как ей казалось, была влюблена почти двадцать лет. Изданные через десятилетие после ее прощания с миром письма-

откровения были призваны шокировать всех тех, кто верил в ее великий союз с Сартром. Легко называть друга словами «любимый», «мой муж», будучи разделенной с ним океаном, совсем иное – преодолеть фазу безумной страсти и окунуться в повседневную семейную жизнь. И Симона де Бовуар хорошо это осознавала, она была не готова к роли жены с общепринятыми полоролевыми функциями и всем остальным, что этим связано. В одной из своих статей – о маркизе де Саде – она позволила себе следующую фразу: «Жена не была для него врагом, но, как все жены, она воплощала в себе добровольную жертву и сообщницу». На роль сообщницы-заговорщицы, свободной и сильной, она уже согласилась, причем исполняла ее отменно, а вот роль жертвы – не ее роль. Симона была готова мечтать и тайно всхлипывать о другом семейном счастье, но поменять уже увековеченные отношения с Сартром было выше ее сил. Сартр не посягал на ее свободу, лишь «колол» ее своими любовными связями, и она попробовала встать на его место. С одной стороны, Нельсон Алгрен, как всякий неоригинальный мужчина, жаждал монопольно обладать ею. С другой, став жертвой, она не приобретала нового сообщника: этот мужчина не собирался сокрушать и удивлять мир, у него не было намерений утверждать альтернативные моральные ценности. Но дело даже не в риске, что муж стал бы ей скучен. Она здорово попалась в расставленную своими же произведениями ловушку. Если бы она вышла замуж, Симона де Бовуар – модный философ нового времени, незаурядная писательница, в высшей степени эпатажная личность – перестала бы существовать, тотчас потеряла бы доверие миллионов поклонников. Величайший в истории образ был бы разрушен, как ветхое здание, попавшее под удар беспощадной молнии. Она бы расписалась в негодности всего того, что так отчаянно проповедовала, она должна была забыть о блеске личности, интеллекта и довольствоваться воспитанием детей – тем, что она всегда презирала. Социальная роль матери была ей чужда, а единственным мужчиной, поощрявший это странное для женщины желание бездетности, при этом любя ее, был Сартр. Замужество сразу сделало бы Симону заурядной, и неизвестно, одарило бы ее счастьем или нет. Нет, роман с Нельсоном Алгреном лишь укрепил Симону в мысли, что ее единственно возможная миссия – быть со своим стареющим, потрепанным, маленьким Сартром, с его брюшком, слепотой и могучим разумом.

Она в течение своей жизни много раз могла убедиться, что современный мир дал мужчине несколько большие возможности для маневра. Потому заметила однажды: «Самый заурядный

мужчина чувствует себя полубогом в сравнении с женщиной». Эти слова, написанные Симоной, во многом проясняют ее жизненную философию. В этом самоуничижении и самоподавлении прорывается наружу и боль познания тайных истин, и желание найти способ противостояния. Отсюда проистекает убивание Симоной в себе женщины-собственницы, показное пренебрежение эротизмом как вторичной сферой отношений на фоне растущего в ней философа. Философия Симоны де Бовуар является прежде всего попыткой обзавестись кольчугой от мужского, полигамного представления о мире. Она еще в юности приобрела для себя черепаший панцирь – так, казалось, удобнее вещать миру о своих опасных для пуританского общества принципах, считая себя неуязвимой и недостижимой. Она научилась своими острыми формулировками вспарывать действительность, как рыбье брюхо, не брезгуя и не опасаясь брызг крови. Вид рваных внутренностей никогда не вызывал у нее тошноты, – она жаждала проникнуть в самую глубь истин, рискуя даже целостностью собственной личности.

Снедали ли ее муки ревности?! И да и нет. Да, потому что, отвергая роль единственной и принадлежащей только одному мужчине самки, вырывая из своей души собственницу, она не могла преодолеть женского моногамного стремления к одним-единственным объятиям, к одному родному запаху. И нет, потому что она безраздельно владела душой партнера.

Культ свободы, или Счастье наизнанку

Сартр и Симона научили себя понимать друг друга, они взялись за игру, в которой разрешены все ходы. Их счастье жизни состояло исключительно в сходном миропонимании, хотя порой воля становилась на защиту разума и насильно сохраняла однажды утвержденные принципы. Лишь ноющая от боли душа, словно защемленная закрывающейся дверью, способна понять разницу между данными на словах клятвами и реальными ощущениями от увиденного вместо лица затылка партнера. Но два отверженных человека, определивших себе место в стороне от общества и как бы парящих над ним, научились преодолевать эту боль осознанно, убеждая себя в том, что эротика изначально отделена от любви. Счастьем для них стало самоубеждение в правильности своей новой формулировки взаимоотношений мужчины и женщины, убежденность, которую им же самим удалось вынести не без усилий, не без самогипноза. Конечно, тяжелее было Симоне, то и дело сталкивавшейся с фактором

мужской полигамной чувственности, противопоставить которой иной раз было нечего, кроме своей воинственной неженской воли, кроме завоевательного интеллекта, возвращающего Сартра-мужчину к Сартру-философу, отвращающего от любвеобильных красоток, ибо философ в нем всякий раз занимал главенствующее место. Но погружение Сартра в телесные ощущения, как бы ни старалась Симона убедить себя в ничтожности физиологии в сравнении с духовным, всегда оставались занозами в ее собственной душе. Ведь она хорошо осознавала, что секс имеет свою философию и что ее счастье состоит в том, что женщины, дарящие ее другу чувственные наслаждения плоти, неспособны насытить его душу. Лишь она ведала этой обширной зоной личного, закрытым от всех тяжелым сейфом, лишь у нее был ключ от его беспредельного духовного мира, и она могла этим гордиться, несмотря на публичное признание второсортности женщины в обществе. Но и в ней самой философ, после долгих метаний и сомнений, все-таки победил, и это выразилось в отказе от «счастливого» брака с Нельсоном Алгреном. В решении Симоны проскальзывает мазохизм, аскетическое подавление желания в пользу принципов. Это была окончательная победа разума над чувственностью, воли над комфортным для женщины ощущением принадлежности кому-то. Желание захватить всю свободу мира оказалась сильнее приятных оков супружества. Пара, прошедшая через такое испытание, могла гордиться: колдовское зелье самовнушения одержало победу, новый эликсир счастья был найден! Но не оказалась ли эта победа искусственной иллюзией самомнения, сотканной из воздушной паутины? Этого не знает никто.

Со временем взгляды Сартра несколько трансформировались. В этом присутствовала своя логика. Во-первых, с возрастом появлялось все меньше надобности в амурных похождениях. В откровенном письме Симоне он даже признался, что «ощущает себя мерзавцем» за свои легкомысленные связи. И хотя даже в шестьдесят лет в его сумбурной жизни было легковесное приключение с семнадцатилетней алжирской девочкой (в конце концов удочеренной), это скорее была борьба плоти с угасанием, и к этой борьбе его спутница жизни относилась с известным снисхождением. Во-вторых, он становился тяжеловеснее, серьезнее и мудрее и все больше места в жизни отводил философии. Эта область принадлежала исключительно Симоне, здесь она властвовала безраздельно, без конкурентов. В-третьих, пришла долгожданная слава. Были шумные, переполненные людьми залы – его лекции. Были долгие и увлекательные путешествия, в том числе совместное с Симоной посещение СССР.

Был эпохальный спор с Камю, прерванный трагической гибелью последнего. Были Нобелевская премия и горделивый отказ от нее в угоду своим принципам. Наконец, пришла старость, и дал о себе знать измученный невероятным трудом организм. Впрочем, он никогда и не собирался отказаться от Симоны, она всегда, даже в периоды безумно-разгульной жизни оставалась его единственной привязанностью. Он не искал ей альтернативы, просто не желал в своей жизни двойственности, так часто свойственной мужчинам: жить и любить одну, искать чувственного наслаждения с другой или другими и скрывать все это даже от себя. Он предложил открытое признание своей полигамной натуры, отказываясь от каких-либо требований к партнерше, но признавая свое право игнорировать ее требования. Но она поддерживала спутника и даже не думала выдвигать какие-либо требования. «Сам принцип брака непристоен, поскольку он превращает в право и обязанность то, что должно основываться на непроизвольном порыве» – таков был ее официальный ответ, закрепленный книгоиздателем. Эти два человека прожили довольно странную совместную жизнь, но неизменно бережное отношение друг к другу, взаимное духовное обогащение и неослабевающая тяга к общению друг с другом убеждают нас в их праве на такой союз. Они были многим обязаны друг другу и осознанно ценили это. Эпохальная книга Симоны «Второй пол» была задумкой Сартра, любезно предложенной своей подруге; точно переданные женские переживания в его произведениях появились благодаря откровениям его спутницы. Они жили одним дыханием, обладали единой душой – поэтической и рациональной одновременно, блуждающей, словно во сне, поддающейся тайным импульсам и безумным порывам. Но это был их выбор.

Истинные отношение проверяются не столько жизнью, сколько смертью. А ведь последние семь лет жизни уже практически полностью слепого Сартра окутывало тепло преданности Симоны. И в эти годы спутница оставалась для него «его ясным умом», «товарищем, советчиком и судьей». О ментальной силе Симоны де Бовуар можно судить даже по такому, казалось бы, курьезному факту: Франсуаза Саган, фактически ее последовательница во взглядах и частая собеседница Сартра, старательно избегала встреч с ней…

Порой создается впечатление, что их платоническая связь претендует на то, чтобы возвыситься над всеми остальными формами взаимоотношений мужчины и женщины, ибо с презрительным снисхождением вытесняет секс и не замечает быта. Вдвоем они казались отрядом, боевым подразделением, добровольно брошенным на утверждение каких-то абсурдных и

противоречащих морали теорем. Главное, что они дали друг другу, – удовлетворение претензии на самодостаточность, возможность полной самореализации. Блеск одного дополнял блеск другого, вместе они ослепляли миллионы современников, ведь невозможно не реагировать на неожиданную вспышку света, невозможно не замечать взрыва, игнорировать явную аномалию. «Его смерть разлучает нас. Моя не соединит нас снова. Просто великолепно, что нам было дано столько прожить в полном согласии».

Пять десятков лет совместно-раздельной семейно-неверной жизни, в которой они опирались на духовную силу друг друга, питались сходным миропониманием и сумели сохранить восхищение друг другом. Это были полвека радостного поклонения абсурду ради необузданной свободы и безграничной славы. Лукавили ли они? Играли ли они с миром в угоду созданным в общественном сознании виртуально призрачным образам эдакой величественно эпатажной, непредсказуемой пары, стоящей в стороне от всей Вселенной и упивающейся своими непостижимыми для остальных отношениями? Скорее всего, так оно и есть. Но правда заключается и в том, что их мировосприятие было искривленным с самого начала, словно они сами себя видели отраженными в кривом зеркале – даже не в зеркале, а в металлическом шаре, на котором изображения растекаются сюрреалистическими блинами. Они не были способны на обычное человеческое счастье в понимании среднего человека, но приспособили мир к себе, объединившись, нашли ему замену, близкий по форме эрзац вместо реального плода. Достойная ли это замена, не возьмется судить никто, но они и не претендовали на эталон счастья, они лишь раздвинули пределы восприятия его возможности.

Карло Понти и Софи Лорен

Я обожала Карло. Это был мой мужнина, мой единственный настоящий мужчина. Я страстно хотела, чтобы он стал моим мужем и отцом моих детей. В какой-то момент мне казалось, что он не сделает решительного шага, если я не подтолкну его к нему.

Он дал мне почувствовать себя защищенной.

Софи Лорен

Одним из немаловажных моментов брака Карло Понти и Софи Лорен, которые следует принимать во внимание при исследовании института брака, является завидное воздействие позитивного стимулирования со стороны государства и религии. Разумеется, никакие земные силы не смогут создать истинную любовь при полном отсутствии духовных сил, но Карло и Софи в течение десятилетий демонстрировали некую золотую середину в отношениях мужчины и женщины, которые не испортили даже приоритетность обогащения и проблески деструктивного, сдерживаемые искусственно сформированными дамбами. В самом деле, несмотря на «полвека любви», шикарной и слепящей глаз неискушенного человека, в этом итальянском браке присутствует мутный осадок материального, не позволяющий спутать чарующие отношения двух людей с искрящимися рядом бриллиантами.

От земных устремлений к первородному счастью

София добровольно отдала себя в опытные руки Карла Понти, безропотно стала играть по навязанным им правилам, но неожиданно пленила его нешуточной сосредоточенностью и серьезностью во всем, что касалось семьи. Его растущее с годами пристрастие к актрисе мирового уровня постепенно перешло в неподдельное обожание и даже любовь, что объяснялось не столько мужским прозрением по мере открытия и развития таланта своей протеже, сколько неминуемой трансформацией сознания с возрастом. Это, пожалуй, был один из тех уникальных

и редких случаев, когда мужчина, воспользовавшись своими профессиональными возможностями, выбрал молодую девушку, как выбирают лошадь или собаку – по экстерьеру (он даже предлагал ей сделать пластическую операцию по укорачиванию носа), для создания манящей подсветки к своим фильмам и совмещения с мимолетными желаниями плоти, но получил сногсшибательный результат в виде растущего интереса к молодой актрисе, что предопределило дальнейшее профессиональное взаимодействие, причем его карьера все больше нуждалась в такой опоре, как его восхитительная любовница.

* * *

О детстве и юности Карло Понти известно не так много, как о первых годах жизни его всемирно известной жены, но о формировании характера продюсера можно судить по его поступкам в зрелом возрасте. С молодых лет этот человек демонстрировал неизменную мотивацию к достижению успеха, сделав деньги его универсальным мерилом. Дело всей жизни он выбрал не сразу, увлекаясь сначала архитектурой, а затем вопросами права. Любопытно, что учебу в Миланском университете напористый студент оплачивал самостоятельно, зарабатывая средства в нотном магазине отца. Хотя его наверняка беспокоили скромные финансовые возможности родителя, он сделал довольно конструктивный вывод из ситуации, связав будущее со своим профессиональным ростом. Карло убедил себя, что сумеет достичь положения в обществе, как сумеет и распорядиться успехом. Не имея глубокой духовной основы и будучи в душе скорее филистером, чем стремящейся к самосовершенствованию личностью, он ориентировался на внедренные в массовое сознание стереотипы: богатый мужчина может быть счастлив тем, что позволяет себе за деньги что угодно. Это был, разумеется, пагубный, но весьма действенный стимул; сильная установка привела Карло Понти на пьедестал победителей, хотя долгие годы жизни среди вещественных благ и фальшивых эмблем превратили его в сублимированную, высушенную долларовыми догмами личность.

Уже в магазине отца он получил и первый уникальный опыт общения с клиентами, осознав необходимость внедрения в их податливое психическое пространство, чтобы, хорошенько покопавшись в нем, иметь полное представление об их тайных и явных желаниях. Молодой человек быстро смекнул, что

несметные сокровища хранятся недалеко – в области вечных человеческих желаний, и тот, кто сможет контролировать узкие тропы в храмы тайных устремлений современников, будет безраздельно владеть бездонным кошельком с банкнотами.

Самостоятельность стала одной из отличительных черт молодого Карло, и неудивительно, что его стремительный взлет начался практически с получением университетского диплома. Но если самостоятельность стимулировала его к непрерывному поиску, то выработанная хитрость и проницательность стали козырной картой игрока. Он быстро уверовал в то, что именно люди, вернее, их способности являются самым дорогим товаром, поэтому свои ставки всегда связывал с совершенным выбором. Отсюда выросло и первичное, дистиллированное отношение к женщине: отточенная изысканность натренированного донжуана самым удивительным образом уживалась в нем с вопиющим прагматизмом пользователя. Именно пользователя, потому что будущая финансовая империя Понти базировалась на использовании окружающих, причем его удивительная логика позволяла быть одновременно и соблазнителем, и финансовым директором собственного амурного сценария. По Понти, наиболее платежеспособной компанией являются незадачливые человеческие особи мужского пола. Эта позиция и предопределила его особое внимание к женщине. Пылкая натура Карло жаждала аттракционов с яркими световыми эффектами, и в этих показательных выступлениях в собственном воображении он лишь тогда мог выглядеть безупречным денди, когда был помещен в дорогую, сверкающую золотом высшей пробы оправу. Такой оправой в обществе любого периода нашей цивилизации всегда служили женщины. С юности он любил женщин истово и пронес это чувство через всю свою долгую жизнь.

Карло Понти в попытках опериться избрал частную практику, ибо любой вид несвободы и оков выводили его из себя. Маленький и неброский человек, который бредил славой, властью и помпезностью, начал с оказания помощи юристу из кинокомпании, демонстрируя не только терпеливость, но и растущие знания в двух взаимосвязанных областях: подготовке всесторонне проработанных и взвешенных решений и умении использовать психологические особенности окружающих. Успех притягивал его с невероятной магнетической силой, потому что мог не только раздуть до непомерных размеров мыльные пузыри растущего тщеславия, но и открыть наиболее простой путь в сад наслаждений. Этот молодой человек был очень способным, он оказался настоящей находкой для компании. Трудно достоверно утверждать, нужны ли были растущему в собственных глазах

Понти непосредственно сливки желаний или все делалось для демонстрации окружающим изменения собственной значимости.

Но слабым местом этого человека, постепенно превращавшегося в живую легенду, оставалась его непреодолимая страсть к женщинам. Нет, его волновала не любовь, его магнитом тянуло в губительный водоворот наслаждений, и противостоять этому у него не хватало ни сил, ни желания. «Успех был настолько грандиозным, что я потерял голову. Женщины, женщины, женщины…» – именно эти слова приводит неумолимый Уоррен Харрис, автор детального повествования о жизни Софи Лорен и Карло Понти. Кажется, Карло Понти неминуемо оказался бы жертвой своих безудержных низменных порывов, не встреть он на жизненном пути Софи Лорен. Именно ее сознательная установка спасла эту в высшей степени странную пару, которую связали не столько путы любви, сколько стальные цепи общей экономики, профессиональной зависимости и искреннее увлечение кинематографом.

История взлета Софи Лорен очень схожа с появлением на свет Мэрилин Монро – обе они прошли через горнило детских переживаний. Правда, с той оговоркой, что рядом с Софией всегда была мать, не бросившая ее, не оставившая в детском доме, как нерадивая родительница американской кинозвезды. Производной этого бесспорного факта выявилась способность самой Софии стать матерью (в отличие от Мэрилин Монро) и, по всей видимости, ее глубинное стремление к любви. Мать Софии, Ромильда Виллани, нагулявшая двух дочерей в юные безответственные годы, сумела сойти с манящей, но тупиковой дороги исключительно благодаря своей семье. Семья Виллани смирилась с непутевым началом жизни Ромильды и не отвернулась от нее, что позволило молодой женщине стать заботливой и искренне любящей матерью. Скорее всего, для Софии и ее младшей сестры Марии этот знаковый эпизод семейной жизни, как и сам поступок матери, а затем и ее мучительная, невыносимо долгая борьба за будущее дочерей предопределили все то лучшее, что оказалось заложенным в их характерах. Отношение к детям, родителям и друг к другу превратилось в символ, облеченный в священную оболочку под названием «семья». Длинная лента материнской жизни, просмотренная с широко раскрытыми глазами, казалась не только суровым искуплением, но и свидетельством жажды жизни, неуклонного стремления к действию, активной позиции, способности превращать мир вокруг себя в благодатную среду обитания. Мать была в глазах маленькой Софии доброй и всемогущей феей, силы которой направлялись на то, чтобы

расправить ее собственные крылья, вдохнуть в них мощь и отправить в поток иной, ликующей жизни, где есть любовь, красота, богатство и слава. Святость материнского лика усилила и война, ввергшая семью в нищету и заставившая искать нелинейные способы выживания.

Но в целом жизнь Софии начиналась как вполне заурядная и мало что обещающая история девочки из бедного квартала. Отсутствие поддержки в лице отца внесло в ее жизнь смятение и вечное ощущение неполноценности, которую она, повзрослев, жаждала восполнить даже больше, чем утолить страсть. Ее представление об окружающем мире, как и о себе в нем, имело некоторое иррациональное преломление, как будто невидимая всемогущая рука оставила множество брешей и разрывов в пестрой картине мироздания. Хотя мать бесконечными просьбами, смешанными с проклятиями, вынудила ветреного Шиколоне дать Софии свою фамилию, девочка чувствовала холодную пустоту в том месте, где могла бы быть ободряющая рука отца. «Повзрослев и поумнев, София поняла, что ей не хватает не просто отца, но человека, который по-настоящему интересовался бы ее жизнью. Когда она окончательно убедилась, что Риккардо Шиколоне действительно ее отец, она возненавидела его за то, что он никогда не приезжал к ней и вообще игнорировал существование дочери» – так очень точно описывает самую глубокую язву в сознании будущей актрисы ее биограф Уоррен Харрис.

Но все же в ее детстве оставалось много такого, что поддерживало на плаву и заставляло не черстветь душу. Прежде всего, это неугасающая материнская любовь, а также воспитание бабушки, говорившей о преимуществах материального достатка и вызывавшей живые образы богатых женихов из числа современных принцев со сказочными дворцами и блестящими автомобилями. Последнее также определяло в воображении Софии привычно-прозаичное восприятие роли женщины в современном мире, ищущей руки сильного и щедрого мужчины, чтобы опереться на нее.

По всей видимости, своему появлению вблизи волшебных камер, создающих нового идола цивилизации, София полностью обязана матери. Она всегда отдавала себе отчет в том, что в ее родной Италии предостаточно смазливых девчонок, которых перемололи несокрушимые жернова жизни. Одним из таких ярких образов женщин, потерянных в мутных глубинах цивилизации, была ее мать. Двойственный образ матери и сыграл решающую роль в борьбе Софии за нишу в самом грандиозном небоскребе, называемом социальной лестницей. Прежде чем

попасть в поле зрения «служителей» культа кино, София стала продуктом пламенных устремлений собственной матери. Все то, чего Ромильда не сумела достичь сама, она попыталась сделать руками своей дочери. Навязчивая идея юности сниматься в кино была такой сильной, что однажды, собрав юную Софию, которой едва исполнилось четырнадцать, мать-авантюристка рванула с нею в Рим за кинематографическим счастьем. Среди прочего так была поставлена жирная обескураживающая точка на образовании девочки; с этих пор ее школой становилась сама жизнь.

Следует упомянуть еще об важном одном штрихе в формировании самоидентификации Софии – присутствии в ее жизни на редкость последовательной и спокойной бабушки, заметно контрастирующей со взбалмошной и вечно неудовлетворенной матерью. Она научила девочку терпению, умению побеждать не только напором, но и выдержкой. Впоследствии это не раз пригодилось ей в борьбе за мужа, особенно в зрелые годы, с более молодыми соперницами. Благодаря необычайно настойчивым матери и бабушки София не стала изгоем, однако сполна испытала неуютную зависимость женщины от мужчины, оставившую в ее душе болезненное стремление к материальной защите от возможных жизненных коллизий. Но стойкое намерение выстроить щит из денежных знаков имело еще одну сторону: построение современного мира убеждало Софию в необходимости искать опору в лице сильного, уверенного мужчины. Через много лет ее приятельницы утверждали, что мысли Софии Шиколоне об успехе и муже как неотъемлемой его части были доминирующими, что прорывалось даже в обыденных разговорах. Таким образом, уже задолго до своего взросления в глубинах сознания Софии сформировалось стойкое убеждение, что ее счастливое будущее может быть связано только с поиском правильного мужчины. Она была акцентуирована, даже зациклена на своей будущей семье, поэтому делала ставки в первую очередь на заботливого покровителя-отца в противовес своему нерадивому родителю. И лишь где-то на весьма удаленном втором плане проступали контуры привлекательного мужчины-мужа. Кажется, она очень точно знала, как распорядится данной природой красотой. В свои четырнадцать лет девушка отчетливо понимала, что наивысшую ценность для нее представляет счастливый брак – то, чего была лишена ее мать и что отдавалось мучительной тревогой в ее собственном сердце. Кроме того, она знала, что счастливый брак будет самым надежным предохранителем от ударов, которыми жизнь старается испытать на прочность каждого гостя на своем

суетливом и все же таком влекущем карнавале.

Долларовый частокол как способ оградить себя от ударов судьбы

Итак, к моменту взросления Карло Понти и София Лорен имели абсолютно разные стартовые позиции и к тому же мало совпадающие системы ценностей. Карло Понти вырос неисправимым повесой и гулякой в душе, тщательно прикрываясь общественно значимыми нормами и истовой страстью к работе. Он был до фанатизма одержим желанием создать нечто поражающее великолепием, но еще больше мечтал получать сверхприбыли на простых и понятных массам людей вещах. Понти к началу своей головокружительной карьеры уже был тонким социальным психоаналитиком, знатоком тайных рычагов человеческой психики и особенно скрытых пороков, которым был подвержен и сам. Последнее он не очень-то и скрывал, очевидно, полагая, что полигамные импульсы мужчины если и не служат его украшением, то, по меньшей мере, отражают основные качества его властной, склонной к собственничеству, патриархальной натуры. Кроме того, мир кинематографа, по всей видимости в силу стремлений его участников к глубоко эмоциональным переживаниям на экране отношений мужчины и женщины, был почти повсеместно заражен пристрастием к связям на стороне, причем касалось это обоих полов.

София Шиколоне, напротив, подошла к своему взрослому периоду с совсем иными категориями в оценке целей и счастья. Конечно, так же как и Карло Понти, она свято верила в величие денег, поклоняясь материальным эквивалентам успеха, как язычники своим многочисленным богам. И все же у Софии сформировалось иное отношение к использованию успеха. Да, с самого начала своей карьеры, еще до кинематографа, как указывает Харрис, «со своим смугловатым типажом лица София часто изображала злодеек и соблазнительниц цыганского или арабского происхождения». Правда и то, что она довольно легко согласилась стать любовницей солидного продюсера, бывшего на много лет старше ее. Но, несмотря на эти мало красящие девушку факты, есть достаточно признаков, говорящих в пользу того, что эти поступки были скорее компромиссами, балансом внутреннего отражения ее личностной сути и четко выраженного желания не походить на легкомысленную женщину, какими часто представали актрисы. С одной стороны, домотканая мудрость подсказывала девушке, что только хладнокровное принесение

себя в жертву может привести ее на съемочную площадку. С другой – интуиция, помноженная на неудачи собственной матери, а также осознание скользких и переменчивых возможностей женщины в современном мире склоняли сознание в пользу тонкой, расчетливой игры. Ей нужен был весомый стратегический результат, который просматривался в создании полноценной семьи и достижении если не вечной любви, то хотя бы семейного благополучия. Ради этого София была готова втоптать в землю свои чувственные побуждения, огнем выжечь вожделение к мужчине, противоречащее конструированию семейного уклада. Кажется, укоренившаяся в ее голове установка на создание красивой семьи оказалась чрезвычайно сильной, потому что не раз вступала в противодействие с пульсирующей, как гейзер, чувственностью актрисы.

Вряд ли София испытывала подлинную любовь к преуспевающему и непостоянному Понти, когда приняла решение завоевывать его постепенно, неотступно следуя своим принципам, осторожно навязывая их ему, порой даже приписывая добродетели, которыми ловелас явно не обладал. Риски для нее были крайне велики, но и выбор партнера – слишком ограничен. Она просто старалась, в сущности, вести себя вполне естественно, разве что с помощью воли сдерживая молодую страсть в узде. Ведь в случае провала ее жизнь могла бы стать точной копией жизненного пути матери. И в самом деле, ее позиция долгое время оставалась неустойчивой, да и сама по себе София была склонна повторить путь матери. Однако, в отличие от матери, она имела два крупных козыря. Первый заключался в привитой вере в то, что она способна стать актрисой; и эта вера к моменту встречи с Понти была уже умножена на материнские усилия на непростом кинематографическом поприще.

При всей примитивности мышления София оказалась душевно более богатой, чем ее избранник, и этим она сумела побудить его самого заметно измениться и превратиться в чудесного семьянина, любящего мужа и отца. Во-первых, София сразу смекнула, что интерес продюсера к ее девичьей свежести быстро улетучится, если ее намерения не выйдут за пределы любовного ложа. Более того, девушку словно кто-то гнал кнутом; ей казалось, что времени для осваивания актерского мастерства отведено совсем немного. Она не просто покорно следовала рекомендациям опытного военачальника киношных полей сражения, а осознавая умопомрачительные бреши в своем образовании, добровольно избрала труд рабыни. От нее полыхало жаром, как от костра, в который подбросили свежего хвороста. София с утроенным вниманием вслушивалась в каждое слово

Карло и его окружения, на лету схватывая детали, а затем с изумляющим рвением и бесконечным упорством боролась за достижение того эффекта, которого от нее ждали. Что ж, если мужчина намеревался найти в ней свою выгоду, то она должна использовать его знания для закрепления позиций на съемочной площадке. Но тут неожиданно их устремления совпали: она жаждала стать настоящей актрисой, а не любовницей, получающей роли как плату за интимные услуги; но и Карло Понти нуждался в сильной натуре, в яркой, пленяющей зрителя звезде. Пока ему было еще не до любви, со свойственной запальчивостью он занимался взращиванием киноактрисы мирового масштаба. Это стало бы универсальным поплавком во время любых колебаний погоды и неожиданных штормов на изменчивом море кинопроизводства. Неожиданно вместе они сформировали уверенно продвигающуюся вперед команду, в которой надежность страховалась еще и растущей страстью друг к другу. Во-вторых, София приняла правила игры Понти. Она отчетливо видела, что зыбкое болото материального цепко удерживает его в своей коварной трясине, и подыграла ему. Он зарабатывал на ее игре все больше денег и, как утверждали люди в окружении продюсера, контролировал ее благополучие, поскольку прибыли поступали на его счета. Кто-то другой мог бы возмутиться такой ситуацией, но только не София, девочка из бедной семьи, знающая цену самой мелкой монеты. Умеренным и даже несколько показным пренебрежением к этой детали в их отношениях она словно говорила своему мужчине, что ей нужно иное, что он нужен ей весь, целиком. Ее нисколько не смущало, что Карло Понти был женат и воспитывал двоих сыновей. Она, в сущности, и не вступала ни с кем в борьбу за Понти, просто благодаря растущему мастерству создала ситуацию, когда он не мог обходиться без нее. И в какой-то момент стала гораздо ближе Понти, чем его собственная жена. София внедрилась в его деловой мир, при этом полностью завладев и его интимной жизнью. И наконец, в-третьих, – став Софи Лорен, приобретя неподражаемый блеск талантливой киноактрисы, она, кажется, удивила самого Карло Понти – серьезностью отношения к нему и к их общим интересам. С самого начала она претендовала на роль подруги – роль, гораздо более емкую, чем банальное положение любовницы. Играя эту роль с искренним интересом, она также исповедовала принцип верности своему мужчине, игнорируя притязания множества других мужчин, которые были моложе и симпатичнее Понти. Таким способом она заметно укрепила имидж самого Понти, чего он не мог не оценить и не принять во внимание в процессе формирования отношения к своей

любовнице. Тут не стоит ни недооценивать, ни преувеличивать склонность Софи Лорен к романтическим взаимоотношениям с мужчинами или, попросту, к зажигательному флирту. Как кажется, сделав однажды ставку на Карло Понти, она встала на долгий путь завоевания сердца своего избранника. Это означало прежде всего, что ей никогда не следовало пересекать границу дозволенного, ступать за выставленные общественными представлениями флажки морали. Софи слишком хорошо понимала, что ее возможная слабость рано или поздно станет достоянием ушей Карло Понти и тогда он, скорее всего, будет для нее потерян.

А вот флирт имел совсем другое предназначение, порой выполняя сразу несколько важнейших для ее психического состояния функций. Воздушные платонические отношения с другими мужчинами демонстрировали, что она их привлекает, что она популярна и может быть любима. Это было важно знать ей самой, чтобы не позволить себе увянуть, если внимание Понти иссякнет. Кроме того, как цветку нужны тепло и свет, так и ей необходимы были душевные отношения, явный недостаток которых женщина ощущала в не до конца оформленном союзе с возлюбленным. Ей попросту нужно было общение, духовное взаимодействие, эмоциональный обмен, который происходит при затрагивании самых чувствительных, щепетильных тем. Но и не только. Порой на первый план выступало прагматичное желание стимулировать своего любовника к конкретным действиям по созданию семьи. Правда состояла в том, что маститый делец не особо стремился к созданию второй семьи, его вполне устраивала Софи в качестве компаньонки и любовницы. Но именно мягкая решительность Софи, ее стремление доказать, что она «женщина, на которой женятся», привело в итоге к их браку. Конечно, Софи Лорен максимально использовала и тот факт, что в Голливуде крайне негативно относились к внебрачным отношениям тех, с кем заключаются сделки. А Карло Понти так стремился к совместному бизнесу со своими заокеанскими коллегами…

Сила денег пронизывает этот брак насквозь. С одной стороны, сформировавшаяся взаимная материальная зависимость связывала его участников дополнительными узами невиданной прочности. Дело тут даже не в страсти к бюргерским ценностям, а скорее в тщательно скрываемом намерении затонировать прибылями пробелы в духовном. Мысли о бедности были одинаково ненавистны и Карло Понти, и Софи Лорен, у обоих они часто становились доминирующим стимулом к активной деятельности и поискам новых форм «продажи» блестящей вещички по имени Софи Лорен. В том-то и дело, что продающееся

всецело принадлежало женщине, а лучшим продавцом оказался мужчина. Карло Понти фанатично заботился о славе Софи Лорен, и эта слава не только продавалась, но и делала женщину сильнее в мутном море дельцов-мужчин. Но в то же время утробная привязанность к деньгам, недвижимости, драгоценностям порождала и его потенциальную уязвимость. Но скорее всего, слишком долгий период взаимной зависимости в финансовых делах, а также потенциальная способность Софи Лорен обходиться без услуг мужа создали во второй половине их совместной жизни ситуацию, когда женщина получила возможность куда больше влиять на позиции семьи, чем престарелый, правда не теряющий хватки, баловень судьбы. И вот тут-то и сработал главный предохранитель семейного благополучия: она была до гроба предана делу семьи, звучание этого магического слова имело для нее намного большее значение, чем физическая привлекательность мужчин. И уж тем более семья была для нее важнее, чем материальные эквиваленты успеха.

Щепетильные описатели жизни пары твердили, что Карло Понти с самого начала контролировал счета своей жены, фактически никогда не выпуская бразды правления из своих цепких рук. Уоррен Харрис подчеркивает, что даже в те времена, когда у них было двое общих детей, муж держал от нее финансовые дела в секрете. Любопытно, что права не только на фильмы, но даже на биографию актрисы частично принадлежали ее мужу, а частично – третьим лицам или финансовым структурам. Небезынтересным фактом также можно считать то, что по достижению семидесятилетнего возраста продюсер решил передать основу своего дела жизни старшему сыну от первой жены. Почему он так поступал? Не доверял жене, опасаясь, что она может переметнуться к более молодому и не менее деловитому мужчине? Не исключено, что так оно и было. Склонный к адюльтеру как части всего кинематографического успеха и прилагающейся к нему шикарной жизни, он слишком долго не мог осознать ценности духовного взаимодействия, принять в сердце духовную доминанту существования. И потому собственная неуверенность подталкивала его к созданию дополнительных заслонов и преград от возможного предательства. Возможно, что мужская фобия Понти усиливалась вследствие несуразного впечатления от внешней близости с очаровательной женой. Одно дело иметь с такой женщиной тайные интимные контакты, и совсем другое – находиться рядом везде и всегда. Первое могло сделать его героем в глазах примитивных приятелей, второе – вызвать их же насмешки. Но

сама Софи научила его не беспокоиться о преходящем – своей искренностью и преданностью.

Ко времени, когда Карло Понти и Софи Лорен отметили тридцатую годовщину их мексиканского брака, существовало устойчивое мнение, что их связывали вместе «только дети и общие вложения денег». Похоже, что такой точки зрения придерживается и Уоррен Харрис, один из их биографов, добавляя: «В любом случае, их профессиональные отношения казались очень прочными». Тут самое время попытаться смоделировать ситуацию, когда они оказались бы без гроша в кармане, отлученными от роскоши и стерильной чистоты среды обитания. Что произошло бы тогда? Они разбежались бы в разные стороны? Можно привести несколько аргументов в пользу того, что этого бы не случилось. Для начала стоит вспомнить, что их долгие годы связывали не только отношения «мужчина – женщина», но и отношения «партнер – партнерша», причем тут они феноменально подходили друг другу. Далее, Софи Лорен была совсем не той женщиной, которая могла относиться к семье как к чему-то преходящему; более того, изучение ее образа мыслей приводит к заключению, что семья с первого дня самоидентификации составляла главную ценность в ее жизни и годы не изменили ничего. Наконец, Карло Понти сам уже подошел к тому возрасту, когда мужчина начинает ценить не столько сексуальность, сколько преданность, благоразумие и долговременные взаимные интересы. Уже будучи в преклонном возрасте, он выдал на этот счет одно занимательное откровение, которое, хотя и не стоит принимать за чистую монету, все же несет в себе признаки существенных изменений в его мировосприятии. В частности, на вопрос, почему его брак с Софи Лорен все еще исполнен силы, старый хитрец ответил: «Потому что в некотором смысле мы оба пуритане, а настоящая любовь – немного пуританская. Она не связана ни с деньгами, ни с сексом».

Счастье любой семейной пары построено на балансе компромиссов как на стратегической высоте, так и на полочках повседневности и несколько рутинного быта. Карло Понти быстро приобщил свою жену к сумасшедшей роскоши и помпезным правилам богачей – одеваться у таких-то дизайнеров, отдыхать в таких-то местах, использовать такие-то вещи. Но в силу возраста он не мог веселиться подобно молодежи и порхать мотыльком. И тут уже она поддержала его, легко отрешившись от части своих желаний. А порой ее, в чем-то легкомысленную и поверхностную, так тянуло повеселиться ночью на дискотеке! Но умение изменяться и расти в духовной плоскости оказалось ключевой характеристикой семейных побед Софи Лорен, чего не мог не

оценить ее муж. Самым важным показателем этого стал поступательный переход от изображения легкомысленных сексапильных красоток к характерным ролям – мастерство, подвластное далеко не каждому актеру.

Измененное сознание – двойная сила?

Логика выбора Софи Лорен проста и понятна: в Карло Понти она увидела перспективу получить все то, чего ей недоставало. Как-то она сама обозначила границы своего интереса к возлюбленному: «Мне необходим был отец, муж и наставник. Карло стал для меня таким человеком. Он учит меня жизни так, что я этого не замечаю. И делает это естественно, все происходит как бы само собой, как при рождении ребенка». Любопытно, что первое место Софи отводит «отцу», и только потом «мужу»; она носила в сердце острую, отдающуюся с каждым шагом боль отвергнутого ребенка, девочки, которой отец пренебрег. Она нуждалась в отце для обретения полноты собственного образа, который без отца был лишен идентичности.

В чем суть внимания известного продюсера к юной красавице, необразованной, не умеющей толком разговаривать, с трудом понимающей суть актерского ремесла, не знающей тонкостей делового мира? Конечно, в первую очередь он видел в ней материал для производства большого количества денежных знаков, и во вторую – возможность с головой окунуться в свежесть юности во время нового амурного приключения. Все его поступки сигнализируют именно об этом: в своих собственных глазах он был сначала профессионалом, лепящим из вязкой бесформенной глины кинозвезд, потом – мужчиной, эдаким хозяином жизни, которому все дозволено, и только вслед за этим – мужем и семьянином. Этот человек заботился о репутации ровно настолько, насколько его реноме позволяло производить на свет увлекательные и пустоватые картины, приковывающие внимание обывателя, а ему сулящие пополнение кошелька. В этом основная причина того, что Карло Понти взялся за образование и подготовку Софи Лорен как актрисы. Он вынудил девушку избавиться от неаполитанского акцента, изменил имя, походку, звучание голоса, отточил весь ее стиль подачи себя. При отработке походки она должна была ходить по коридору между двумя рядами столов с открытыми дверцами и покачиванием то одного, то другого бедра закрывать их. Он заставил Софи учить языки, без которых сложно было бы протиснуться в узкие двери Голливуда. Карло Понти ввел ее в богатый и колоритный мир

книг, открыв гениев слова Бальзака и Стендаля, заставив почувствовать горечь Томаса Манна и насмешливость Бернарда Шоу, познать величественного Толстого, ироничного Чехова и кающегося Достоевского. Наконец, приобщил к миру шоу-бизнеса, введя девушку в свой деловой круг и позаботившись о том, чтобы она не пасовала перед акулами кинопроизводства. Благо, последнее было не слишком сложно: большинство киногигантов в жизни были маленькими, поверхностными человечками с очень скудным образом мышления и преимущественно материальными запросами. Во всем этом трудно отыскать признаки влюбленности, скорее Карло Понти походил на известного героя Бернарда Шоу, превращающего глуповатую девочку в светскую даму, с той лишь разницей, что, работая с Софи, расчетливый продюсер уже видел долларовый дождь. И вот тут-то деловитость Карло споткнулась: необыкновенная старательность, чувствительность, терпение и работоспособность девушки обескуражили, ошеломили продюсера и предопределили начало глубоких изменений в его восприятии своей подопечной.

Устойчивое душевное равновесие Софи Лорен явилось производной от двух, пожалуй ключевых, характеристик любой замужней женщины: самодостаточности и мудрости. Зёрна самодостаточности – родной сестры уверенности женщины в себе – появились в Софи в ту пору, когда на фоне бурного полового созревания она под воздействием матери бросилась покорять кинематографический Рим. Мелкие успехи вперемежку с разочарованиями ее мать очень ловко использовала для создания веры в себя – при любых обстоятельствах, при любом раскладе фортуны. Ромильда Виллани сама пробивала себе путь к благосостоянию и сумела вбить в голову маленькой Софи, что она тоже способна это делать. Когда же природная привлекательность девушки, помноженная на отчаянную работоспособность и растущее профессиональное мастерство, вывела ее на съемочный олимп, ее уверенность в себе как самостоятельной и развивающейся личности резко возросла. «*Я свободная* женщина, которая живет с любимым человеком. Я могу жить очень хорошо и без него. *Могу оставить его в любой момент по своему желанию,* но не хочу этого. Чем дольше мы вместе, тем больше я его люблю» – подобные откровения характерны для исключительно вольных и уверенных в себе натур, и привлекательность Софи Лорен для собственного мужа после таких слов возрастала, подобно тому, как росли акции успешно функционирующей компании.

Мудрость актрисы или, точнее, ее женская интуиция

проявлялась в сознательном развитии в себе духовного начала. Предпосылками этого процесса, несомненно, являлась пресловутая боязнь катастрофы личной жизни, особенно когда она видела, как вокруг рушатся браки и распадаются семьи. Но она никогда не позволяла себе быть легкомысленной и увлекающейся, как многие женщины из кинематографической среды. Софи взирала на их внезапные проблемы, как на подрывы на минах, хорошо зная причину детонации. Сама же она возвела брак в ранг святыни и главной ценности своей жизни, потому что пропустила через себя мучительное беспокойство матери, прожившей жизнь безнадежной одиночки; она хорошо усвоила, что увлечения и амурные истории ведут в преисподнюю отчужденности и пустоты. Потому поиски эмоций на стороне являлись для нее абсолютным табу. Она всегда помнила о своей несчастной матери, поплатившейся за ошибку молодости отсутствием семьи, к которой она так настойчиво стремилась. Поэтому в зрелом возрасте Софи имела все основания утверждать: «Меня вообще нелегко увлечь. Когда поклонники понимают это, они быстро оставляют меня в покое». Тем не менее эта мудрость имела и иное измерение – умение дозированно флиртовать в те моменты жизни, когда это было совершенно необходимо для сохранения брака. Так было в самом начале становления их союза, когда актриса, став любовницей продюсера, никак не могла вынудить своего избранника жениться на ней. Кажется, что она совершенно сознательно разжигала в своих поклонниках страсть, чтобы доказать Карло Понти свою популярность как женщины и свою верность как его спутницы. Поскольку, что бы там ни писала бульварная пресса, Софи Лорен старалась держать на высоте свое доброе имя – залог будущей победы над человеком, которого она видела своим идеальным мужем. Ни Гэри Грант, ни Петер Селерз, ни Марчелло Мастроянни, ни еще кто-нибудь из золотой россыпи актеров, с которыми ей пришлось встречаться на съемочной площадке, никогда не затмевал образа Карло Понти. Разумеется, он оценил это достоинство в женщине, которая, несмотря на сложные отношения с итальянским законодательством и травлю со стороны Ватикана, сумела стать женой именно того человека, на которого сделала ставку. Это была самая главная актерская роль в ее жизни.

Выходила ли она когда-нибудь на самом деле за рамки романтических увлечений мужчинами? Возможно; ведь недаром подобные сплетни сопровождали актрису и в возрасте пятидесяти лет. Многие, писавшие о Софи, полагают, что она, скорее всего, преступала черту верности. Тем не менее ее образ каким-то

непостижимым образом остался незапятнанным. «У них разные спальни, но между ними сохранилась взаимная близость. Они уважают друг друга и обо всем друг с другом разговаривают». По всей видимости, второе замечание биографа имеет более важное значение. Для Карло Понти в какой-то момент стало ясно, что его жена, из которой он последовательно и планомерно вылепил символ современного кино, на деле проявляет гораздо большую терпимость и мудрость, чем это можно было бы ожидать от незадачливой женщины, которая выросла в бедном квартале Неаполя и не могла похвастать достойным уровнем воспитания и образования. Безусловно, он ценил свою жену по той простой причине, что ее морально-нравственные постулаты, как и крайне последовательное, всегда благоговейное отношение к семье, выгодно выделяло ее среди женщин его круга. Время превратило ее в достойного и весьма проницательного соратника, близкого человека, с которым можно было делиться любыми соображениями, и разве могла какая-нибудь юная красотка затмить редкую прелесть его жены не на миг, а навсегда. Можно констатировать, что Софи Лорен не испортили ни драгоценности, ни слава. И в начале ее жизни, и на склоне лет наиболее важной ценностью для нее оставались семья, дети, их сохранение и развитие. Это, пожалуй, то, что глобально отличает Софи Лорен от многих других баловней экрана, сгубивших свою жизнь или изуродовавших свои жизненные сценарии под давлением мнимой вседозволенности и беспринципности. Душа Софи Лорен сформировалась в то тяжелое время, когда она была долговязой и полной внутренних сомнений девочкой, когда долгими вечерами слушала многочисленные истории из жизни своей матери и размышляла над тем, как стать в этой жизни кем-то. И именно она спасла от краха Карло Понти, умного и предприимчивого профессионала, мужчину, поддающегося легкомысленным порывам, выносящим, как внезапный ветер, на край смертельно опасного обрыва. Она всякий раз страховала его, жертвуя своими личными интересами ради его душевного благополучия, а еще позже, когда наконец появились дети, заботясь о них, стараясь глядеть на несколько шагов вперед.

Что с того, что Карло Понти всю жизнь оставался неисправимым ловеласом? Хорошенько взвесив все «за» и «против», Софи Лорен сочла правильным игнорировать негативные моменты, вытеснять их из семейных отношений. Хотя, не исключено, порой ей приходилось испытывать жгучую душевную боль. Она умела видеть в муже в первую очередь человека, прощая животные полигамные порывы. «Может быть, в жизни существуют вещи более важные, чем страсть, любовь и

тому подобное. Со временем вы начинаете ценить все качества человека, с которым вместе живете», – заметила она однажды не без налета печали. Но ее природный оптимизм не позволял грустить долго, непрестанная борьба с тривиальной скверной на поверку оказывалась борьбой ЗА счастье, а не ПРОТИВ надвигающихся бед.

Впрочем, в завершающем акте жизни Карло Понти действительно заметно изменился, возможно, под воздействием Софи Лорен. Он четче и яснее осознал, что вечные ценности сильнее преходящих, и, конечно, был благодарен своей терпеливой и мудрой спутнице за то, что она прошла с ним рука об руку по жизни. А ведь, по большому счету, в подведении итогов совместной жизни и он и она возвратили сознание к замечательной и справедливой формуле: мужчине и женщине будет хорошо вместе до тех пор, пока они смогут с искренней радостью общаться друг с другом. Это общение само по себе энергетически сильнее и больше захватывает, чем сексуальные увлечения и инфантильная привязанность к материальным ценностям – немым свидетельствам недоразвитости духовности.

Великолепно изучивший повадки этой пары, Уоррен Харрис оставил в своей книге меткое и емкое замечание: «Если даже между супругами и была какая-то дисгармония, казалось, что она под их полным контролем». Разум явно доминировал у них над сферой эмоций, и последние, если и случались, являлись скорее продуманной игрой, нежели всплеском слабости. Неистощимый оптимизм у обоих подкреплялся прагматизмом, реальная вера в Бога – устойчивым отсутствием желания делить с кем-либо эмоциональные переживания, а искусственный колпак, которым они ловко накрыли семейное пространство, играл не только защитную, но и камуфлирующую роль. Они регулировали даже свои появления в свете, и это также помогало сосредотачиваться на интересах семьи.

Самое совершенное качество женщины – умение принести себя в жертву так скрытно, чтобы об этом не догадался никто. И в себе она признавала эту добродетель: «Брак похож на нить. Она должна быть ровной и без слабых мест. Я думаю, что в первую очередь за это отвечает женщина. Именно она может спасти брак от разрыва. Вот почему женщины такие мудрые и заботятся о своих детях. Если им приходится делать выбор, они выбирают семью, хотя, возможно, при этом они должны жертвовать всем остальным». Похоже, к этим емким словам нечего добавить. Разве только то, что Софи Лорен всегда оставалась самодостаточной личностью. Будучи в начале жизненного пути приземленным человеком с весьма посредственным интеллектуальным

развитием, прозаичными желаниями и темным шлейфом вынесенных из детства комплексов, она сумела не только отыскать свое место в жизни, но и закрепиться в ней, излучая приглушенный, но уверенный свет благодарности и умиротворения – дар, очень редко просыпающийся в людях.

Нельзя отрицать, что брак Софи Лорен и Карло Пойти, как и всякий долгий союз, подвергался испытаниям на прочность. Но проблемы появлялись всякий раз тогда, когда кто-нибудь из двоих впускал в скрытый интимный мир семьи чуждую энергетику. Среди известных случаев – опрометчивое приглашение пожить в их доме известного актера Ричарда Бартона (даже, вернее, в их пространстве на вилле, ибо актер жил в отдельном домике). Несмотря на то что слишком поверхностный Бартон был в то время озабочен развивающимися отношениями с еще более легковесной, порхающей по жизни беззаботной бабочкой Элизабет Тейлор, тотчас возникли ненужные кривотолки о его отношениях с Софи Лорен. Тут самое время ввернуть язвительное словцо об образе жизни актеров. Невинно играя с Бартоном в покер или проводя время у бассейна, Софи не могла себя не компрометировать (многое фиксировали ненасытные папарацци, добавляя домысленные комментарии) – в жизни без цели, затягивающей многих в неминуемый капкан деградации, также кроется подготовленный судьбой детонатор для зарвавшихся любителей сладкой жизни. Но в жизни Софи взрыва не произошло, как в жизни более беспечных Бартона и Тейлор. Наверное, потому, что, даже позволяя забавлять себя глупостями, не слишком задумываясь о смысле своего существования, она все же слишком сильно была сфокусирована на семье. Это не давало ей преступить черту в периоды эмоциональной опустошенности, которые испытывает всякая женщина, знающая о нестойкости партнера. Но в моменты истины в ее отношениях с Карло Понти появлялась спасительная вера в силу семьи, перерастающая в болезненную зацикленность. И эта акцентуация жены порой возвращала и самого Понти в постоянно ускользающее пространство гармонии, словно какой-то смутный зов, зовущий заблудшее домашнее животное к знакомому уюту.

Так, к слову, случилось и во время жизни на их вилле Бартона, ибо сам Понти был в то время увлечен некой молодой артисткой Далилой ди Лаццаро, для которой прокладывал дорогу в кино. Отношения своей жены к Бартону позволили ему в очередной раз пристально заглянуть в свою собственную душу. И он снова выбрал семью (тем более что юная артистка, кажется, была слишком глупа и слишком ленива, чтобы серьезно расти и соперничать в кино с Софи Лорен). Сама же Софи позже

оценивала ситуацию с необычной прозорливостью. В ее лаконичных словах «Надо быть осторожным, когда кому-то помогаешь», без сомнения, содержится признание, что проникновение чужака в семейный мир способно расколоть его идиллию, заменив спокойствие и равновесие на сложное балансирование. Она еще раз убедилась: семья – это пространство для двоих и их потомства, и это пространство должно быть закрыто для всего остального мира.

Им суждено было оставаться вместе ровно полвека, пока тихо подкравшаяся смерть не прервала замедлившегося шествия престарелой пары. И даже внушительный отрезок из девяносто четырех лет, отведенный яркому мэтру киноискусства, стал немым свидетельством его поражающей воображение сосредоточенности. Невероятный фейерверк из многих десятков фильмов продюссера с собственной женой стал самым честным индикатором их вовлеченности в жизнь друг друга. Но если его сосредоточенность была всегда направлена во внешнее пространство, чтобы изумить весь мир, то ее – на расширение зоны семейного счастья и благополучия. Она настолько в этом преуспела, что публика уже не могла отличить, где фразы, произнесенные для того, чтобы гипнотически воздействовать на саму себя, а где – уже выстраданные любовью заклинания. Ее непрерывное самовнушение любви сыграло, может быть, решающую роль в их браке, сначала шатком и довольно неустойчивом, а с годами все более крепком. Когда ссохшийся от времени Карло Понти смертельно заболел, его знаменитая жена безапелляционно заявила: «Я люблю его так же, как и в тот момент, когда увидела впервые. И буду любить до самой смерти». Она с самого начала отношений и до самого последнего мгновения решила лучше всех других известных актрис сыграть эту непростую роль – роль жены.

Газеты не раз повторяли якобы сказанные ею слова: «Мне всегда нравились, ну, скажем так, уроды, но с душой, умом и характером. И терпеть не могу тех, кто вечно колдует со своим лицом, занимаясь всякими там подтяжками и так далее, в Голливуде их пруд пруди, с крашеными шевелюрами. А ведь мужчина в возрасте – это как старое выдержанное вино, такой «напиток» с годами становится лучше, да и секса в нем больше, ведь он, секс, так выстоялся». В этом вся Софи Лорен во всей своей непосредственности и счастье, так что сразу хочется простить ей детское лукавство – ведь счастье, и особенно семейное, это большая игра. И в том числе словами. Их главное таинство заключается в том, что вербальная сила охватывает все пространство действия, переходя в энергетическую волну

неожиданной мощи, и тогда счастье пленяет того, кто так настойчиво его ищет…

www.badrak.kiev.ua
v_badrak@mail.ru